

~ 1 ~

*Любимому моему внуку
Диме посвящается*

Ю.Н. Шумихин

Плалдарм испытаний

Москва, 1990

Шумихин Ю.Н.

Плацдарм испытаний. Повесть. – М.: Издательство «Молодая гвардия» (неопубликована), 1990. – 135 с.

Молодой офицер-лейтенант, прибывший из госпиталя после ранения, присел на лодку на левом берегу Днепра в ожидании переправы на плацдарм, отвоёванный у врага несколько дней назад. Перед молодым человеком пробегают дни его детства и юношества. Днепр у него ассоциируется с его родной полноводной рекой Камой. Возникают картины учёбы в военном училище и первых боях после окончания его.

На плацдарме грохочет кровопролитный бой, раненых переправляется множество. Лейтенанту через несколько часов вступать в этот круговорот жизни и смерти.

Лейтенант молод, ему нет ещё и 19 лет, но он уже командир пулемётного взвода. Он включается в жестокие бои и с честью не дрогнув, выдерживает фронтовые испытания.

Атаки фашистов сменяют одна другую. Наступают не менее тяжёлые испытания, начинаются осенние дожди, затем заморозки, а воинам негде посушиться и погреться. Одежда, днём мокрая до нитки, ночью превращается в лёд. Спать можно только на дне окопа, фашист ещё очень силён и не допускает сооружения землянок. При малейшей попытке проведения земляных работ он закидывает снарядами и минами защитников плацдарма.

Испытания нарастают с каждым днём. Солдаты не были в бане уже месяц. Их буквально съедают насекомые. И ещё новые испытания придумали коварные фашисты – они расставили по всей своей обороне множество снайперов, которые ни днём, ни ночью не дают разогнуться обороняющимся.

В таких трудных условиях обороны проходят четыре месяца и, наконец, получен приказ наступать. Но наступление было чисто отвлекающим манёвром, так как для него не было получено достаточного пополнения в живой силе, снарядах и другой боевой технике. Однако лейтенант со своим взводом врывается во вражеские траншеи, завязывается бой с ближних дистанций, в ход пущены гранаты с обеих сторон. У лейтенанта гибнут остатки взвода и фашисты выбивают наступающих из своих окопов.

Вновь лейтенант во главе прибывшей штрафной роты захватывает вражеские позиции. Возвратившись под покровом ночи в свои траншеи, лейтенант вместе с командиром стрелковой роты и артиллеристами–корректировщиками собираются в круг и обсуждают сложившуюся обстановку. Солдаты практически все выведены из строя, наступать не с кем, да и обороняться тоже. В наступившей ночной тишине слышится отдалённый миномётный выстрел, затем звук приближающейся мины. Она с шипением падает в круг офицеров и разбрасывает их в разные стороны. Лейтенант получает удар в затылок и спину. Теряя сознание, он успевает заметить окровавленные тела своих товарищей-однополчан.

Глава I. ПЕРЕПРАВА

Снаряды и мины с характерным воем и свистом методически прилетали с той стороны Днепра, шлёпались о воду, поднимая столбы воды или песка с прибрежной части. Сразу чувствовалось, что противник бьёт не прицельно, наугад, обстреливая нашу переправу. Прицельного огня противник не мог вести из-за того, что прибрежные высоты правого берега Днепра были освобождены нашими войсками в результате форсирования реки. Высоты закрывали видимость на реку с позиций противника.

Теперь только фашистская рама – воздушный разведчик мог засечь переправу и дать своим артиллеристам исходные данные для стрельбы по ней. Однако такая стрельба не приносила ощутимого ущерба нашей переправе. Переправа велась наплавными средствами, в основном двумя понтонами, причём понтоны находились постоянно в движении.

Понтоны, переправляющие живую силу и технику, неумолимо медленно двигались поперёк течения на ту сторону Днепра. Сапёры, обслуживающие их, гребли наскоро сделанными вёслами. Течение относило понтоны и солдаты гребли изо всей силы, чтобы не снесло их к берегу за границей плацдарма, отвоёванного у врага.

Молодой лейтенант, возвращающийся из госпиталя после ранения, сидел на полуразрушенной лодке в ожидании своей очереди переправиться на тот берег.

За высотами правого берега слышалась стрельба, взрывы снарядов и мин. В ходе боя лейтенант отчётливо различал работу родного “Максима”. Он был пулемётчиком, в начале 1943 года окончил пулемётное училище и сейчас был назначен командиром пулемётного взвода в дивизию, которая вела бой за ближайшими высотами.

Взрывы снарядов и мин несколько отдалились от левого берега, противник перевёл огонь ближе к противоположному берегу, как бы чувствуя, что гружёные понтоны приближаются к нему. Вот один из снарядов упал около понтона, поднял столб воды, окатив сидевших в нём. Один из сапёров или от неожиданности или от взрывной волны кубарем скатился в воду. К счастью, понтон был уже близко к берегу, и глубина оказалась небольшой, солдат встал на дно, вода доходила ему до груди. Увидев, что солдат жив и невредим, в понтоне послышался смех и шутки. После короткого замешательства сапёры справились с развернувшимся по течению понтоном, он ткнулся тупым носом в прибрежный песок. Солдаты поскакали с него, не задерживаясь, побежали к высотам и исчезли из вида. Разгрузка понтона производилась быстро, без суеты специальной командой солдат. Из-под прибрежных высот

санитары несли тяжелораненых и укладывали их в понтон. Легкораненые сами шли на посадку.

Наблюдая за всеми действиями на переправе, лейтенанту казалось, что она действует уже многие месяцы и заведённый порядок отработан временем. Удивительная способность солдат моментально обживаться в любых условиях всегда поражала его.

- А может быть это вообще черта русского характера? – подумал лейтенант.

На нашем берегу наблюдалось сильное оживление. Солдаты подтягивали пушки и миномёты, готовя их к переправе. Подходили ЗИСы и полуторки гружённые боеприпасами, продуктами питания. К берегу подходило множество подвод, они также привозили фронтowej скарб, подтягивая тылы переправившихся частей. Всё это разгружалось и складывалось в штабеля ближе к кромке воды. Освобождающийся транспорт загружался ранеными бойцами.

Раненные располагались на прибрежном песке, одни лежали, другие сидели. Их было очень много, видимо на той стороне шёл жаркий бой. Лейтенант хотя и был достаточно молод и сравнительно мало участвовал в боях, но уже мог определить характер проходивших на той стороне боёв по количеству раненных. Видимо там было очень жарко и туда он должен прибыть через несколько часов.

В артобстреле наступила короткая пауза, видимо у фашистов наступил обед и широкий спокойный Днепр напомнил лейтенанту его родную Каму, где он родился в небольшом городке Сарануле, и где прошла его юность. На миг показалось, что он мальчик Георгий Шумилин, а попросту Жора, сидит на берегу своей родной реки со своими друзьями-пацанами с удочкой и ловит рыбу. Для этого, всей ватаге пацанов пришлось встать с рассветом, захватить нехитрый рыболовный скарб, по краюхе хлеба и, топая босыми ногами по деревянному тротуару спящего городка, добежать до переправы. Переправа через реку всегда приводила пацанов в трепет. Она проводилась на большом, деревянном пароме, на котором тесно друг к другу загонялись повозки с лошадьми, а люди устраивались между ними, на носу и корме паррома. Эту громадную баржу тянул старенький, маленький катерок, пыхтя и надрываясь над непосильной ношей. Он еле-еле передвигался, особенно вверх по течению реки. В то время пацанам казалось это чудом техники, и они зачарованно следили за всем ходом переправы, устроившись на носу баржи, и плотно прижавшись, друг к другу для теплоты.

Водная гладь с детских лет успокаивала Жору, он чувствовал на реке какой-то подъём духа, величие широкой и полноводной реки вызывало в нём чувство благоговения.

Паром причаливает к пологому берегу, ребяташки стайкой сбегают с него и с любопытством наблюдают, как ведётся разгрузка парома, как надрывно лошади тянут с него повозки, как кричат и волнуются ездовые. Насмотревшись на эту шумную картину, ребяташки бегом отправлялись на свои облюбованные места и закидывали самодельные, сделанные из можжевельника удилица с леской, сплетённой из щетины, вытащенной из хвостов лошадей на базаре.

И вот снова широкая река и опять переправа, только теперь под непрерывным огнём фашистских батарей, снаряды которых рвут реку, кромсают берега непрерывными огненными взрывами, нарушая такую родную сердцу картину красоты полноводной реки.

Снаряд, разорвавшийся неподалёку от лодки, на которой сидел лейтенант, вывел его из раздумья и резко оборвал воспоминания детства, которое, кстати, было не таким уж далёким. Лейтенанту шёл девятнадцатый год.

Он встал, осмотрелся по сторонам и заметил, что вражеский снаряд не только нарушил его воспоминания, но и унёс несколько жизней. Снаряд разорвался как раз в том месте, где только что подъехало несколько подвод с грузами. Кто-то истошно кричал, видимо получил тяжёлое ранение. Несколько солдат лежали без движения около повозок вперемежку с убитыми лошадьми. Кто-то отчаянно кричал: - “Санитара, санитар!”

К счастью, на переправе оказалось сразу несколько санитаров, из них две девушки и даже молодой военврач с тремя звёздочками на погонах. Они быстро принялись перевязывать раненых. В их движениях чувствовалась такая уверенность и ловкость, по-видимому, им за время войны пришлось перевязывать не одну сотню раненых.

Жора родился и воспитывался в интеллигентной семье учителей, где с раннего детства прививалось чувство любви к людям, всему живому, да и по натуре он был человеком эмоциональным. Поэтому чувство жалости у него было достаточно сильным, которое почти не притуплялось до самого конца войны, несмотря на то море крови, которое пролилось перед его глазами. Вот и сейчас, при виде свежей крови и видя страдания тяжело раненных, у которых из оторванных конечностей и рваных ран хлестала кровь, ему было не по себе.

С той стороны реки подошёл понтон, заполненный ранеными. Их быстро высадили на берег, и они смешались с ранее прибывшими и только

что пополнившими их ряды ездовыми, ранеными шальным фашистским снарядам.

На понтон поспешно стали грузить боеприпасы, видимо на той стороне в них ощущалась острая необходимость. В целях большей безопасности сапёрный капитан, руководивший переправой, не разрешил вместе со снарядами и патронами переправлять людей. Обстановка на переправе несколько разрядилась, лейтенант сел на свою полуразрушенную лодку и опять воспоминания нахлынули сами собой.

Вот последние годы учёбы в школе. Жора уже не босоногий пацан, а юноша понимающий, что скоро он будет взрослым и должен начать другую, взрослую жизнь. Уже появляется, ещё пока робкий, интерес к девочкам. Конечно не любовь. Даже сейчас, став офицером, лейтенант не знал, что такое любовь, как она появляется, из чего она состоит, и как люди воспринимают её наступление.

И вот 22 июня 1941 года по радио объявили, что фашистская Германия напала на нашу страну. Жора воспринял это известие без особого трепета, он считал, что ему не придётся воевать, и он думал об этом с сожалением. От роду шестнадцать с небольшим лет он не считал себя ещё взрослым и был уверен, что до того, как ему исполнится восемнадцать, фашисты будут разбиты. Тем более, что всё становление его сознания, жизненной позиции происходило под каждодневным внушением, что Красная Армия всех сильнее. Почти все песни тех времён воспевали принципы непобедимости Красной Армии, что “чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим”. Девиз, что врага мы будем бить на его территории, крепко сидел в сознании юноши.

Но всё оказалось не так просто, как представлял себе Жора. В течении короткого времени фашистские орды подошли к Москве, преодолев за сравнительно короткий срок тысячи километров по нашей земле. Юноша не представлял, да и трудно было себе представить трагедию, разыгравшуюся на полях сражений. Только став военным, он узнал, как наши войска, чаще всего в беспорядке отходили вглубь Советской территории, как они попадали в окружение, как гибли десятками тысяч и как попадали целыми частями в плен.

В сознании Жоры произошла переоценка всего ранее воспринятого, впитанного с раннего детства. Он скоро понял, что враг очень силен, коварен, умеющий воевать и привыкает к победам и забросать его шапками, как он ранее думал, не удастся. Он также понял, что скоро настанет черед ему идти на защиту Родины.

В начале учебного года в школе уже появились новые ученики, прибывшие с оккупированной территории Украины и Белоруссии. В его доме поселились эвакуированные из Бреста и других западных районов Украины.

Зимой 1942 года Жора решил, что пришла и его пора идти на защиту Родины. Он написал заявление с просьбой направить его на фронт и пошёл в Райвоенкомат. Офицер с двумя “шпалами” в петлицах внимательно выслушал Жору, дважды перечитал заявление и сказал:

- Юноша, мы понимаем и приветствуем твоё решение идти на защиту нашей священной Родины, но ... Красной Армии нужны не только солдаты, но и офицеры. Поэтому мы предлагаем тебе окончить школу, а после этого обязательно призовём в ряды Красной Армии. Как грамотного человека пошлём учиться на офицера. Поверь мне, это будет очень скоро.

Все аргументы Жоры, которые он подготовил, чтобы убедить Райвоенкомат направить его на фронт, были разбиты последним доводом офицера, не особенно приятным для Жоры:

- Кроме всего прочего, ты ещё не вышел годами для того, чтобы идти на войну. Посмотри на себя, ты ещё хрупкий мальчик, тебе нужно возмужать.

Жора ушёл обиженный.

Чтобы как-то помочь Родине в борьбе с лютым врагом, Жора стал с большим усердием изучать устройство комбайна, курс которого читали теперь в школе. После окончания школы он поступил штурвальным в близлежащий к городу колхоз и проработал там до призыва в Красную Армию.

Как и предсказывал офицер Райвоенкомата в августе 1942 года его и всех выпускников школ, годных к военной службе призвали в Красную Армию и направили в военные училища. Жора попал в пулемётное училище, эвакуированное из Москвы на Урал в г. Можга.

До сих пор без содрогания Жора не мог вспоминать учёбу в этом училище. У него создалось впечатление, что в связи с сокращением срока учёбы до восьми месяцев, весь заряд трудностей военной службы спрессовали, по крайней мере, вдвое и высыпали его на головы курсантов в больших количествах. Первое, что поразило будущих курсантов, это казарма. Она располагалась в школе. Спали все вповалку на сколоченных из наструганных досок двухэтажных нарах на мешках, набитых соломой. На одного курсанта приходилось так мало кубических метров, что к утру на верхних, да и на нижних нарах дышать было совершенно нечем.

Жоре запомнился диалог между старшиной и вновь прибывшими курсантами. Во время еды курсанты оставляли на столах недоедённые корки

хлеба и ещё кой-какую снедь. Это заметил старшина, принимавший их в училище, и сказал:

- Ничего курсантики, через несколько дней забудете эти домашние за-
машки и будете рады каждой крошке хлеба.

И действительно, буквально с первых дней и до самого последнего дня пребывания в училище курсантов качало от недоедания. Если учесть, что всем курсантам было около восемнадцать лет, и их ещё не окрепший организм требовал питания для роста, то какой трагедией оборачивался для них этот систематический голод.

Молодые курсанты, например, готовы были разорвать своего сверстника, если он неправильно разрезал пайку хлеба и, по мнению его сослуживца, получал на несколько граммов кусочек хлеба больше.

Курсанты с 6 утра до 11 вечера были на ногах. Постоянная строевая подготовка, тактические занятия, бесконечное ползание по пластунски изнуряли их до одурения. Винтовка образца 1899/1930 года по размерам, почти превышающая рост этих мальчиков-курсантов, была неотъемлемой частью их самих. А какая же она была тяжёлая!

Но кроме винтовки был ещё пулемёт, который как любимое дитя нужно было носить на плечах вместе с колёсами, предназначенными для его передвижения. Литая станина пулемёт-станок весила 42 килограмма, сам пулемёт с водой весил немногим меньше. Вдобавок к этой тяжести нужно было нести стальной щит. Можно себе представить ночной марш-бросок поднятого по тревоге подразделения. Обессиленные курсанты еле несут самого себя и трёхлинейку в придачу, скатку шинели, противогаз, а им на плечи грузят ещё 42 килограммовую станину. При каждом шаге эта станина больно ударяет по спине. Надо приспособиться так, чтобы её амплитуда колебаний вошла в ритм шага и сильно не стучала по позвоночнику.

Правда, в таких марш-бросках были и курьёзы, которые вызывали замешательство среди курсантов. Так, нагруженный станком курсант шёл и засыпал на ходу, несмотря на такую тяжесть на спине. Если сзади идущий не замечал, что курсант со станком начинает медленно отходить в сторону и не будит его, то курсант вместе со станком валится на землю. За это тяжёлый станок наказывает его сильными ушибами, иногда до крови.

На протяжении первых двух, сравнительно тёплых месяцев, обмундирование ещё держалось в достаточно приличном состоянии. Но вот начались дожди и холода, брюки катастрофически стали преть и рваться на коленках от постоянного ползания по-пластунски, а в других местах и от ходьбы в течении суток не менее 16 часов. Обмотки превращались в какие-то ажурные ленты. Замотанная ими нога становилась похожей на экзоти-

ческое растение. Ботинки прохудились и свободно пропускали ледяную воду туда и обратно.

И в довершение всего, начальник училища генерал-майор Иванов, старый служака, видимо считал, что девиз “тяжело в учении – легко в бою”, должен быть применён во всех случаях и всегда. Неважно, что условия изменились, что в связи с войной и нехваткой ресурсов люди голодают, что они только что оторвались от своих родителей, которые заботились о них и юноши не сразу могли перестроиться.

С самых первых дней в училище была установлена драконовская дисциплина. За каждый незначительный проступок, порой произошедший из-за того, что курсант ещё не понимал всех тонкостей военной службы, его наказывали многочисленными нарядам вне очереди. Это значило, что смертельно уставший за день учёбы курсант вместо того, чтобы лечь спать, должен выполнять почти всю ночь всякую работу. Особенно сложной работой была чистка обледенелых туалетов, которые были на улице далеко от казармы, не оборудованной канализацией и водопроводом.

Жоре было непонятно, откуда появляются люди, которые, как ему казалось, наслаждаются, доставляя боль и страдания другим людям, с которыми вместе служат. Так, старшина роты, в которой служил Жора, был настоящим деспотом. Он с большим удовольствием принял общую установку в училище насчёт жестокого, Жора иначе не мог назвать, отношения к курсантам. Старшина с каким-то наслаждением раздавал направо и налево наряды в не очереди. Если он вёл роту, то можно было ожидать любой каверзы. Это был оконченный садист. Помкомвзвода, назначенный из состава вновь прибывших курсантов, соученик по средней школе, так же не отстаивал от старшины в раздаче многочисленных не заслуженных наказаний курсантам.

Жора понимал, что военная дисциплина должна быть жёсткой, но он так же твёрдо знал, что она не должна доходить до садизма. Командир, прежде всего, всегда должен быть человеком. Этот принцип в нём остался и тогда, когда он стал командиром взвода и затем роты.

Жора запомнил на всю жизнь случай, произошедший с его взводом во время празднования дня Октябрьской революции в 1942 году. Всё училище впервые было выстроено на плацу. Курсанты ещё ни разу не участвовали в подобных торжественных маршах и не научились ещё чётко маршировать. И вот прозвучала команда:

- К торжественному маршу поротно, дистанция на одного линейного, шагом марш!

Подходя к трибунам, взвод Жоры от волнения сбил ногу и началось качание строя в разные стороны.

Генерал Иванов со злостью закричал:

- На все праздники взводу заниматься строевой подготовкой!

И вот под проливным дождём со снегом взвод все праздники ходил по улицам городка и отрабатывал строевой шаг, а люди смотрели и плакали при виде жалких промокших до ниточки измождённых курсантов-юношей. Сушить обмундирование было негде и оно высыхало и намокало на теле курсантов. Это и было одной из причин быстрого выхода его из строя. Но курсанты держались и практически не болели. Наступили холода, курсанты целыми днями на тактических занятиях проводили в поле в ботинках и подсвечивали определёнными частями тела из под драных штанов.

На всю жизнь Жоре запомнился рассказ его мамы, приехавшей проведать сыночка на его военной службе:

- Стояла я у решетчатых ворот вашего городка, вызвав своего сына через караульного. Вдруг появился щуплый измождённый мальчик, чумазый (видимо не мог на морозе чисто отмыться) в грязной гимнастёрке, дырявых брюках, ботинках и обмотках на тощих икрах. А, по лицу сына от всех тягот текут крупные слезинки. Он их вытирает кулаком, размазывая грязь по всему лицу.

Жора в свою очередь помнил эту встречу и те слёзы, которые невольно сами покатились из его глаз при виде родного человека, человека, который лелеял его, воспитывал, учил всему самому лучшему, самому гуманному. Который любил его беззаветно и отдал в такие жестокие руки, как бы отступился от него. Эта жалость к себе, обида за то, казалось безвыходное положение, в каком он находился, выразилось в скупых юношеских слёзах.

Постоянное чувство голода, от которого качало курсантов, неоправданные лишения и наказания снижали эффективность воспитательной работы, притупляли чувство патриотизма, любви ко всему, включая и любовь к Родине. Весь комплекс нечеловеческих трудностей, навалившихся на молодые организмы, унижал их достоинство, резко подрывал уверенность в себе, что в конечном итоге очень сильно сказывалось на их моральном облике. Военная учёба не шла на ум, все помыслы были направлены на то, как бы достать что-нибудь съестного и каким-либо образом уйти от контакта с командирами, чтобы избежать незаслуженного наказания. Уже, будучи лейтенантом, Жора это понял очень отчётливо.

Часть его одноклассников по средней школе были направлена в артиллерийско-техническое училище. В этом училище была нормальная человеческая обстановка. Курсанты спали на кроватях на чистом белье, их кормили

нормально. Не было такого глумления над личностью, какое было в пулемётном училище. После окончания училища лейтенанты ехали в одном эшелоне на фронт, и Жора видел, что у артиллеристов офицерская выправка лучше, в их взгляде больше уверенности, жизненная позиция артиллеристов более чёткая и ясная, чем у пулемётчиков. Жора полностью это относил к тем условиям, в которых выковывался характер молодых офицеров. Ведь в училища принимались практически одинаковые юноши, окончившие среднюю школу.

Жора тоже не был исключением. Он чувствовал все недочёты своего воспитания. Но, благодаря стараниями его родителей, которые воспитали в сыне человека и патриота, твёрдого духом, честного и справедливого, Жора смог это всё правильно оценить, он выстоял и с честью закончил училище. Но были курсанты, которым не по силу было вынести все нечеловеческие трудности, ставшие перед молодыми, не окрепшими физически и морально, организмами. Такие курсанты пошли на крайние меры и покончили счёты с жизнью.

Итак, в апреле 1943 года Жора, а теперь лейтенант Шумилин окончил пулемётное училище. Надел наконец-то новое обмундирование, прикрепил офицерские погоны и был направлен на фронт. Молодые офицеры получили сухой паёк, погрузились в теплушки и в приподнятом настроении поехали в южном направлении.

Все эти воспоминания прошли в сознании лейтенанта, всё ещё сидевшего на остатках лодки на берегу Днепра. Может быть, воспоминания и продолжались бы, но слух лейтенанта уловил характерное жужжание самолёта очень похожего на работу моторов фашистского самолёта-разведчика, называемого попросту “рамой” из-за его вида, напоминающего сколоченную из четырёх досок раму. И действительно, из-за правого берега показалась “рама”. Она шла на небольшой высоте, видимо с намерением сфотографировать переправу.

Все, кто был на фронте, знает, что “рама” не имеет большого количества бомб и не имеет пулемётов, для стрельбы по наземным целям Она привозит лишь 2 – 3 небольшие бомбы. Поэтому отношение к ней всегда бывает своеобразным. Все, кто находится на земле, моментально оживляются, и начинается стрельба по ней со всех видов вооружения, которое они имеют. Солдаты ведут огонь из винтовок и автоматов, офицеры из пистолетов. При этом удивительно, как “рама” выдерживает такой массированный огонь. Лейтенант ни разу не видел, чтобы “раму” сбивали.

Лейтенант с удовольствием бы присоединился к этой, в какой-то степени, весёлой охоте, но он не имел оружия. Всем, кто выписывался из госпита-

ля, оружия не давали, так как и в госпиталь с оружием не привозили. В эти годы оружия в Красной Армии не хватало и его старались не вывозить с фронта. Офицеры, которые давно были на фронте, доставали себе трофейные “Парабеллумы” и “Вальтеры” и им удавалось их привозить в госпиталь и возвращаться с ними на фронт. Лейтенант же был на фронте мало и ему пока не достался трофейный пистолет.

После окончания военного училища тоже не выдавали оружия, и это очень дорого обошлось выпускникам его училища и соседнего артиллерийско-технического, ехавшим в одном эшелоне на фронт. Многие выпускники этих училищ не доехали до фронта. А случилось это так. Когда эшелон с молодыми офицерами приближался к станции Касторной, его на каком-то полустанке утром остановили на целый день. Молодые офицеры гуляли по окрестностям и удивлялись полному отсутствию движения поездов по железнодорожной линии. Только наступил вечер, но ещё было довольно светло, раздалась команда:

- По вагонам!

Паровоз медленно потащил эшелон, состоящий из 20 вагонов, и отъехал от полустанка всего километров на 2, как появились два фашистских двухмоторных Юнкерса-88, и началась самая настоящая бойня. Во всём эшелоне не было ни одной винтовки, не говоря уже о пулемётах или зенитных пушках. Жора стоял у открытой двери вагона и видел приближающиеся самолёты, но подумал:

- Это наши бомбардировщики летят бомбить фашистов, - он ещё не научился определять марки самолётов.

Но вдруг до его слуха донёсся вой падающих бомб, разорвавшихся рядом с его вагоном. От неожиданности Жора присел и отполз от дверного проёма. Самолёты шли на такой высоте, что Жоре казалось, что он видит зло улыбающихся фашистских лётчиков. Сознание подсказало, что нужно покинуть вагон и перебраться в какую-нибудь яму. Соседний вагон горел. В нём слышались крики раненных. Поезд остановился, видимо машинисты покинули паровоз. Жора выскочил из вагона и побежал в сторону от поезда. Кругом была ровная степь, никаких кустиков или лощин не было. Создавалось впечатление, что место для бомбёжки было выбрано не случайно. По-видимому, и стоящий эшелон с офицерами целый день не было тоже случайностью. Единственным укрытием могли служить лишь ровные, как стрела, кюветы вдоль полотна дороги, но они были слишком близко от вагонов. Другого выхода не было, и они наполнялись офицерами, выскочившими из вагонов. Фашистским лётчикам, как видимо, это и нужно было. Они спустились до такой высоты, что можно было пересчитать заклёпки на крыльях и фюзеляже

самолётов. Самолёты начали кругами заходить один за другим и поливать кювет из пулемётов трассирующими пулями.

Жора помнит, как лежал на животе и по мере приближения шквала трассирующих пуль вдоль кювета по направлению к нему, закрывал глаза и почему-то закрывал голову руками, уткнувшись в траву. Как только шквал огня проходил, он открывал глаза и с ненавистью следил за новым заходом самолёта. Жора до боли сжимал зубы в бессильной злобе. Ох, если бы у него была хотя бы винтовка, эти наглые фашисты не посмели бы летать так низко, расстреливая в упор молодых лейтенантов. Но с земли не раздалось ни одного выстрела, стрелять было нечем.

Фашистские Юнкеры, растратив весь боезапас, безнаказанно удалились на свою базу. Жора посмотрел на их работу. По всему кювету лежали раненные и убитые лейтенанты, не успевшие доехать до фронта. Некоторые вагоны горели, в них слышались отчаянные крики о помощи, но помощи было оказать некому. В эшелоне не было ни одного санитаря или врача. Паровоз загудел и оставшиеся в живых офицеры побежали к поезду, на ходу запрыгивая в вагоны.

Горящие вагоны как факел освещали путь эшелону в наступающих сумерках. Что стало с оставшимися ранеными и убитыми, лейтенант не знал. Единственным моральным оправданием этого постыдного бегства ему служило то обстоятельство, что поле этого неравного боя находилось в двух километрах от полустанка, и Жора надеялся, что помощь его товарищам, попавшим в беду, придёт оттуда.

Этот эпизод боевого крещения пришёл на память лейтенанту сейчас, когда он, в отличие от других солдат и офицеров, опять пассивно наблюдал за полётом фашистского стервятника, правда, не такого грозного, как те первые два, унёсшие много молодых, полных силы жизней, не доехавших до фронта.

Видимо быстро сфотографировав переправу, “рама” в спешном порядке ретировалась, тем более, что по ней начала бить зенитка с характерным “тявканьем”.

- Ну, теперь, - подумал лейтенант, она возвратится на базу, проявит фотоснимки, на которых будет ясно видно скопление живой силы, штабеля боеприпасов и других грузов на берегу. Наверняка немецкое командование пошлёт самолёты для того, чтобы нанесли чувствительный удар по нашим переправляющимся частям.

Понтоны всё ещё не могли справиться с очередным рейсом, и лейтенант опять уселся на своё место. Оживление, вызванное появлением “рамы” прошло, фашистские снаряды так же методически били, в основном, по воде и солдаты принялись опять за свои дела. Лейтенант снова погрузился в воспо-

минания о начале фронтовой жизни. Вот он, ещё не видавший фронта после училища, был направлен на Воронежский фронт, прошёл по лесенке различных штабов, начиная со штаба фронта, далее армии, дивизии, полка и наконец, батальона.

Начальник штаба батальона, расположенного в пойме реки Псол в сумской области в лесу, посмотрел на молодого лейтенанта и сказал:

- Ну, юноша, поздравляю тебя с прибытием на передовую. Теперь твоя судьба ходить взад, вперёд, на передовую, в госпиталь и опять на передовую и т.д. и это будет продолжаться до тех пор, пока тебя убьют или ранят тяжело, в результате чего ты станешь негодным к строевой службе. – эти слова полностью подтвердились во фронтовой жизни лейтенанта.

Приняв впервые пулемётный взвод, лейтенант начал знакомиться с фронтовой жизнью. Он сразу же ясно усвоил принцип – если будешь всего бояться, то тебя обязательно убьют. Он стал изучать звуки приближающихся мин и снарядов. Например, если мина воеет, то она не твоя, а, если шипит как змея, то падай без промедления. Пули не бойся, та пуля, которая свистит, она не твоя, а которую ты не слышишь, она может быть твоей. Так за короткий срок лейтенант изучил многие особенности фронтовой жизни, которые помогли ему в дальнейшем.

Прошла подготовка к наступлению и наши части пошли в атаку. Пулемёты лейтенанта поддерживали атаку пехоты. Но ему не суждено было выйти из леса и присоединиться к цепям атакующей пехоты. Подняв взвод, лейтенант пошёл по лесной тропинке впереди цепочки бойцов. Вдруг два взрыва с обеих сторон тропинки потрясли воздух. Лейтенант получил удар в лицо, как будто кто-то очень сильно, кулаком ударил его. Он как подкошенный упал на землю, обливаясь кровью. Резкая боль также пронзила левую ногу. Некоторые бойцы взвода лежали ничком на земле, некоторые получили ранения, а часть везучих солдат отделалась легким испугом.

Что же оказалось? Кто-то из шагавших в цепочке солдат, а может быть и сам лейтенант, не заметили тонкого провода, натянутого поперёк тропинки и зацепили его ногой. Это был провод, соединяющий две противоположные мины, которые взорвались одновременно. Чьи это были мины? Может быть и наши, но это было уже неважно. Человек шесть было ранено, двое погибли. Лейтенант получил ранение в лицо и глубокую рваную рану на ноге. К счастью поблизости оказался военврач, который перевязал раненных и организовал машину для отправки их в госпиталь.

В госпитале под Воронежем в посёлке Новая Усмань лейтенант пролежал несколько месяцев. Ходил на костылях и учился ходить без них. Из самых сильных воспоминаний того времени осталась только медицинская

сестра Надя, так заботливо ухаживающая за ранеными. Жоре даже показалось, что она значительно больше других уделяла внимание ему. От этого на душе у него было как-то приятно, и образ её невольно сопровождал лейтенанта долгое время.

После госпиталя лейтенант был направлен в 206 стрелковую дивизию, действующую сейчас напротив за высотами на правом берегу Днепра. Южнее города Киева между Каневом – родиной Тараса Шевченко и Ртищевом должен быть в этой дивизии сегодня же. Паром медленно возвращался с того берега, наполненный ранеными. Лейтенант встал и подошёл к месту, где производится посадка на понтоны. На посадку готовилось подразделение под командованием старшего лейтенанта. По возрасту солдат можно было предположить, что это или сапёры, или хозяйственный взвод какого-нибудь полка, а может быть и похоронная команда. Лейтенант решил переправиться с ними.

Усевшись на доски, прикреплённые к бортам понтона, лейтенант с облегчением вздохнул – наконец-то он начал переправляться. Понтон отчалил от берега и медленно стал передвигаться к середине реки. Вдруг лейтенант услышал доносившийся с левого берега возгласы:

- Воздух, воздух.

- Вот и результат весёлой охоты на “раму”, - подумал лейтенант.

Из-за поворота реки вынырнули тройка мессершмитов и, ведя огонь из всех пулемётов, на бреющем полёте прошли над переправой. Основной огонь был направлен на левый берег, где было скопление солдат и штабеля боеприпасов. Лейтенант видел, как врассыпную бросились солдаты от этих штабелей. “Мессершмиты” сделали разворот над нашим плацдармом и вновь устремились на переправу.

- Сейчас будут бомбить, - подумал лейтенант. И действительно, на берег посыпались бомбы, хотя и небольшие, но их было порядочно. Однако бомбы не причинили большого вреда. Боеприпасы были невредимы. Самолёты вновь сделали боевой разворот, и пошли фронтом над всей акваторией реки. Один из них шёл прямо на понтон, на котором сидел лейтенант. По тому количеству бомб, которые были сброшены на берег, было ясно, что самолёты выбросили весь их боезапас. Этот запас у истребителей бывает очень малым, даже если они идут специально на штурмовку.

Мессершмит, приближаясь к понтону, пустил очередь трассирующих пуль по нему. Вспенилась вода за кормой понтона, очередь прошла мимо его. Самолёты резко пошли вверх и в сторону по направлению своих баз. Ущерб от налёта был незначительный. Фашистская артиллерия, молчавшая в период налёта, снова начала обстреливать переправу. Сапёры напряглись, и понтон

скоро уткнулся носом в прибрежный песок. Лейтенант первым спрыгнул на берег и бегом пробежал небольшой пляж до основания правобережных высот. Здесь было сравнительно безопасно, так как снаряды не могли под таким углом попасть сюда, да и минами попасть сюда требовалось большое искусство миномётчика.

Глава II. ПЛАЦДАРМ

Штаб дивизии располагался в землянках, вырытых здесь же, неподалёку от воды. Лейтенант без труда нашёл кадровиков, которые взяли его направление из штаба армии и дали направление в стрелковый полк. Штаб полка располагался недалеко от штаба дивизии, также в землянке, вырытой на склоне холма.

Помощник начальника штаба ПНШ-1 познакомил лейтенанта с обстановкой на передовой, которая находилась от штаба полка в 1 – 1,5 километров. Местность, на которой действовала дивизия, была холмистой. Фашисты, стараясь удержать свои позиции, на вершинах холмов устроили опорные пункты с пулемётными гнёздами. За холмами была установлена артиллерия и миномёты. Сплошной линии пока ещё не было. Дивизии была поставлена задача, захватить как можно больше плацдарма и закрепиться на нём. В связи с тем, что дивизия несёт большие потери, приказано, по возможности, закрепляться на господствующей высоте.

Путь от штаба полка до штаба батальона лейтенант проделал ещё за светом. Местность, по которой проходил лейтенант, обстреливалась не только из орудий и миномётов, но и пулемётов. Дорогу до батальон ПНШ-1 подробно рассказал лейтенанту. Он предупредил, что на высотах нужно быть очень осторожным и пересечь их бегом, короткими перебежками, так как фашисты их обстреливали, увидев движущуюся цель.

- Поэтому, - сказал ПНШ-1, - мы кормим передовую только ночью, тогда же подвозим боеприпасы. Днём ни одна повозка не может проехать на передовую.

В ближайшей лощине лейтенант увидел несколько кухонь, готовящих завтрак, обед и ужин в одном котле сразу. Он уточнил дорогу и двинулся дальше. Ближе к передовой лейтенанта поразили горы трупов немецких солдат. Трупы были свежими, видимо, они убиты недавно. Трупов наших солдат не было видно, наверно наша похоронная команда их уже похоронила, а немцев лишь сложила в большие кучи. И страшное дело, только что на переправе лейтенант остро переживал гибель наших ездовых, а сейчас, при виде такого множества трупов фашистских солдат он испытывал даже какой-то подъём духа.

Прямо под высотой, на которой слышалась стрельба, лейтенант увидел землянку штаба батальона. Он хотел быстрее попасть туда и во весь рост пошёл по направлению штаба. Вдруг длинная очередь пулемёта полоснула с ближайшей высоты. Серия разрывных пуль подняла землю у ног лейтенанта. Он с размаху упал и тихонько осмотрелся. Впереди была воронка от снаряда.

Лейтенант заученным движением как пружинка проскочил расстояние до воронки. Вслед ему прогрохотали разрывы, он про себя отметил, что работает немецкий МГ-34. Эта охота фашистского машиненгевера за лейтенантом продолжалась минут 10 – 15. Победителем в ней оказался лейтенант, так как остался живой и невредимый.

День клонился к вечеру. На передовой затихали бои. Лейтенант подошёл к штабу первого батальона, в пулемётную роту которого его назначили. Командира роты не было, его убило при переправе несколько дней назад. Командиров взводов тоже не было, кто попал в госпиталь, а кто-то погиб. Да и роты как таковой не было. Было всего два пулемётных расчёта со старенькими “Максимами”. В каждом расчёте было по 2 – 3 человека. Всё это лейтенант узнал, придя в штаб батальона от комбата капитана Громова.

Комбат рассказал о том, что получил приказ начать более тщательное закрепление на захваченных рубежах, особенно на господствующих высотах.

- Сегодняшние бои велись силами нашего и соседнего батальонов с целью захвата высоты 226.5, господствующей над окружающей местностью, – сказал капитан, – и мы её захватили, – завтра немец постарается её отбить. Вот здесь твои пулемёты должны сказать немцам последнее слово.

- Мы потеряли более шестидесяти процентов личного состава, – продолжил капитан, – пополнения нам не обещают, теперь наша задача зарыться в землю и удерживать захваченные рубежи во чтобы не стало. Я думаю, что мы здесь не являемся основной силой, которая должна разбить немцев под Киевом и развивать наступление дальше. Мы, по всей видимости, будем являться гвоздём, забитым в немецкую оборону, который постоянно будет им угрожать и в случае необходимости может из гвоздя превратиться в клин, который разорвёт немецкую оборону. Генеральное же наступление, наверное, будет в другом месте. Нам с жалкими остатками наших войск дай Бог как-то удержаться здесь. У нас мало артиллерии и миномётов, а танки и авиация к нам совершенно не заглядывают.

- Так что самое грозное оружие у нас – это твои “Максимы”, лейтенант, – сказал комбат.

- Ты, я вижу, на фронт без оружия? Когда же мы будем иметь достаточно оружия, чтобы вооружать офицеров скорострельными дальнобойными пистолетами, ну такими, например, как ППД. Он удобный и компактный, в рожке патронов в несколько раз больше, чем в пистолете. Возьми, например, гражданскую войну, командиры все были вооружены маузерами. Сейчас же офицер на фронте не имеет совершенно никакой огневой мощи. Если у него пистолет ТТ, то им можно поразить врага только почти в упор, а это бывает очень редко. Ну, я дам такую мощь, которая поразит врага на дальних ди-

станциях. Пистолет-пулемёт я тебе не дам, а вот у меня есть карабин, который я иногда беру на передовую. Он бьёт хорошо и далеко, да и по весу он не очень тяжёлый. Воюй на здоровье с ним. Даст Бог, он тебя не один раз выручит, - капитан протянул довольно потрёпанный, выдавший виды карабин.

Капитан был средних лет, невысокий и плечистый, он как-то сразу стал симпатичен лейтенанту. Его глубокий анализ обстановки и чёткие рассуждения о всех фронтовых делах понравились ему. Ординарец капитана принёс в котелках еду, что-то среднее между супом и кашей, и по куску хлеба. Они похлебали варево.

Капитан сказал:

- С питанием у нас неважно, всё должно пройти переправу, а там ты сам видел, много не перевезёшь, да и снабжение у нас в последнее время стало плоховато. Видимо, кого-то нужно лучше кормить, они больше принесут пользы фронту.

- Ну, а теперь ложись спать прямо здесь в штабе, завтра у тебя трудный день, да и не только день, а всё время пребывания здесь на плацдарме будет тяжёлым, - сказал капитан.

После стольких передряг прошедшего дня лейтенант лёг на деревянную лавку, закрылся шинелью и моментально уснул.

Проснулся лейтенант от того, что кто-то тряс его за плечо.

- Вставай лейтенант, пора приниматься за работу, - услышал он голос капитана, - скоро фрицы начнут свои контратаки. Они не успокоятся, пока не вернут высоту.

Наскоро перекусив тушёнкой, выпив по кружке чая, лейтенант вместе с капитаном вышли из землянки. Было ещё довольно темно и достаточно прохладно. Приближалась середина осени, но больших холодов пока ещё не было. Лейтенант поёжился, он знал, что на передовой его не ждёт землянка и спать придётся на земле, в лучшем случае в вырытой наспех ячейке.

На передовой было затишье. Осветительные ракеты, пускаемые немцами, методически взлетали в воздух и освещали окрестность. Лейтенант про себя отметил, вот он уже второй раз на фронте и опять эти, методические зажигающиеся ракеты. Сколько их надо иметь, чтобы вот так, всю ночь высвечивать всю передовую от Мурманска до Чёрного моря. У нас осветительных ракет практически не было и надобность в них, по его мнению, тоже не было. Фашисты вели войну днём, ночью они спали. Воевать ночью, по мнению лейтенанта, они не собирались и вообще побаивались ночи. Отсюда и такое обилие у них осветительных ракет. Это мнение утвердилось в нём после некоторых случаев разведки боем ночью, которая проводилась на его участке по реке Псёл.

- При подготовке к войне это было, по-видимому, заложено в их стратегическую доктрину, - подумал лейтенант.

Капитан шагал впереди по склону высоты, за ним шёл ординарец, а за ними лейтенант. Вот все трое поднялись на высоту. Это была высота 226.5. Капитан окликнул командира второй роты старшего лейтенанта Родина. Из окопчика поднялся невысокий человек и подошёл к нам.. Капитан поздоровался с Родиным и сказал:

- Принимай старшой новое пополнение, пулемётчика, командира взвода приданных тебе пулемётов, лейтенанта Шумилина. Прошу любить и жаловать. Он парень вроде стреляный, прибыл к нам из госпиталя.

Молодые командиры пожали друг другу руки.

- Ну, рассказывай старшой, как у тебя дела? – Спросил капитан.

- Думаю, что сегодняшней день будет жарким, как и вчерашний. Около часа назад у фрица сыграли подъём. Там слышится возня, говор многих людей, наверно фриц собирается контратаковать нас.

- Как с боеприпасами? – Спросил капитан.

- Боеприпасов достаточно, вот бы нам подбросить миномётов, да и артиллерия не помешала бы, - сказал Родин.

- Миномёты батальонные я передал вам, сейчас они оборудуют позиции недалеко от моего НП. Сорокапятки также недалеко от тебя, они тоже поддерживают. Вот насчёт серьёзной артиллерии это сложнее, но, по силе возможности постараемся помочь. Скоро к тебе придут корректировщики. - Сказал капитан.

- Ну, пока спокойно, пойду, познакомлю лейтенанта с его расчётами, разреши капитан? – Сказал Родин.

- Валяй, а я пойду на свой НП. Связь держим постоянно, следи за её исправностью. – Ответил капитан.

Родин повёл лейтенанта вдоль расположения своих стрелков. Каждый из них выкопал ячейку, некоторые даже чуть ли не в полный рост. Солдаты уже не спали, они чувствовали приближение серьёзного боя и занимались оборудованием своих позиций. Пулемётные расчёты располагались по флангам роты. Расстояние между ними по фронту было метров двести. Лейтенант отметил, что Родин расположил пулемёты удачно. Если скоординировать их огонь, то наступающим будет трудно пройти под перекрёстным огнём. На левом фланге роты позицию занимал расчёт сержанта Ивана Караваева. Молодой стройный сержант производил хорошее впечатление.

- Ну, этот не должен дрогнуть, - подумал лейтенант.

Вторым номером у него был пожилой солдат Серёгин. На помощь расчёту старший лейтенант Родин выделил одного солдата-стрелка. Расчёт су-

мел за ночь прилично окопаться. Лейтенант с Родиным прошли на правый фланг вдоль всего боевого порядка роты. Лейтенант про себя отметил, что рота имеет не более 50% состава.

- Товарищ старший лейтенант, - спросил лейтенант, - неужели Вы этим составом сможете удержаться на высоте. Ведь у Вас пятьдесят процентов состава роты.

- Во-первых, на фронте лучше обращаться друг к другу по именам, это как-то сближает людей, а близость помогает воевать. – сказал Родин. – зови меня просто Николаем, а как тебя?

Лейтенант назвал своё имя.

- Во-вторых, ты Жора, ошибся. У меня личного состава осталось всего сорок процентов. Вчера перед боем за эту высоту было шестьдесят пять.

- В-третьих, у меня автоматов всего десять, остальные винтовки. Винтовка в хороших руках тоже оружие, но автомат всё же лучше. Вот ты собираешься сегодня драться с фашистами с карабином. За атаку ты выпустишь считанное количество пуль, а я буду драться с автоматом ППШ, у меня десять заряженных дисков. Я выпущу по фрицам семьсот пуль, как минимум. Что эффективнее?

С доводами Родин не согласиться было нельзя.

- Но я думаю, твои пулемёты должны остановить фрицев перед порядками роты и положить их. А мы, из своих трёхлинеек будем их отправлять на тот свет.

Офицеры подошли к расчёту на правом фланге роты. Пулемётный расчёт состоял из трёх человек. Командиром расчёта был младший сержант Курочкин. Он был маленький, щупленький паренёк, недавно пришедший на фронт, но уже участвовавший во многих боях. Младшего сержанта ему присвоили недавно. Он показался лейтенанту нервозным и болезненным. Лейтенант решил на время активного действия противника остаться в этом расчёте, а не быть совместно с командиром стрелковой роты. Вторым номером был солдат Клименко, призванный в армию после освобождения левобережной Украины. Третьим номером был молодой солдат из Архангельской области Луканичев Саша.

Расчёт за ночь достаточно хорошо окопался, вырыл хороший окоп, в котором мог поместиться и лейтенант, видимо, Курочкин использовал окоп, отрытый ранее фрицами. Лейтенант проверил, набиты ли ленты патронами, в каком состоянии находился пулемёт. Пулемёт не очень понравился лейтенанту. Во-первых, он был недостаточно чист. Вчера он поработал немало, а вот вычистить его, видимо, не хватило сил и времени. Тем более, что вместо отдыха необходимо было набивать пулемётные ленты. Лейтенанта в военном

училище научили работать с пулемётом с закрытыми глазами. Он, например, мог разобрать и собрать замок пулемёта за одну минуту с завязанными глазами. Правда, первые попытки всегда приводили к тому, что пружина вылетала или прищемляла пальцы до крови. Все эти навыки пригодились сейчас. В полумраке осеннего утра он точно смог оценить состояние его основного фронтowego оружия “Максима”. Поговорив с расчётом о положении дел на их участке фронта, сказал:

- Сегодня я буду находиться в вашем расчёте, - и прошёл в первый расчёт, так он назвал расчёт Караваева.

Фашисты проснулись и начали покидывать мины на наши позиции. Иногда и снаряды прилетали. Как бы спросонья вдруг заработает немецкий пулемёт и на нашей позиции очередь эхом отдастся разрывами пуль. Этот варварский способ использования разрывных пуль у фашистов был основным на протяжении всей войны. Видимо они, готовясь к войне за мировое господство, продумали всё до мельчайших подробностей. Разрывная пуля, попадая в конечность дробила кость до такой степени, что человек выходил из строя и больше не возвращался на фронт. Если пуля попадала в грудь или живот, то на вылете она делала такую каверну, что человек с трудом мог выжить. Ко всему прочему, эти пули были трассирующие, поэтому стреляющему хорошо было видно, куда он попал.

Глядя на свой “Максим”, за которым любовно ухаживал Караваев, лейтенант невольно сравнил его с немецкими пулемётами, которые он хорошо знал. Самым распространённым у фашистов был пулемёт МГ-34. Что в нём было положительного, это его сравнительно небольшой вес. Его свободно мог переносить один человек. Его скорострельность была в несколько раз больше, чем у нашего станкового пулемёта системы “Максим”. Особые преимущества фашистского перед нашим было, во-первых, в лентах. Лента МГ-34 была металлическая, и заряжать её можно было тремя пальцами. Специальный фиксатор на ленте давал возможность сдвинуть патрон в ней поперёк, поэтому, при стрельбе не было перекосов и задержек. Ленту можно составить любой длины путём соединения отдельных звеньев в одно целое. Во-вторых МГ-34 не требовал охлаждения в виде воды или антифриза зимой. Система охлаждения так продумана, что при нормальной стрельбе пулемёт не клинил от перегрева.

Лента нашего “Максима” была брезентовая. Во фронтовых условиях она обязательно намокала, и забить туда патрон стоило большого труда. А в ленте 250 патронов, которые нужно забить на одной линии, чтобы лента без перекоса входила в патронник. Для выравнивания патронов имелась громоздкая деревянная ровнялка, работать которой было тоже не просто. Она ровня-

ла патроны по частям, и одна часть могла выпирать, по сравнению с другими и отсюда мог быть перекосяк и останов в стрельбе. Но нужно было не только ровнять патроны, а набивать их в ленту, а это можно было только руками. Пулемётчика на фронте было всегда легко отличить от других солдат по сплошным не проходящим кровоподтёкам на ладонях. Вода тоже являлась отрицательным фактором в боевой обстановке. Для того, чтобы вода не вытекала, наматывали передний и задний сальники из асбестового шнура, промазанного консистентной смазкой. Но от длительной стрельбы смазка стиралась и пулемёт начинал течь. Вода стекает, смазку на передовой в бою не найдёшь, да и асбестовый шнур тоже большой дефицит. Ствол раскаляется и пулемёт заклинивает. Лейтенант всегда носил в полевой сумке кусочек асбестового шнура. Сравнивая мысленно пулемётную технику свою и врага, он с досадой и обидой отмечал большие преимущества немецкой техники. И вот через несколько часов сольются в одном порыве, захлёбываясь очередями его пулемёты с фашистскими.

Лейтенант спрыгнул в окоп к Караваеву.

- Покажи сержант, какова у тебя техника, - сказал лейтенант.

Караваев подвинулся, пропуская лейтенанта:

- Пожалуйста, товарищ лейтенант.

Лейтенант сразу оценил, что этому пулемёту больше внимания уделялось, чем пулемёту Курочкина. Замок был обильно смазан, сам пулемёт был чистый и опрятный. Видимо лейтенант не ошибся в Караваеве, увидев его впервые полчаса назад. Начало светать. Немцы усилили огонь по нашим позициям из всех видов вооружений. Лейтенант дал инструкции Караваеву:

- Я буду находиться во втором расчёте у Курочкина. В случае контратаки фашистов, огонь вести на небольшой дистанции. Вон видишь те кусты? Как фашисты приблизятся к ним, я с того пулемёта открою огонь, ты услышишь и сразу же открывай огонь сам. Если меня подавят, открывай самостоятельно, когда они подойдут к кустам. Там чистое место, они должны залечь, а наша пехота и артиллерия их будет уничтожать. Посматривай за соседом слева, если ему будет плохо, поддержи его огоньком. Гранаты у тебя есть? Ну и хорошо, они всегда должны быть под руками. К командиру стрелковой роты прибыли корректировщики, миномётчики и полковые артиллеристы, они нас в случае нужды поддержат. Не паникуй, всё обойдётся хорошо. Будь здоров.

Лейтенант выпрыгнул из окопа и побежал на правый фланг. Это небольшое расстояние ему пришлось бежать короткими перебежками, так как мины и снаряды рвались достаточно густо, да и немецкие пулемёты добавля-

ли огоньку. По всему было видно, что фашисты не смирились с потерей высоты.

Добежав до окопа второго расчёта, лейтенант прыгнул в него. Курочкин сообщил ему, что прибежал связной от командира стрелковой роты, который просил лейтенанта прибыть к нему. Лейтенант опять короткими перебежками побежал на КП командира роты. Старший лейтенант Родин собрал своих командиров взводов, которые с трудом втиснулись в окопчик Родина. Всем пришлось ещё потесниться, чтобы влез лейтенант. Наверху находиться было опасно. Родин рассказал:

- По телефону комбат сообщил, что полковые разведчики захватили языка. Так же он сообщил, что немцы готовят отбить высоту 226.5, во чтобы-то не стало. На участок нашего и соседнего батальонов они подтянули резервы. Контратака будет серьёзной, поэтому будьте внимательны. Никакой мысли об отступлении. Всё. Прошу разойтись по своим взводам. Артиллеристы, миномётчики и пулемётчик останьтесь.

- Вот что ребята, обстановка складывается серьёзная, вам надо быть начеку. Где будет трудно, туда подсылать огоньку. Самое главное, не давать идти в рост, обязательно класть его и не давать поднимать голову.

- Как Жора у тебя пулемётчики? Ты вроде говорил, что будешь на правом фланге, а мой ординарец тебя там не застал. С пулемётами всё в порядке? – спросил Родин.

Лейтенант подтвердил, что у него всё в порядке и Он действительно будет на правом фланге во втором расчёте.

- Ну, ребята, ни пуха, по местам, - Родин пожал им руки.

- К чёрту, - все разбежались по своим местам.

Лейтенант запыхавшись, прыгнул в окоп вместе с комьями земли от разорвавшегося вблизи снаряда.

- Ну, Жора, держись, эта контратака немцев будет испытанием твоей воли, выдержки и фронтовой закалки, - подумал лейтенант.

Фашисты наращивали артиллерийско-миномётный огонь. Разрывы следовали один за другим, превращаясь, порой, в один общий раскат грома.

Глава III. КОНТРАТАКА

Окончательно рассвело. Был пасмурный, но достаточно тёплый день. Солдаты успели позавтракать, чем Бог послал, правда, лишним в котелки с холодным чаем, немец добавлял немного песочку. Старшины рот ещё ночью ретировались в укрытие, с рассветом проехать с кухней было невозможно. Лейтенант устроил небольшую ячейку рядом с пулемётом, с таким расчётом, чтобы в трудную минуту можно было оказать помощь пулемётному расчёту. Соорудил небольшую нишу, где разложил весь свой боезапас. По данным разведки, фашистских танков на их участке не предполагалось, поэтому противотанковой гранаты он не взял. В нише были приготовлены гранаты и обоймы патронов для карабина в металлических держателях.

Вдруг артиллерийско-миномётный огонь внезапно прекратился, и стало непривычно тихо. Лейтенант выглянул из своего окопчика и посмотрел на позиции фашистов. Там чувствовалось оживление. То один, то второй немец нервно перебежал от укрытия в укрытие. Как наши артподготовки всегда начинались с залпов “Катюш”, так и немцы начинали свои с залпа шестиствольных миномётов. Этот залп прозвучал, как сигнал к артподготовке. Не успела осесть пыль от взрывов мин, как на разные голоса стали работать немецкие орудия и миномёты. Казалось, земля вздыбилась на наших позициях. Немцы подключили к артподготовке тяжёлую артиллерию, которая вчера так методически обстреливала нашу переправу. Казалось, после этого огненного ада, ни один наш солдат не должен остаться в живых.

Лейтенант сел на дно окопа, поднял воротник шинели, чтобы земля от разрывов не летела за ворот, и стал ждать. По опыту, хотя и небольшому, он чувствовал, что сейчас немцы вышли из своих щелей и окопов и, выстроившись в цепь, идут по направлению к нашей обороне. Расстояние между нами и немецкими позициями было метров 600 – 800. Увидеть их в этой круговерти огня было невозможно. Но, когда они подойдут к нашим позициям метров на 200 – 300, огонь фашистских батарей будет перенесён вглубь нашей обороны для того, чтобы подавить наши миномёты и артиллерийские батареи, вот тогда не зевай. Огненный смерч стал постепенно откатываться вглубь нашей территории и на смену ему начали бить фашистские пулемёты и автоматы, стараясь заставить обороняющихся не высовывать головы как можно дольше, чтобы атакующие подошли достаточно близко к нашей обороне и броском овладели ей.

Лейтенант выглянул из окопа, земля и пыль от разрывов улеглась, и он увидел фашистскую цепь, подходящую к тому рубежу у кустов, которую он наметил для начала работы своих пулемётов. Пулемётчики, ошеломлённые

такой грозной артподготовкой, лежали на дне окопа, не поднимая головы. Взглянув ещё раз на немецкую цепь, приближающуюся к кустам, лейтенант крикнул Курочкину:

- Расчёт, огонь!

Дистанция стрельбы была определена заранее и данные были установлены на прицеле. Пулемётчики вскочили, Курочкин прильнул к прицелу и дал длинную очередь. Как бы в ответ, с левого фланга заработал пулемёт Караева.

- Цел первый расчёт, - с облегчением вздохнул лейтенант.

Работы наших пулемётчиков сразу же ободрила стрелков роты Родина и из окопчиков началась бойкая стрельба, которая слилась в единый треск и с фашистскими разрывающимися пулями. Фашисты дрогнули и залегли именно в том месте, где предполагал лейтенант. Это было первой и основной задачей, которую выполнил взвод лейтенанта.

- Ну, артиллеристы и миномётчики, где же вы? – с тревогой подумал лейтенант.

И как бы в ответ на это заговорили наши миномёты и полковые пушки ЗИСы, стреляющие с характерным металлическим звоном. Снаряды и мины начали рваться в цепях залегших фашистов, нанося им большой урон. Фрицы попятились и ползком стали передвигаться назад к своим исходным позициям. Наши стрелки и пулемётчики вели бешеный огонь по отступающим немцам. Лейтенант из своего карабина также бил без остановки, краем глаза наблюдая за работой пулемётного расчёта, всегда готовый броситься им на помощь.

Стало ясно, что атака немцев захлебнулась. Остатки немецкой пехоты добежала до своих позиций, и скрылись в ячейках. На поле боя остались лежать трупы фашистских солдат в шинелях мышинового цвета. Лейтенант хотел их пересчитать, но ему это никак не удавалось, так как немецкие пулемёты вели огонь по нашим позициям, и долго быть на виду было опасно. Но он хорошо видел, что их было много. Вот откуда горы трупов фашистов, которые он видел, подходя к расположению батальона вчера. Сегодня и он приложил руку к их увеличению.

Лейтенант был далёк от мысли, что наши потери незначительны. Такой плотный артиллерийско-миномётный и пулемётный огонь не мог не принести жертв в наших подразделениях. Но помочь людям и определить состояние наших обороняющихся солдат можно будет с наступлением темноты. Сейчас же противник, немного опомнившись, начал методический обстрел наших позиций снарядами, минами и пулемётным огнём. Лейтенант предчувствовал, что немцы не успокоятся и предпримут новую попытку, а может

быть и несколько, с целью завладеть обратно высотой 226.5. Повторные атаки могут быть ожесточённые. И ещё один фактор, который усложнял оборону. Немцы наверняка засекли наши пулемётные точки и попытаются их подавить, зная, что являются основным тормозом в продвижении своих войск.

Пулемётчики на фронте находились всегда в самых неблагоприятных условиях. Они находились в цепях пехоты на самом переднем рубеже наших позиций. Если пехотинцы со своими винтовками или автоматами могли свободно передвигаться на поле боя, то с пулемётом, он весил почти центнер, не очень-то развернёшься и сменишь позицию. И самое главное, это постоянная охота противника за пулемётом. За ним охотятся все виды вооружённых сил противника, начиная с авиации, снайперы, и все виды стрелкового оружия, фаустпатроны – реактивные снаряды, и так далее. В общем, на головы пулемётчиков сыплется всё, что имеет противник и потери пулемётчиков всегда значительны.

Вот и в этом бою надо бы срочно сменить позиции, но пулемётчики не могут это сделать. Под таким плотным огнём всякое передвижение вызовет неминуемые жертвы, а может быть и полное уничтожение людей и пулемётов. Лейтенант всё это отлично понимал, но считал, что до темноты немцы могут организовать не больше одной – двух атак и, может быть пулемётчики смогут всё же удержаться на этих позициях и не будут подавлены.

Пулемётные расчёты не могли не о чём думать и смотреть по сторонам, они занимались своим каторжным трудом, набивкой патронов в опустошённые тряпочные, намокшие пулемётные ленты. Вставляя патроны непослушными руками и, придавливая их окровавленными ладонями, они цензурно и нецензурно выражались по поводу своей пулемётной доли, и вспоминал тех, кто придумал эту проклятую тряпочную ленту. Они даже не обращали внимания на ту круговерть огня, которая бушевала вокруг. Так прошло несколько часов, в течение которых немцы ни минуты не прекращали артиллерийско-миномётного огня.

Лейтенант всегда недоумевал, откуда немцы берут такое количество мин и снарядов. Он понимал, что фашисты завоевали всю Европу, где была мощная индустрия и которую они заставили работать на войну. Но ведь эти снаряды и мины нужно перевезти по железной дороге на большие расстояния и самое трудное, доставить их своевременно по бездорожью на огневые позиции. Ему было трудно даже представить, сколько на орудие и миномёт выпустили немцы снарядов и мин за сегодняшние полдня. Может быть по несколько сотен. Какие штабеля были расстреляны ... Сколько было нужно грузовых машин для их перевозки, а если перевезти это на конных повозках,

то повозки должны растянуться от станции разгрузки до огневых позиций сплошной цепочкой.

Наши артиллеристы всегда прибеднялись, что у них по три, пять или десять снарядов на пушку, не больше. Порой надо бы подсыпать огоньку, когда фашисты явно нахальничают или ходят открыто, или автомашина подъезжает на виду у наших. Но из-за постоянного “голода” в снарядах их проучить не удавалось. Фашисты же в свою очередь охотились даже за одним человеком, тратя порой по нескольку десятков снарядов и мин на него, стараясь, во чтобы-то ни стало его уничтожить.

Было понятно, почему у нас не хватало снарядов, ведь многие заводы были эвакуированы и ещё не наладили работу на новых местах. Многие же заводы были взорваны нашими войсками при отступлении. Откуда же могло появиться много снарядов? Но в душе постоянно была какая-то горечь и обида, почему же они имеют в достатке, а мы вынуждены так скрупулезно экономить. Вот патронов у нас было достаточно. Может быть, в начале войны их и не хватало, но сейчас в 1943 году их было достаточно. Но вот специальных пуль у нас было досадно мало. Практически не было разрывных, мало трассирующих, зажигательных и бронебойных. Вот, если бы нам иметь такое количество снарядов, мин, орудий, как у фашистов, да и их стрелковое вооружение, давно укатились бы они без остановки в своё логово. Наверно не были бы они в Подмоскowie, ни здесь, на Днeпре.

Сегодняшний бой показал, что ни многочисленные фашистские снаряды, ни их современное вооружение не в силах победить наш Советский народ, сплочённый и целеустремлённый. Умелое маневрирование небольшим количеством вооружения и боеприпасов принесло нашу победу. Однако, очень обидно было и то, что из-за нехватки боеприпасов мы должны расплачиваться жизнями наших советских людей. При малом количестве снарядов мы не могли позволить себе подавить их батареи и пулемётные точки, которые выводили из строя наших воинов. Лейтенанту в училище говорили, что для подавления, например, одной пулемётной точки нужно истратить не один десяток мин или снарядов. А для подавления батареи в десяток раз больше.

Все эти мысли приходили лейтенанту под постоянный аккомпанемент разрывов снарядов и мин. Наши бойцы притаились в своих ячейках. О чём они думали? Наверно, о том, как бы остаться в живых в этой буре огня и металла. Огонь фашистских батарей стал более интенсивным. Опять поднялись клубы пыли и дыма.

- Что-то опять затевает фриц, - подумал лейтенант.

Сильный обстрел продолжался недолго. Он стал как-то стихать, и лишь отдельные мины рвались то там, то тут. Одновременно с наступившей тишиной послышался гул моторов. С вражеской стороны шла тройка небольших немецких бомбардировщиков типа “Фокке-Вульф” – Фоккеры, как их называли наши солдаты. Солдаты приближались к нашей высоте, видимо противник решил всеми правдами или неправдами выкурить защитников высоты.

Сделав боевой разворот и перестроившись на ходу в цепочку, Фоккеры с истошным рёвом ринулись на наши позиции.

- Ну, славяне, держитесь, ещё одно испытание выпало на вашу голову, - подумал лейтенант.

Весь этот спектакль с перестроением, дикий рёв этих сравнительно небольших самолётов, вселял панику в сердцах обороняющихся. Хотя лейтенант не был труслив и не очень боялся за свою жизнь, но этот надрывный вой действовал на психику удручающе. Может быть, это осталась заноза от первой бойни молодых офицеров, учинённой фашистскими Юнкерсами около Воронежа.

Лейтенант мог понять пожилых солдат, имеющих любимых жён и детишек. Как им было тяжело, как они не хотели умирать, как они хотели со своими дорогими и любимыми увидеться. И у солдат было непреодолимое чувство, выжить на фронте во чтобы-то не стало. Оно, это чувство было роковым для этих людей, оно толкало человека на отчаянное самосохранение, которое порой превращалось в панику. А паника плохой помощник солдату на фронте и она наверняка приводила его к гибели. Лейтенант замечал, что одинокие молодые солдаты были даже разумнее пожилых в части самосохранения. Они порой были бесшабашными, порой рисковали своей жизнью, но эти явления были менее страшны, чем страстное желание выжить. Лейтенант относил себя к последней категории людей.

Эта карусель фашистских Фоккеров продолжалась минут пятнадцать. Отпора Фоккеры не получили – наших истребителей, по-видимому, на участке не было. Лейтенант был уверен, что один наш истребитель уничтожил бы эти три неуклюжих Фоккера. Да и зенитки смогли бы с ними с успехом справиться, но их тоже не было. Опять лейтенант ощутил давящую на душу бесильную злобу, ненависть к неуязвимому врагу, которая помогала ему перебивать страх перед этой круговертью пикирования, воем моторов и бомб, их взрывов. Это чувство у него осталось до самого конца войны.

Самолёты отбомбились и на небольшой высоте пошли на свой аэродром. Сколько наших воинов получили смертельные раны, были убиты или контужены, никто знать не мог. Опять нужно было сидеть до темноты.

- Жив ли наш первый расчёт? – беспокоило лейтенанта.

Не успели опомниться защитники от этой карусели страха и смерти, как опять на той стороне неистово завыл шестиствольный миномёт и град снарядов и мин обрушился на ошеломлённых защитников высоты. С первых же залпов вражеских батарей лейтенант понял, что противник успел засечь его пулемётный расчёт. Снаряды рвались кругом огневой позиции пулемёта довольно густо, забрасывая лежащих на дне окопа пулемётчиков комьями земли и песком. Дышать было трудно от гари и копоты разрывов.

- Ну, наверное, пришёл нам конец, какой-нибудь из снарядов должен свалиться на наши головы, - подумал лейтенант.

Огонь вражеских батарей начал постепенно отходить вглубь нашей территории.

- Немцы не оригинальны в своих действиях, - подумал лейтенант, - они опять хотят с глупым и тупым упрямством повторить свою атаку в лоб высоты, забывая, что наши артиллеристы хорошо пристреляли местность на подходах к ней.

Плотность огня упала до такой степени, что из окопа можно было видеть цепь фашистов, идущую по тому же направлению, что и в первой атаке. Сквозь пулемётную стрельбу и треск автоматов слышались выкрики фашистов.

- Огонь, - скомандовал лейтенант.

Только Курочкин успел выпустить десяток выстрелов, как немецкий снаряд разорвался перед пулемётом.

- Товарищ лейтенант, осколком пробило кожух пулемёта, из отверстия вытекает вода, - закричал Курочкин.

Лейтенант бросился к пулемёту, оттолкнул Курочкина и взялся за рукоятки.

- Затыкай дыру рукой, - скомандовал лейтенант, - да не так, просунь руку под щитом и закрой отверстие ладонью с тряпкой.

- Клименко, давай тряпку и какую-нибудь тонкую палку или на худой конец, обмотай патрон этой тряпкой и подай Курочкину, он заткнёт дыру.

Пока солдат искал тряпку, лейтенант попытался вести огонь из пулемёта. Однако это было очень неудобно. Курочкин не успевал водить рукой вслед за пулемётом, и вода всё больше вытекала из кожуха. Воспользовавшись отсутствием пулемётного огня с нашего фланга, немцы, не пригибаясь, бегом бежали на высоту. Первый расчёт Караваева работал непрерывно. Наконец Клименко нашёл тряпку, намотал на патрон и Курочкин заткнул дыру в кожухе, однако вода не переставала сочиться из отверстия.

- Да так мы долго не протянем, заклинит пулемёт, - подумал лейтенант.

Он припал к прицелу и дал длинную очередь по фашистам. Они залегли.

- Курочкин, давай срочно воду, видишь, из отверстия вода сочится и пар пошёл из пароотводной трубки. Сейчас паром вышибет патрон, ствол перегреется и пулемёт заклинит.

Быстро отыскав флягу с водой, Курочкин, совместно с лейтенантом и Клименко откатили пулемёт и вылили флягу воды в кожух, благо водоналивное отверстие закрывалось широким люком, а не небольшой пробкой, как у совсем старых “Максимов”. Одновременно забили покрепче патрон с тряпкой. Вода стала сочиться меньше. Пулемёт снова закатили на бруствер, и лейтенант выпустил по врагу сразу целую ленту. Наша артиллерия и миномёты накрыли фрицев довольно точным огнём, и они не поднимали головы, но упорно оставались на захваченном рубеже. Некоторые из них начали лихорадочно окапываться, видимо противник решил здесь закрепиться.

Лейтенант заметил, что Курочкин как-то сник, отвечал невпопад и почти не слышал вопросов. Оказывается снаряд, разорвавшийся около пулемёта, его немножко контузил. Он сел на дно окопа и закрыл голову руками. Лейтенант слышал, что лёгкая контузия проходит сравнительно быстро и не стал беспокоить Курочкина.

Огонь немецких батарей ослаб до такой степени, что можно было наблюдать за противником. Чтобы не тратить времени даром, лейтенант приказал расчёту снять пулемёт с позиции и заняться его ремонтом. Отсоединив тело от станка, вытащили затычку, ножом выстругали деревянную пробку по форме рваной “раны” и заткнули её плотно. Для того, чтобы пробка не вылетела, обвязали кожух бинтом из индивидуального пакета.

- Вот и ещё одного раненного перевязали, - горько пошутил Клименко.

Кстати, “ран” на пулемёте было много. На щите было до десятка глубоких царапин от осколков. Да и на кожухе их было тоже много, но они не проббили его. Всё это предназначалось для расчёта, но его спас мощный щит. Собрав пулемёт, оставили его в окопе, ближе к огневой площадке, чтобы в случае нужды можно было выдвинуть его моментально.

День начал клониться к вечеру. Было ясно, что фашисты сегодня больше не будут атаковать. Лейтенант осторожно вылез из окопа и, пригибаясь побежал по направлению первого расчёта. Несколько раз ему приходилось бросаться на землю, прячась от пулемётных очередей фашистов в воронки от бомб и снарядов, благо за день фашист наделал их одну на другой. Пробегая мимо ячеек нашей обороны, он видел очень тяжёлые картины. Развороченные окопчики, растерзанные тела солдат, но было много и целых окопчиков, живых и невредимых солдат, но смертельно уставших и морально подавленных.

- Ничего, - подумал лейтенант, - скоро привезут обед с ужином вместе, солдаты подкрепятся и их дух поднимется.

Ему вспомнилось изречение какого-то военачальника, который, кажется сказал так: “Дух солдата находится на дне его котелка”. В некоторых окопчиках стонали раненные, которым требовалась срочная помощь. На обратной стороне склона холма лейтенант заметил двух санитаров, одним из которых была девушка.

Лёжа в воронке от бомбы, в ожидании окончания стрельбы по нему, лейтенант с чувством уважения и даже нежности подумал о фронтовых подругах, медицинских сёстрах и санитарях, находящимся на передовой вместе с мужчинами – солдатами. Их беззаветный героизм при спасении раненных под огнём противника был выше всяких похвал. Эта хрупкая женская фигурка взваливает на плечи здорового детину – солдата и волочит его, подвергая себя смертельной опасности. Вот и сейчас, эта девочка – санитар готовилась к броску через поле, где на каждом шагу можно принять не одну, а десяток или сотен смертей. А она, увидев, что лейтенант передвигается под пулями врага, поймёт, что настал и её черед. Она знает, что её с нетерпением ждут раненные.

- Сестричка, дорогая, спаси меня, пожалуйста, - скажет пожилой или молодой солдат.

А сколько призывной мольбы в этом зове. И она подползёт, успокоит солдата, перевяжет раны своими маленькими ручками, погладит солдата по голове:

- Ничего голубчик, всё будет в порядке, будешь жить сто лет.

А в душе у неё будет скорбь.

- Не дотянуть солдату до госпиталя, - слишком долго лежал без помощи с раной в живот, начался перитонит.

И вот зная, что солдат обречён, она всё равно найдёт для него ласковое слово.

А как трудно такой девочке – санитару постоянно находиться среди мужчин – солдат. На фронте солдат грубеет. Некоторые становятся раздражительными, порой нетерпимыми и у всех притупляется жалость к человеческим страданиям. И вот девочке, нежной от природы, приходится день и ночь находиться в этой тяжёлой обстановке. А выполнение женской гигиены, мытьё в солдатской бане, да, наконец, в туалет ей порой некуда пойти, кругом мужчины. И ещё целый ряд неудобств, который приходится переносить: тяжёлые сапоги, которые ей практически не подобрать по маленькой ноге и приходится шлёпать громадными сапожищами, то же с шинелью, телогрейкой, гимнастёркой, лифчиками и другими предметами женского туалета, ко-

торых в обозе у старшины днём с огнём не сыщешь. Некоторые ловеласы, молодые солдаты, считая себя неотразимыми, пытаются за ними ухаживать. Эти постоянные ухаживания также являются трудностями. В общем, для девушек были сотни трудностей и не одного преимущества. Даже поплакать бедняжке негде, обязательно все увидят. Девушки – фронтовые санитары мужественно переносили эти тяготы солдатской службы.

Лейтенант был ещё не искушённым юнцом в отношениях с женщинами, хотя природа брала своё и у него была определённая тяга к ним. Он не понимал ещё, что ему нужно от женщины и как бы он вёл себя, останься с ней наедине в интимной обстановке. Но одно он знал совершенно чётко, что женщина на войне не должна быть. Поэтому он относился к женщинам - санитарам на передовой с большим уважением и, если так можно выразиться, с нежностью. Их героический труд фронтовика его всегда восхищал и давал ему силы быть более твёрдым в сложной боевой обстановке. Они являлись для него примером мужества и стойкости. При любой возможности он их защищал.

Некоторые солдаты и офицеры отзывались довольно не лестно о поведении девушек в штабах. Он этого не знал, да и знать не хотел. Для него пребывание девушек в действующей армии, и особенно на передовой было подвигом. Война – это не женское дело, считал он.

Мысли о женщинах на фронте, навеянные девушкой – санитаром оборвались, отогнанные очередью разрывных пуль поверху воронки, в которой сидел лейтенант. Он подождал немного, встал во весь рост и пошёл вдоль ячеек нашей обороны по направлению первого расчёта, не пригибаясь и не торопясь. Может быть мысли о девушках – фронтовичках так на него повлияли, а может быть ему надоело кланяться фашистским пулям.

- Товарищ лейтенант, Вас же убьют, здесь всё пристрелено фрицами, - крикнул солдат из ближайшей ячейки.

Лейтенант не обратил внимания на предупреждение солдата. Он шёл дальше. Недалеко от первого расчёта, из ближайшей ячейки солдат ухитрился схватить лейтенанта за ногу и свалить его в ячейку. В этот же момент очередь фашистского пулемёта прошила землю вблизи того места, где шёл лейтенант. Кто знает, остался бы жив лейтенант, если бы не инициатива солдата, уронившего его в окоп. Всё это произошло так молниеносно, что ни солдат, ни лейтенант сразу не поняли всего случившегося.

- Спасибо, солдат, ты, кажется, выдернул меня за ногу с того света, - сказал с грустной улыбкой лейтенант.

Лейтенант пробежал несколько метров и спрыгнул в окоп первого расчёта.

- Ну, как дела, Караваев, что у тебя нового, - спросил лейтенант.

- Вы наверное видели, товарищ лейтенант, нашу работу. Мы от вас не отставали, а на второй контратаке даже вроде перегнали вас, - сказал Караваев.

- Да ранило нашего “Максима”, пока затыкали рану и перевязывали, вот немного и замешкались, - заметил лейтенант.

- Вот ещё у нас стрелка ранило осколком в руку, кость перебило. Во второй контратаке фрицы всё время охотились за нами, густо обкладывали снарядами и минами. Солдат полез за очередной банкой с лентами и неосторожно опёрся на бруствер, а тут снаряд близко разорвался, осколком ему кость и перебило.

На дне окопа сидел солдат с забинтованной рукой и привязанной к руке дощечкой от патронного ящика, чтобы как-то зафиксировать кость. Он был очень бледен и сильно стонал.

- Хотел его отправить в медсанроту, а фриц не даёт. Отправим, когда стемнеет.

- Вот, что Караваев, если мы завтра с утра будем сидеть с тобой на наших старых позициях, то мы все вместе с нашими пулемётами окажемся на том свете, а у нас ещё много дел, поэтому осмотрись пока, куда лучше перенести огневую позицию. Я скоро вернусь и мы обсудим твои предложения.

- Слушай солдат, ты бегать можешь? – обратился к раненному подносчику лейтенант. – я могу тебя проводить до санпункта роты.

Солдат застонал и отрицательно покачал головой. Лейтенант вылез из окопчика и побежал на КП роты, на ходу крикнув:

- Пришлю к тебе санитаров.

Командир роты Родин что-то оживлённо объяснял младшему лейтенанту, командиру стрелкового взвода. Увидев лейтенанта, он весело крикнул:

- Жив Жора! Я рад за тебя. Считаю, что ты сегодня с честью выполнил первое боевое крещение здесь за Днепром. Хорошо работали твои пулемёты, особенно в первой контратаке. Вот во второй, ты в самый критический момент что-то замолчал, и чуть не подпустил фрица на самую высоту. Что-нибудь случилось?

- “Максима” ранило, - с досадой сказал лейтенант и рассказал Родину о случившемся.

- Ну, ничего, я думаю, немцы скоро выдохнутся, тогда отправишь своего раненного в тыл на поправку, старшина найдёт у артиллеристов для него госпиталь.

- Комбат по телефону хвалит нас, но говорит, чтобы мы не расслаблялись. По данным разведки, к нашему участку подходит много автомашин с

боеприпасами. Да и пехота подходит для пополнения выбитой их пехоты нами. Наверное, завтра с утра опять начнётся карусель. Он передал приказ сегодня ночью рыть траншеи, чтобы соединить ячейки, хотя бы по пояс глубиной.

- Чего тут рыть? – буркнул лейтенант, - когда немец всю высоту перекопал своими снарядами и бомбами, теперь только подчищай воронки и будет траншея.

Начало темнеть. Около КП роты пробежали санитары. Лейтенант крикнул вслед санитарам, чтобы они подобрали раненного на первом пулемётном расчёте.

- Слушай, Николай, подбило твоего стрелка, которого ты дал в помощь расчёту Караваева. Надо будет дать замену, иначе расчёт зашьётся.

- Хорошо, дадим тебе помощь, - сказал Родин.

Лейтенант вернулся в расчёт Курочкина. По дороге он наметил новую позицию для второго расчёта, примерно в пятидесяти метрах от старой огневой точки. Там имелась довольно глубокая воронка. Лейтенант специально спустился в неё и увидел, что рыть придётся не очень много, а позиция хорошая, обстрел можно вести как по фронту, так и по флангам. Забрав с собой расчёт Курочкина, лейтенант показал им новую позицию, разметил как нужно её оборудовать и приказал приступить к работе. Командир расчёта Курочкин немного оклемался от контузии, оглушение притупилось. Пока ещё было возможно что-то различить в темноте, лейтенант отправился в первый расчёт и вместе с Караваевым наметил новую позицию для огневой точки. Раненного бойца уже увели санитары.

На огневой позиции первого расчёта его застал старшина пулемётной роты Кузнецов Пётр. Это был красивый, ладно сложенный, щеголеватый, румяный молодой человек, родом из Вологодской области. У него был аккуратно пригнанный офицерский китель, габардиновые синие галифе и добротные, начищенные до блеска, яловые сапоги. Весь его облик говорил о здоровье, жизнерадостности и удали.

- Залихватский парень, - отметил про себя лейтенант.

Он понравился лейтенанту.

- Здравия желаю товарищ лейтенант, поздравляю Вас с прибытием в нашу доблестную пулемётную роту. Сегодня, я слышал, вы храбро дрались. Вот жаль только, что наш командир роты погиб, да и оба командира взводов ранены. Один из них тяжело, раздробило ему руку разрывной пулей.

- Ну, корми нас старшина, подбрось патронов, да пойдем с тобой во второй расчёт, по дороге и поговорим.

Солдаты с жадностью набросились на объединённое варево. Повар, который принёс термос с едой желающим дать добавки, налил по фляжке горячего чая. Поужинав, у солдат появилось благодушное настроение, но прохлаждаться было некогда и лейтенант приказал продолжать оборудование огневой точки. Лейтенант, тоже покушав, сказал:

- Ну, старшина, пора кормить расчёт Курочкина, пойдём к ним.

Повар дал сухой паёк солдатам на сутки, нацепил на спину термос с едой, взял большой чайник с чаем и сумку с сухим пайком. Все трое направились в первый расчёт. Сплошные воронки, вывороченные комья земли затрудняли движение, особенно нагруженному повару. Он всё время спотыкался и несколько раз чуть не свалился в воронку. Лейтенант боялся, что он разольёт свою похлёбку или чай и, шёл, сзади его подстраховывая. Как будто нарочно фрицы кинули несколько мин, одна из которых разорвалась впереди по ходу группы, а другая правее. Повар вздрогнул и машинально присел на четвереньки. Лейтенант успел подхватить чайник, который повар чуть не опрокинул.

- Так и без чая оставишь расчёт Курочкина, - заметил лейтенант, - видимо вас там в овраге не приучили к разрывам.

Старшина шёл спокойно и, казалось, что у него не дрогнул ни один мускул.

- Молодец, выдержан и храбр наверное, - отметил лейтенант.

Они прошли мимо стрелкового взвода, который должен был выделить солдата на помощь расчёту Караваева. Лейтенант окликнул комвзвода и спросил, когда тот собирается выделить солдата в помощь расчёту. Младший лейтенант обещал немедленно выслать.

Группа подошла к позиции Курочкина. Около пулемёта никого не было, расчёт оборудовал новую позицию. Лейтенант показал старшине “раненого” Максима и просил найти артмастерскую, где есть сварка.

- Вот будет немного потише, свезёшь пулемёт в ремонт.

- Всё будет в порядке, товарищ лейтенант, непременно найду, - ответил старшина.

Расчёт Курочкина пришёл подкрепиться. Лейтенант и старшина остались вдвоём.

- Ну, рассказывай Пётр Евграфович, какое у тебя хозяйство, какие новости в ближайшем тылу, да и вообще обо всём понемногу. Ты знаешь, что я человек здесь новый, всего второй день на этом пяточке, меня всё интересует.

- Товарищ лейтенант, надо Вам рассказать с чего мы здесь начинали. Рота наша была не так уж плохо укомплектована. Было у нас два взвода, пять пулемётов. В одном – два, а в другом взводе – три. Командиром роты был

старший лейтенант Ильин, хороший командир, да и человек неплохой. Все пулемётные расчёты состояли из 4 – 5 человек. При переправе один пулемёт утопили в Днепре, снаряд попал под плот и опрокинул его. Люди спаслись вплавь, а пулемёт пошёл на дно. Здесь на плацдарме в одну пулемётную огневую точку, прямо в пулемёт попал снаряд прямой наводкой. Расчёт полностью погиб, а командира взвода, младшего лейтенанта Козлова ранило в плечо и грудь. Ему повезло, что сидел он не на огневой точке, а рядом в ячейке. И следующий потерянный пулемёт был на этой высоте. Когда атаковали высоту, пулемёт шёл в цепи атакующей пехоты. Фрицы подпустили цепи пехоты близко и расстреляли её в упор. Наши солдаты попятились назад, а командир пулемётного взвода старший сержант Щекочихин решил огнём из пулемёта подавить немцев. Но они открыли бешенный пулемётный и автоматический огонь, тяжело ранили Щекотихина, а двух пулемётчиков убили. Пулемёт пришлось бросить, некому было его оттащить обратно. Когда наши всё же захватили высоту, то вместо пулемёта была груда металла, немцы взорвали его гранатами. И вот вы пришли сюда к двум пулемётам и пятью членам в двух расчётах. Сегодня вы чудом не потеряли ещё один “Максим”.

- Моё хозяйство, - продолжал Кузнецов, - две лошади, одна с кухней, вторая подвода для перевозки патронов и продуктов. Народу нас трое: я, повар Степан Шейкин и едовой Егор Куличенко, а попросту Егор. Он сейчас привезёт патроны для расчётов.

- Вы, наверное, заметили, когда шли на передовую, что везде валяются горы трупов фашистов. Хоронить их некому, всех направили на передовую. Как и у вас, везде нет солдат, всех выбили, а пополнения не дают. Вот сейчас я ехал к вам и видел, как снимаются с позиций 122 миллиметровые гаубицы и уходят назад на переправу, наверное, на другой участок. Завтра вам будет тяжелее, если фрицы пойдут в контратаку.

- Что ещё, - продолжал старшина, по моей части, наступают сложные времена. Сегодня я поехал на склад ПФС и почти ничего не получил из продуктов. Норму так урезали, что скоро будем, наверно, лапу сосать, как медведи в берлоге.

Вскоре появился едовой Егор, таща на плечах ящик с патронами. Это был пожилой солдат с усами, как у Тараса Шевченко. Лейтенант невольно провёл какую-то параллель между местом рождения Шевченко здесь, рядом на Днепре и едовым, похожем на него.

- Ну, старшина, живы будем, не помрём. Пускай Егор пока займётся набивкой пустых лент, потом я его отпущу, а ты пообщайся с расчётами, узнай, что им надо. Может быть письмо пошлют. Завтра день тяжёлый, кто

его знает, уцелеют солдатики наши немногочисленные или фашист пошлёт их в иной мир?

Лейтенант вместе со старшиной пошли на новую огневую точку, оборудуемую расчётом Курочкина. Солдаты уже порядочно поработали. Из воронки они сделали окоп почти в полный рост. Окопав землю, они сделали площадку для пулемёта, довольно широкую, чтобы можно было двигать пулемёт для стрельбы по флангам. Лейтенант дал указание по доделке огневой точки и вместе со старшиной пошёл на огневую Караваяева. Уже полностью стемнело и идти стало ещё сложнее. Теперь повар ковылял где-то сзади, он уже ничего не мог разлить. Огонь батарей стих и группа шла в полный рост, не пригибаясь. Вдоль всего пути солдаты стрелковой роты рыли ходы сообщения и углубляли свои ячейки. Уже ясно можно было видеть ленту передовой по свежевырытой земле вдоль траншеи. Расчёт Караваяева тоже заканчивал оборудование огневой позиции. Позиция получилась хорошая, более удобная и просторная, чем прежняя. Расчёт уже перетащил туда пулемёт и установил его внизу, в окопе с таким расчётом, чтобы в случае нужды его сразу же поставить на огневую позицию.

Старшина поговорил с солдатами, узнал их нужды и стал собираться на свою базу.

- Будь здоров, старшина, даст Бог, увидимся с тобой завтра вечером. Ну, а если приедешь и увидишь нас подавленными ..., нет, этого не должно быть, вари нам похлёбку и приезжай. Мы будем тебя ждать.

- Пока, до свидания товарищ лейтенант, - старшина козырнул и вместе с поваром скрылся в темноте.

Лейтенант посмотрел им вслед и глубоко вздохнул.

- Ну, Караваяев, закончишь огневую позицию, набьёшь пустые ленты, и отдыхайте, завтра день предстоит тяжёлый. Комбат сообщил, что немец подтягивает силы к высоте. Завтра будет ещё жарче.

Лейтенант вернулся на огневую позицию Курочкина, проверил, всё ли выполнено, отпустил Егора и сам пристроился в окопчике рядом с огневой точкой. Ребята достали где-то немного сенца и лейтенант устроился на ночлег с шиком. Фрицы, верные своим традициям, методически освещали местность ракетами.

Нервное напряжение первого боевого дня не давало ему забыться. Он вспоминал отдельные эпизоды сегодняшнего боя и анализировал их. Постепенно нервная система лейтенанта стала успокаиваться и невольно на него нахлынули воспоминания счастливого беззаботного детства. Вот появился образ его горячо любимой мамы, Елизаветы Васильевны, всегда такой внимательной и заботливой.

- Жорик, ты что-то плохо кушаешь. Не заболел ли?

- Жорик, оденься, потеплей. Смотри, простудишься.

- Жорик, скушай вот эти ватрушки и пирожки.

Воспоминание о её заботе выжимало слёзы на глазах у лейтенанта. Вот посмотрела бы мама, в каком аду находится её любимый сынок.

- Как могут уложиться твои человеколюбивые речи и действия, дорогая мамочка, с сегодняшней действительностью на Днестре?

Озверевший враг готов разорвать каждого солдата на части в своей звериной злобе. Не только готовы, но и в буквальном смысле слова рвут их. Вот сегодня, после второй атаки фрицев какие страшные картины видел лейтенант, когда шёл на левый фланг. А что ещё будет впереди ...

Мама раньше была учительницей, учила детей где-то в глуши. Потом стала домохозяйкой и воспитывала четверых детей, двух дочерей и двух сыновей. И на всех у неё хватало любви и нежности. Жора был самым последним, самым маленьким и она его любила больше всех. В семье Жоры всегда был мир и любовь всех членов семьи друг к другу. Папа, Николай Данилович, до самозабвения любил маму и всегда обращался к ней с большой нежностью. Она отвечала ему тем же. Поэтому и атмосфера в семье всегда была доброжелательная.

Папа был преподавателем техникума, небольшого роста, кругленький, толстенький. Студенты звали его любовно "самоварчик". За всю жизнь папа ни разу не повысил и голоса ни на маму, ни на студентов, ни на детей. А мальчишки, как и все их сверстники, были живыми и, порой, шаловливыми. Папа любил петь, у него был прекрасный тенор. Он участвовал в любительских операх в городе, пел Ленского из "Евгения Онегина". У Жоры на всю жизнь остались картин пикников на другой стороне Камы, когда его родители и ближние родственники устраивали концерты. Песни звучали на Камских просторах величаво, напоминали старину, и как-то завораживали.

Родители прививали Жоре любовь к музыке, учили его на фортепьяно в музыкальной школе. Он хорошо разбирался в музыке, имел отличный слух.

- Зачем столько стараний и сил вложили дорогие родители в моё воспитание? – думал лейтенант, - вот завтра одна из десятков тысяч пуль, выпущенных фашистами, или один из сотни тысяч осколков положит конец всем стараниям родителей.

Слишком мало было шансов выжить в этой огненной, железной буре. Лейтенант не боялся смерти, нет. Он и не трусил перед этой безжалостной, жестокой, смертельноопасной гитлеровской машиной. Конечно, как у всякого живого, мыслящего человека, у него появлялись моменты, когда становилось страшно, но это было вполне нормальное человеческое чувство,

которое было эпизодическим и не переходило в постоянный страх, а затем и в панику. Он был довольно храбрым воином, несмотря на свои не полные девятнадцать лет. Но жить или умереть, от него это не зависело.

У лейтенанта начали слипаться глаза и, чтобы не уснуть, он встал, подошёл к огневой позиции, которую заканчивал оборудовать расчёт, дал последние указания и пошёл в свой окопчик, лёг на дно и моментально заснул. Проснулся лейтенант ближе к утру от озноба, было довольно холодно. Чтобы согреться, он выпрыгнул из окопа и бегом пробежал вдоль огневой позиции. Фашисты, верные себе, методически освещали своими ракетами местность. Иногда, как бы спросонок, фрицы давали очередь из пулемёта и опять всё стихало. Эта тишина поразила лейтенанта. Он ею наслаждался.

Пробежав к огневой точке, лейтенант окликнул часового. Тот отозвался не сразу, видимо задремал. Им оказался сам командир расчёта Курочкин.

- Смотри, Курочкин, проспичь царство небесное, схватят тебя фрицы и уволокут к себе вместе с пулемётом, как же мы тогда будем отбиваться от них.

- Не беспокойтесь, товарищ лейтенант, живы будем, не погрём, - в тон ему ответил Курочкин.

- Остряк, - лейтенант повернулся и быстрым шагом пошёл на КП роты Родина.

- Здравствуй, Николай! Как тебе спалось, наверное, видел приятные сны, может быть и любимую девушку увидел?

Родин был старше лейтенанта года на два, холостой, небольшого роста, коренастый крепыш. Его внешность как-то располагала к себе. Лейтенанту с ним было приятно встречаться.

- Здравствуй, Жора, ты что-то ни свет, ни заря уже на ногах. Наверное, видел наоборот, неприятные сны. Может быть, фашисты снились? – в тон ему ответил Родин, в его интонациях чувствовалось, что лейтенант ему тоже по душе.

- На фашистов я насмотрелся целый день, особенно через разрез прицела. Больше всего они были мне по душе после работы наших пулемётов, когда больше уже не двигаются. Так что ночью уже не было желания на них смотреть, - пошутил лейтенант, - что нового, Николай?

- Всё остаётся так, как мы наметили вечером. Готовься, днём хорошо погреешься после холодной ночи.

Лейтенант прошёлся вдоль переднего края нашей обороны. Почти повсеместно был выкопан ход сообщения, не глубокий, но по нему можно было уже передвигаться во время боя. Дошёл до огневой позиции Караваева. Рас-

чѐт был уже на ногах и уничтожал сухой паѐк, оставленный вечером старшиной, и запивал его холодным чаем из фляжек.

На огневой Караваева всё было в порядке, сам сержант был подтянут, умыт и опрятен. Солдаты, глядя на своего командира, как-то подтягивались. Дав последние указания, лейтенант сказал:

- Я опять буду на правом фланге у Курочкина, как-то нутром чувствую, что там будет сегодня опять напряжѐнно. Если тебе будет трудно и нужна будет моя помощь, пришли за мной. Теперь траншея, хотя и мелкая по высоте вырыта на всѐм протяжении нашей обороны, пробраться под огнѐм будет возможно.

Лейтенант выпрыгнул из окопа и пошѐл, неспеша, вдоль хода сообщения по верху, не обращая внимания на свист пуль над головой. Дойдя до позиции Курочкина, он посмотрел на правый фланг. Там занимала оборону вторая рота второго батальона его же полка. Эта рота занимала часть высоты, и правый фланг её заканчивался на склоне в овраге. Вторая рота тоже выкопала ходы сообщения. В предрассветной дымке лейтенант ещё раз окинул их взглядом, как бы предчувствуя что-то.

- Непонятно, почему фриц лезет в лоб на нашу высоту, а не постарается пробить нашу оборону в овраге? Там кусты и можно скрытно подойти к ней, а не лезть в лоб по голому месту, - подумал лейтенант, - наверное, ему не жаль своих солдат.

Лейтенант перекусил вместе с пулемѐтным расчѐтом тушѐнкой и холодным чаем. Рассвело. День выдался по-осеннему прохладный, но дождя не было. Лейтенант занял позицию в окопе на огневой точке пулемѐта. Опять подготовил гранаты и патроны. Ещё в училище Жора начал покуривать. Табак там давали и почти все курсанты начали курить, Жора тоже баловался табаком. Он не был заядлым курильщиком, но уже начал привыкать к нему. Старшина вечером принѐс пачку “Беломора” и лейтенант с удовольствием закурил.

С рассветом фашистская артиллерия и миномѐты начали методически обстреливать нашу передовую. Снаряды тяжѐлой артиллерии противника перелетали нашу оборону и разрывались в тылу. Было ясно, что обстреливается переправа.

С огневой позиции расчѐта Курочкина на высоте, далеко влево, как на ладони были видны наши и немецкие позиции, вплоть до конца плацдарма. Наблюдатель, устроивший свой пункт на высоте, мог контролировать нашу и немецкую оборону на большом протяжении. Поэтому фашисты и не могли успокоиться, пока не захватят её обратно.

Лейтенант наблюдал за движением на передовой на дальних участках. Вот на одном из участков фронта небольшая группа наших солдат предприняла попытку захвата немецких позиций. Противник накрыл их артиллерийско-миномётным огнём. Наши ребята залегли. Где-то дальше подняли облака пыли и дыма, бешено обстреливая наши позиции. Видимо, готовилась контратака. Наверно, наш вчерашний бой наблюдали многие части нашей обороны, этот бой было видно почти на всём плацдарме.

Так прошло часа два – три. Мысли лейтенанта прервал рёв шестиствольного миномёта. Мины рвались в цепях соседа справа и тотчас же на их позициях начали рваться снаряды и мины артподготовки. Шквал огня был настолько силён, что вся местность закрылась пылью и дымом, стало темно.

- Да, фриц, видимо, понял свою вчерашнюю ошибку и решил смахнуть соседа с высоты, - подумал лейтенант, - и приказал готовить пулемёт к стрельбе по правому флангу обороны. Однако снаряды, густо ложившиеся на вторую роту, не обходили и правого фланга нашей обороны, где был расчёт Курочкина.

- Вот сейчас, по законам практики, фрицы перенесут огонь вглубь обороны второго батальона и полезут на наши позиции со своими нечленораздельными гортанными выкриками, означающими, но не напоминающими наше “ура”. Это будет большим испытанием для нашего соседа справа.

Всё произошло именно так. Когда противник перенёс огонь вглубь второго батальона и правого фланга первого, пыль и дым немного улеглись, лейтенант увидел цепи немцев, мелькавшие в кустах. Они шли по оврагу и по склону в лоб второй роте соседнего батальона. Лейтенант подскочил к пулемёту, отстранил Курочкина, на глаз определил расстояние до фашистских цепей, установил соответствующий прицел и открыл по противнику огонь. Пули срезали ветки кустов, фашисты падали, потом опять поднимались и бежали вперёд.

Стрелять долго не пришлось, вражеские цепи зашли за отрог высоты и оказались в мёртвой зоне для стрельбы из его пулемёта.

- Ну, теперь держись, сейчас выскочат уже почти на высоте, метрах в двухстах от нашей огневой точки, если сосед не сможет их остановить, - подумал лейтенант.

К сожалению, так оно и получилось, сосед драпанул, и немцы появились уже на высоте, в окопах второй роты. Теперь, установив на прицеле дистанцию в двести метров, лейтенант начал бить по противнику длинными очередями. Но от этой стрельбы пехота противника не несла потери, она уже была в окопах.

Вдруг, рядом с пулемётной ячейкой лейтенанта появились наши автоматчики и залегли перпендикулярно нашим окопам, образовав прямой угол в нашей обороне. В вершине угла находился пулемёт лейтенанта. Автоматчики и пулемёт своим огнём не давали возможности противнику развивать дальше свой успех. Вторая рота, драпанувшая из своих окопов, была остановлена, и командир роты организовал оборону на новом рубеже, сомкнув левый фланг роты с взводом автоматчиков. Оборонительный рубеж был восстановлен ценой захвата противником части высоты 226.5, господствующей над окружающей местностью.

Как выяснилось потом, в этой сложной ситуации очень чётко действовал командир роты Родин. Когда он увидел, что немцы начали наступление на фронте правого соседа, он срочно запросил у комбата его резерв, взвод автоматчиков. Комбат правильно понял Родину и сразу выслал ему резерв. Он знал, что правый сосед достаточно слабый, у него очень большой по протяжённости участок обороны. Во время захвата высоты сосед понёс большие потери и надежда на него слабая. Когда пулемёт лейтенанта замолчал, Родин понял, что немцы прошли вперёд и ушли из зоны его обстрела. Нужно было срочно спасти фланг своей роты. Если немцы выйдут во фланг, то высота будет потеряна. А может быть не только высота, но и потеря большей части этого небольшого Заднепровского плацдарма.

После всех этих перипетий стало ясно, что противник не будет больше пытаться овладеть высотой в лоб первой роты. Если он и предпринет атаку, то только во фланг роты в лоб автоматчикам и пулемёту Курочкина. Нужно было срочно закреплять позиции роты.

Лейтенант по вновь сооружённому ходу сообщения добрался до места, откуда было близко до КП роты. Открытый участок он преодолел короткими перебежками, под огнём немецких пулемётов. Запыхавшись, лейтенант спрыгнул в окоп Родину.

- Слушай, Николай, надо срочно укреплять фланг роты, фрицы в лоб больше не пойдут. Нужно выдвинуть один твой взвод влево от меня, создав сплошную линию обороны. На продолжении с автоматчиками перетащу расчёт Караваева на левый фланг этой линии, а расчёт Курочкина на правый фланг автоматчиков. Тогда мы будем готовы встретить фрица на высоте. Сбросить его с высоты нам нечем, но и дальше он уже не пройдёт.

- Правильно, Жора, я тоже думал об этом, ты лишний раз убедил меня, что это верное решение.

- Давай сюда командиров взводов, - скомандовал Родин связному.

Скоро в окоп спрыгнули три командира взводов.

- Вот что, ребята, первый и второй взводы должны растянуться по всей обороне роты, а третий взвод Ляпкова должен создать линию обороны левее пулемёта лейтенанта и ждать, когда фриц надумает сбросить нас с высоты. Тогда и биться до последнего солдата, но больше ни пяди высоты ему не отдать. На твоём левом фланге, Ляпков, будет пулемёт Жоры.

- Приступайте к передислокации, только осторожно, берегите людей, у нас их очень мало. Всё, - заключил Родин.

Лейтенант пробрался к расчёту Караваева.

- Ну, сержант, твоя миссия на этой позиции выполнена, собирайся на новую огневую точку. Ты, наверное, видел, что немцы захватили часть высоты. Теперь нам с тобой надо удержать другую её часть.

Лейтенант рассказал о плане передислокации, приказал разобрать пулемёт, так как в собранном виде его невозможно было протащить по узким и не глубоким ходам сообщения, и возглавил передислокацию, захватив две банка с лентами. Передвижение было крайне тяжёлым. Фашистские снаряды и мины постоянно рвались вблизи хода сообщения, станок не пролезал в узком ходе сообщения, и его приходилось поднимать выше траншеи, что вызывало бешеную стрельбу фашистов по нашим из пулемётов.

- Всё же, как своевременно Родин организовал рытьё траншеи. Без неё сейчас передвигаться было бы невозможно, - подумал лейтенант.

Расчёт прибыл на огневую позицию Курочкина. В окопе стало тесно. Лейтенант и Караваев, передвигаясь, то по-пластунски, то перебежками, осмотрели местность и наметили огневую позицию пулемётного расчёта, используя для неё воронку от снаряда. Теперь самое главное было как-то перенести туда пулемёт. Солдаты взвода Ляпкова по-пластунски стали занимать оборону, используя воронки от снарядов. Это было не сложно, так как воронок было очень много, а солдат, наоборот, очень мало.

Лейтенант и сержант вернулись на огневую позицию и Караваев с Серёгиным, вторым номером расчёта соединили тело и станок пулемёта и ползком двинулись по направлению новой огневой точки. Им часто приходилось бросаться в воронки, спасаясь от разрывов снарядов, мин, автоматного пулемётного огня противника. Порой казалось, что вот их уже накрыл фашист, снаряд как будто бы разорвался около них, но расчёт ожил и снова двигался. Солдат-стрелок, приданный к пулемёту, захватил две коробки патронов и двинулся за расчётом. Щит был оставлен до лучших времён. Через полчаса расчёт Караваева был уже на новой огневой позиции.

- Ну, Курочкин, теперь пришла очередь за тобой. Пойдём, прогуляемся вдоль обороны автоматчиков, посмотрим, откуда мы сможем лучше отбивать атаки фашистов.

Курочкин ещё полностью не оправился от той лёгкой контузии, полученной вчера. Но идти было нужно, и он пошёл. Это передвижение нельзя было назвать ходьбой, это было одно из трудных передвижений под сильным обстрелом. Передвигаясь перебежками или ползком, они достигли того места, откуда была видна вся оборона противника, принадлежавшая ранее второй роте второго батальона. Лейтенант остался в районе новой огневой точки, а Курочкин отправился за пулемётом и расчётом, а через полчаса с невероятным трудом вернулся в полном составе. Теперь наша оборона имела форму Т. На флангах верхней перекладки буквы Т стояли пулемёты лейтенанта. Противник был обращен к нам флангом. Это обстоятельство не позволяло фашистам накопиться для атаки скрытно, так как всякое движение противника было видно с нашей обороны.

Вся эта передислокация не обошлась нашим подразделениям бесследно. Во взводе Ляпкова было несколько раненных и двое убитых. Это, при остром дефиците людей, были существенные потери. Пулемётный взвод лейтенанта не потерял никого, да и терять-то было больше некого. Гитлеровцы видимо решили больше сегодня не рисковать. Они усиленно стали закапываться в землю, боясь нашей контратаки. Не знали гитлеровцы, что контратаковать мы не можем. Это было бы равноценно самоубийству, так как людей в стрелковых ротах осталось по два – три десятка человек. Наши войска не могли создать и приличной артподготовки потому, что снарядов и мин на ствол оставались единицы. Атаковать, значит потерять плацдарм, не только высоту. Наше командование это понимало и приказывало глубже зарыться в землю.

По характеру артиллерийской стрельбы, было видно, что гитлеровцы срочно готовят данные для создания передвижного заградогня (ПЗО) между нашими позициями и правым флангом своих окопов, захваченных врагом сегодня у нашего соседа. Передвижные и неподвижные (НЗО) заградогни являлись очень грозным препятствием на пути движения наступающих. Если фашисты успевали подготовить данные и создать такие огни, то пройти их становилось непреодолимым препятствием.

Фашистская пехота начала усиленно рыть землю так, что на всех их боевых порядках взлетали комья земли. Это говорило о том, что фрицы решили крепче закрепиться на части высоты 226.5 и, видимо, пока будут довольствоваться её половиной. По всей видимости, у них тоже не было достаточно пехоты, а артиллерия и миномёты, по опыту прошлых боёв, не являлись решающими в их атаках. Наши срочные перегруппировки, по-видимому, также не остались незамеченными фашистами. Поэтому, можно было догадаться, что фашистское командование, трезво оценив обстановку, пришло к выводу, что

дальнейшие атаки не приведут к захвату всей высоты, а приведут к большим потерям.

Артиллерийско-миномётный огонь противника ослаб. Снаряды и мины в районе нашей обороны рвались с большими интервалами. Чувствовалось, что это был не целенаправленный, а как бы дежурный обстрел. Только на нейтральной полосе рвались снаряды и мины в строгой последовательности. Это немцы вели пристрелочный ПЗО и НЗО.

Лейтенант дал команду расчётам оборудовать огневые позиции в полный профиль по всем правилам военной науки. Окоп должен полукольцом охватывать площадку, на которой устанавливался пулемёт. В окопе должно быть место не только для расчёта, но и для пулемёта. Пулемёт на огневую позицию должен выставляться только для стрельбы. Остальное время его не должно быть на столе. Лейтенант разметил огневые позиции обеих расчётов, солдаты сходили за лопатами и всем остальным, что оставалось на прежних огневых точках и приступили к оборудованию позиций.

Лейтенант бегом пробежал расстояние между позицией пулемёта и КП роты. Родин встретил его приветливо.

- Ну, Жора, вроде обстановка стабилизируется. Видел, как немец начал носом рыть землю? Видимо, выдохся и не хочет большего. Ты готовь свои позиции лучше. Комбат приказал вечером вернуть ему его резерв, взвод автоматчиков. Нам придётся ещё жижее разводить нашу оборону. На третьем участке роты мы оставим только один взвод, да какой это взвод, это по мирному времени ближе к отделению. И это отделение будет занимать оборону целой роты.. Тебе придётся огневую позицию для пулемёта на левом фланге построить так, чтобы можно было вести огонь и вперёд во фланг фашистам, и назад вдоль боевых порядков взвода, занявшего позиции роты. Вероятность наступления фрица на старые позиции небольшая, но надо быть начеку. Если дальше так пойдёт, мы с тобой вдвоём будем защищать позиции целой роты. Комбат говорит, что пополнения не ждите, не будет.

Лейтенант терялся в догадках, почему командование совершенно не даёт пополнения, урезало и так скудный паёк по линии ПФС, продовольственно-фуражного снабжения и артснабжения. Ведь всем ясно, что фашисты на их участке, да и на участке всего плацдарма, имеют значительное численное превосходство, а в части артиллерии, миномётов и снарядов к ним в десятки, если не в сотни раз больше, чем в наших подразделениях. Ведь стоит немцам собрать в кулак пехоту, подавить нас артиллерией и, если кто-то останется в живых, то через час будет плавать в водах Днепра.

Ещё вчера таких мыслей не было, а позавчера наши части даже атаковали и занимали господствующие высоты, и вдруг, всё изменилось. Приказ за-

капываться в землю поглубже говорил о том, что движение вперёд у нас на участке долго не будет. Видимо, прав был комбат Громов, относительно занозы, а не клина на этом участке. Мечта лейтенанта о том, что он со своими пулемётчиками пойдёт победным шагом по правобережной Украине, освобождая сёла и города, не суждено было сбыться в ближайшее время. Ещё на переправе, слыша звуки боя, он думал, что не успеет к прорыву обороны немцев, что ему придётся догонять дивизию на марше.

- Хорош марш, - подумал лейтенант, - наверное, долгие месяцы будем топтаться на месте в окопах, вырытые в полный рост. Неизвестно, кто останется в живых, а кто сможет начать победный марш, вслед отступающему врагу.

Лейтенанту почему-то вспомнились кадры из фильмов о Германской войне 1914 года. Как солдаты жили в окопах под дождём в холод и снег. Тогда это было далёким прошлым, но всё это смотрелось с содроганием от этих нечеловеческих условий, в которых находились наши солдаты.

Не знал, да и не мог знать лейтенант, что их ждало здесь впереди. Он мог только предположить, но что будет на самом деле и превзойдёт все самые мрачные картины первой мировой войны, он этого не мог даже предположить. Мысли лейтенанта прервал Родин.

- Вижу Жора, ты что-то мрачен. Не переживай так сильно. На фронте каждому уготована своя судьба. Я не суеверен, но вот иногда смотрю на солдата и непроизвольно думаю, твоя судьба парень плоховата, тебе трудно выжить, у тебя какая-то тоска во взоре. И вот командир взвода докладывает о сегодняшних потерях, убило одного солдата и двух ранило. Кто же убит? И что же оказывается, убит тот парень, про которого я думал. Поэтому, я стал верить в судьбу на фронте, так как это повторялось очень часто.

- Вот, например, я смотрю на тебя, ты не похож на приговорённого к смерти. На фронте ты не погибнешь. У тебя хорошее соображение, хорошая реакция и ты не труслив, и самое главное, нет обречённости в твоём взоре. Одним словом, лихой парень, а такие не погибают на фронте.

- Ты Николай, как цыганка – гадалка, только гадаешь не по руке, а при помощи своего логического способа по “тоске во взоре”, - пошутил лейтенант.

Молодые офицеры ещё долго говорили обо всём, вплоть до любимых девушек. Лейтенанту нечем было особенно похвастаться, все его любовные дела, в свои девятнадцать лет сводились лишь к какому-то непонятному, приятному чувству, возникающему при общении с интересной девушкой, да и воспоминания о медицинской сестре Шуре, так нежно относившейся к нему в госпитале, в котором он лежал недавно после ранения.

Родин показал фотографию миловидной девочки, своей невесты и лейтенант заметил, как повлажнели глаза у Николая, когда он смотрел на фотографию. Видимо, в душе у него была какая-то тень сомнения, встретится он с ней или нет. Ведь война не щадила ни солдата, ни генерала. Жоре было непонятно эта чувствительность Николая к девушке, но он из-за уважения промолчал. Вот любовь к своим родителям, это чувство было понятно Жоре и оно выжимало слёзы из глаз при воспоминании о них.

День клонился к вечеру. На нашей и вражеской позиции по-прежнему летели в воздух комья земли. Обе стороны рыли землю с остервенением. Родин раскрыл банку тушенки, и они перекусили, запивая тушёнку холодным чаем.

- Ну, я пойду на позицию Караваяева, придётся немного подкопать огневую точку, чтобы можно было вести обстрел на 180^0 , - сказал лейтенант, - я к тебе приду, Николай, когда стемнеет, если фрицы не помешают.

Пригибаясь, лейтенант добежал до хода сообщения и по нему вышел на перекрёсток буквы Т, а оттуда, короткими перебежками, к расчёту Караваяева. Хотя и усиленно занимались фашисты рытьём земли, но пулемёт, установленный на их правом фланге, дал несколько очередей по лейтенанту. Караваяев уже достаточно глубоко углубил воронку от снаряда, в которой он организовал огневую позицию. Пришлось немного подкорректировать его планы по оборудованию огневой позиции. Так прошёл день. Начали надвигаться сумерки. Солдаты, измученные перебрасыванием большой массы земли, начали клевать носом. Все с нетерпением ждали старшину с едой и питьём.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант, - послышалась скороговорка старшины Кузнецова с вологодским акцентом.

- Здравствуй дорогой Пётр Евграфович. Как же ты нас отыскал? - ответил Лейтенант.

- У каждого старшины есть особый нюх, по которому он находит своих, - пошутил старшина.

Расчёты бросили свою работу и весело с котелками подбежали к повару.

- Ну, старшина, видишь как мы сегодня славно поработали, правда, прозевали половину высоты, но ни одного человека не потеряли из всей роты, состоящей из девяти душ, вместе с тобой, поваром и Егором.

- Да, рота у нас небольшая, - согласился старшина, но, по-моему, у стрелков тоже не густо.

- У Родина от роты остался по численности один взвод довоенного состава. Он должен занять оборону на протяжённости чуть ли не целого батальона. Солдаты друг от друга будут на расстоянии пистолетного выстрела. А

ты, там, в тылу, отпускаешь артиллерию на сторону, кем же мы будем отбивать наглых фашистов? Ну, что ещё скажешь хорошего, старшина?

- Мастерскую для нашего “Максима” я нашёл, буду ждать возможности взять его на ночь в тыл. Продуктов очень мало дают. Нашёл картофельное поле, буду собирать урожай. Есть на примете и другие грядки, со свёклой, капустой, морковкой и другими плодами земли. На плацдарме мирных жителей нет, не погибать же урожаю. Постараюсь заняться овощами.

- Артиллерия продолжает уходить с плацдарма. Сейчас остались только сорокапятки, 82 миллиметровые батальонные миномёты и полковые 76 миллиметровые пушки. Но со снарядами и минами полный конфуз, их перестали переправлять с той стороны. Думаю, что весь плацдарм не будет больше наступать, а будет чего-то ждать.

- Верно, думаешь, старшина, с нашим составом наступать, это самоубийство. В наступлении людей хватит на 15 – 20 минут, и тогда фриц сможет встать во весь рост и дойти до Днепра, не услышав ни одного выстрела. А закопавшись в землю, мы ещё представляем грозную силу. Нас не так-то просто выкурить из земли и сдвинуть с места. Пока не получим пополнения, да артиллерии с миномётами и снарядов в придачу к ним, будем укрепляться.

- Похоже, что и фрицы потеряли пыл в своих атаках. Успокоились, что забрались на высоту? – спросил старшина.

- Да, похоже на это. Слышишь, как звенят лопаты в их расположении? Сегодня даже под огнём рылись, как кроты. Мы с тобой старшина маленькие, окопные люди, мы не знаем, да и не хотим знать задумок и действий нашего командования. Если бы мы всё знали, то и побед бы не было, всё так или иначе дошло бы до противника, и не было бы внезапности, а противник принимал бы срочные контрмеры. Каждый на фронте должен смотреть на противника через свой прицел, какой ему вручила Родина.

- Патронов нам сегодня не нужно, поэтому ты, старшина, не посылай к нам Егора. “Будь здоров и не кашляй”.

Старшина и повар скрылись в темноте. Вспышки вражеских осветительных ракет не раз ещё освещали удалявшиеся фигуры наших кормильцев. Солдаты покушали и угомонились. Кто-то копал землю, видимо, не выполнил норму, которую ему установил командир.

Лейтенант пришёл на огневую позицию Караваяева и устроился в окопчике рядом с пулемётом. Не успел он закрыть глаза, как сразу уснул. Он не слышал, как менялись дневальные у пулемёта, как сонно ворчал немецкий МГ и как ухали отдельные редкие разрывы мин и снарядов.

Глава IV. ИСПЫТАНИЯ НАРАСТАЮТ

Сквозь сон лейтенанту показалось, что по его лицу ползают какие-то мурашки. Он проснулся, и сразу у него на душе стало грустно, появилась острая безысходная тоска.

- Вот и дождались одного из многих тяжёлых испытаний окопной жизни – дождя. У нас нет ни крыши над головой, ни кустика, ни, на худой конец, плащ-палатки, чем бы хоть как-нибудь закрыться от него, - подумал лейтенант.

Дождь всё усиливался. Скоро у лейтенанта промокла пилотка, затем шинель, а затем и весь стал мокрым, как мышь. Солдаты тоже проснулись и ёжились от сырости и холода. Была осень и дождь был очень холодный, да и температура воздуха была от плюс шести до восьми. Кто-то тихонько ругался, кто-то надрывно кашлял.

- Рано солдат начал кашлять, это пока цветочки, дождь ещё не такой холодный. Вот, скоро мухи белые будут летать, тогда и будет время всем закашляться, - подумал лейтенант.

Ещё одной трагедией от этого дождя было то, что стенки свежевскопанных окопов и ячеек намочило дождем, и они поползли грязной жижей. От этой жижи нельзя было спрятаться нигде. Воронки от снарядов тоже оплывали жидкой грязью. Здесь, на плацдарме почва была чернозёмная и, намокая, становилась, как жидкое масло.

Скоро все солдаты, и лейтенант в том числе, были похожи на поросят, вылезших из своих любимых луж. Лейтенант ругал себя за то, что не предусмотрел этого момента и не сказал старшине, чтобы тот постарался достать плащ-палатки. Конечно, плащ-палатки не совсем уберегут от дождя, но хотя бы плечи можно было защитить от сырости. У лейтенанта не сходилась зуб на зуб. Он выскочил из окопа и, шлёпая по лужам, побежал на КП роты. Родин оказался предусмотрительнее, у него на плечах была плащ-палатка, и он сидел в своём окопе полусухой.

- Ну, что Жора, промок до нитки, иди сюда, у меня плащ-палатка широкая, прикрою тебя, как могу. Но ты грязный с ног до головы, пусти тебя под палатку и сам будешь весь перемазанный. Ну ладно, лезь, только не очень прижимайся ко мне.

Остаток ночи лейтенант провёл под крылышком у Родина. Он не согрелся, нет, но и не перемерз окончательно. Новых порций холодного дождя он не получал, а полученную влагу согревал своим телом. Но сложным было ещё то, сидеть в грязи он не мог, и большую часть времени пришлось провести на корточках.

- Вот бы сейчас дровец, развести костёр, погреться бы, да посушиться, - мечтательно произнёс лейтенант.

- Тебя бы сразу засекали фрицы и так согрели, что не опомнился бы. Надо перекрывать окопы какой-нибудь крышей. А самое лучшее, это построить землянки. Вот ты наблюдал за фашистами. Они почти на самом правом фланге своей обороны под носом у нас уже заложили землянку. Завтра, наверное, её перекроют, и будут жить с комфортом. А мы с тобой не можем позволить себе такой роскоши. Кто будет копать землянку, её перекрывать и оборудовать? У нас еле хватает солдат на ночную караульную службу. Да и фрицы не мы, у них снарядов до черта, они не успокоятся, пока не разметут её в щепки вместе с нами. Это была горькая правда. Единственная, очень малая надежда была только на плащ-палатки.

Из-за Днепра начал пробиваться хмурый рассвет. Дождь не нерестовал, его серая пелена наводила такую безысходную тоску, что лейтенант не выдержал, высвободился из под плащ-палатки Родина, встал и побежал к своим расчётам. Несмотря на дождь, фрицы заметили и дали несколько длинных очередей по нему. Лейтенанту ничего не оставалось, как плюхнуться в ближайшую воронку, заполненную грязной жижей.

- Вот проклятый фашист, заставил меня лезть в эту жижу, - обозлился лейтенант.

Когда он появился на огневой позиции Курочкина, тот горько пошутил:

- Товарищ лейтенант, вас теперь не отмыть до самого конца войны.

- Если захочешь жить, то полезешь хоть в бочку с дерьмом, ответил лейтенант.

День прошёл без особых изменений, если не считать того, что фашистский снаряд упал вблизи пулемёта Курочкина в лужу, и грязью так обделало его, что лейтенант съязвил:

Курочкин, вот теперь и тебя до конца войны не отмыть.

Вечером в положенное время появился старшина Кузнецов и на своём вологодском диалекте доложил:

- Товарищ лейтенант, принёс вам пять плащ-палаток, а то я вижу, вы всем не похожи на солдат, какие-то комья грязи.

- Спасибо старшина, кроме грязи ещё и воды в нас много, по паре вёдер можно выжать из каждого.

После ухода старшины, все солдаты стали устраивать себе что-то вроде навесов, чтобы не так сильно промокать сверху. У них это получалось неплохо, но вот, что-то положить снизу, не могли придумать ничего. Дождь стекал с палатки, сразу же потоки устремлялись под сидящего или лежащего солдата, и всё, что ему причиталось сверху, он получал полной мерой в концен-

трированном виде снизу. Больше того, в окопе солдата сразу же накапливалась лужа, которая не давала возможности ни сесть, ни лечь и солдату приходилось стоять на четвереньках и днём и ночью. Если он решал передвинуться в окопе на новое место, то картина через некоторое время повторялась и от “четверенок”, солдату было некуда деваться. Лейтенант не был исключением и так же основную часть времени проводил на четвереньках.

После атак немцев, кончившихся захватом части высоты 226.5, прошло несколько дней. На передовой продолжались перестрелки. Фашисты, верные себе, методически вели обстрел наших позиций из орудий и миномётов. Так же методически, без перерывов, в течении ночи зажигались и гасли осветительные ракеты. Иные дни выдавались без дождя, и тогда на передовой был праздник, особенно когда выглядывало солнце. Но всё равно никто не высыхал полностью, холод и дрожь сопровождали обороняющихся постоянно днём и ночью. Но вот, что было удивительно, никто за это время не заболел от этого ужасного холода и постоянной сырости. По меркам мирного времени, выдержать такие испытания, было выше человеческих возможностей. Некоторые ловкачи – солдаты пытались прикрывать свои ячейки досками от патронных ящиков. Но при близком разрыве снаряда или мины вся эта конструкция рушилась на головы незадачливых строителей.

Фашисты, чувствуя и понимая наши трудности, видимо решили, что моральный дух защитников сломлен и можно без труда захватить высоту, а потом развить наступление и до Днепра. Они прекрасно знали, что у их противника нет блиндажей и землянок, что солдаты сидят по самую макушку в холодной грязной жиже. Они решили, видимо, воспользоваться этим.

Лейтенант стал замечать определённую активность внизу у левого фланга нашей обороны недалеко от расчёта Караваяева. То же самое чувствовалось и вблизи их фланга, подходящего к нашей обороне.

- Видимо, фашисты задумали нас сжать с двух сторон, раздавить как орех и захватить всю высоту малой кровью, - подумал лейтенант.

Он рассказал обо всём этом Родину и тот сказал:

- Смотри, Жора, фашисты набили дорогу. Это, видимо, по ночам привозят боеприпасы, и ещё что-то. Да и активность немцев говорит о том, что нам нужно быть начеку.

- Вот смотри, Жора, наша оборона в виде буквы Т достаточно уязвима. Я на месте немцев обязательно бы воспользовался этим. Те его подразделения, которые расположились внизу под высотой, находятся от нас на расстоянии метров до двухсот. На таком же расстоянии они находятся от вершины буквы Т. Если дружно выскочить и одновременно ударить с этих двух сторон, то

можно создать впечатление окружения, и мы с тобой драпанём от неожиданности.

- Но это от неожиданности, а если мы уже знаем, что они пойдут, то неожиданности-то не будет, - заметил лейтенант.

- Верно, Жора, ты опередил ход моих мыслей, - сказал Родин, - вот ты и приготовься к их встрече. Твои пулемёты стоят хорошо, они держат под прицелом окопы немцев, но ты только не прозевай, когда они будут из них вылезать. Ночью они не ползут, не такие они люди, а вот рано утром обязательно ползут. Так что готовься сам и готовь людей. Самое главное, не дать фрицам набрать скорость при разбеге, а то эти двести метров они проскочат моментально. Тут вот ещё одно преимущество для нас, что во время артподготовки они не вылезут из окопов, очень близко будет шквал огня от них

Напряжение в обороне противника нарастало. Лейтенант наблюдал всё новые проявления подготовки к наступлению. Так, вечерами слышались возгласы большого количества людей. Усилился пулемётный огонь, было видно, что немцы добавили пулемётов. В траншеях у фрицев раздавалась музыка губных гармошек и громкие выкрики, видимо, выпивших людей. Артиллерия всё время вела пристрелочный огонь по нашим траншеям и сзади их, видимо рассчитывая на то, что защитники будут драпать и артиллерия накроет убегающих.

Несмотря на холод, сырость и непролазную грязь, лейтенант зорко следил за поведением противника и инструктировал свои расчёты, как нужно действовать при начале наступления. Чувствовалось, что наступление немцами уже подготовлено. Всё чаще они стали высовываться из окопов и наблюдать за нашими боевыми порядками.

Во время подготовки к отражению замыслов фашистов, командир стрелковой роты Родин настоял, чтобы перед передним краем обороны роты поставили минные поля. Дивизионные сапёры как-то ночью поставили противопехотные деревянные мины вдоль самых вероятных направлений возможного наступления немцев. Тогда лейтенант ходил вместе с сапёрами и запомнил расположение минных полей. С учётом этих полей он рассчитал и зону обстрела своих пулемётов. Своим боевым расчётам он внушал, чтобы они были начеку и не позволили немцам внезапно выскочить из траншей и, тем более, выстроиться в цепи для наступления на виду наших обороняющихся порядков. Там, где их окопы подходили к нашим флангам, вероятнее всего фашисты будут выскакивать в разные стороны из окопов, чтобы выстроиться в цепь для атаки. Все эти предположения и размышления лейтенант довёл до своих расчётов и подготовил их морально к отражению атаки. Его больше всего тревожил расчёт Курочкина, та как на его долю, по мнению

лейтенанта, придётся наиболее трудная часть отражения атаки. Лейтенант сам решил не уходить с расчёта Курочкина.

Предположения на счёт скорого наступления фашистов оправдывались. Однажды, когда только стемнело, перед нашим передним краем остроглазый солдат – стрелок заметил какое-то движение. Поднялась стрельба и движение прекратилось. Лейтенант понимал, это была разведка наших минных полей для того, чтобы сделать проходы в них. Он был уверен, что никакой глазастый солдат не в состоянии будет заметить, когда они будут делать эти проходы. Значит, скоро придётся принимать тяжёлый бой.

Лейтенант в темноте, шлёпая по лужам тяжёлыми мокрыми сапогами, и ёжась в промокшей до нитки шинели, пришёл к командиру роты Родину. Тот сидел на своём КП, на дне окопа ему раздобыли и настелили доски, поэтому он не сидел в луже, а вода шлёпала под досками. Лейтенант рассказал Родину о своих наблюдениях и мерах, которые он принял в подготовки отражения атаки фрицев. Родин сказал:

- Правильно Жора поступаешь, я тоже кое-чего предпринял. Я распорядился выдвинуть боевое охранение левее твоего расчёта, смотри не перестреляй, когда фриц выкурит их с позиций. Кроме этого, комбат Громов обещал поддержку последними, оставшимися в его распоряжении, 75 миллиметровыми пушками, полковыми и батальонными миномётами. Но вот снарядов и мин до ужаса мало. Вся надежда на твои пулемёты.

Мимо КП роты прошли цепочкой старшина Кузнецов, повар и ездовой Егор, нёсший под мышкой несколько сколоченных в щиты досок.

- Вот, лейтенант и в твоей траншее будет праздник, разогнёшь ты свои полусогнутые ноги и поспишь немного с шиком перед тяжёлыми боями. Но фрицы не дадут тебе долго спать, разбудят обстрелом из всех калибров, - заметил Родин.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант, - громко проговорил старшина, - принёс вам мягкую постель, но слышал, что спать-то вам спокойно и не придётся.

- Здравствуй, старшина. Ты хорошо сделал, что принёс этот щиток, теперь спать, да и днём отдыхать можно не на четвереньках, а с комфортом. Вот, единственно побаиваюсь, не достался бы твой щит в качестве трофея фрицу. Он, по всей видимости, с рассветом собирается начинать нас выкуривать с высоты, - отозвался лейтенант по дороге на их огневые позиции.

- Вот, что ещё старшина, мы очень давно не мылись. Я уже здесь около месяца, а даже умыться по человечески не могу. У меня за пазухой уже целый питомник. Он даже в холодной воде и то, ухитряется размножаться. А солдаты ещё дольше не мылись. Они даже придумали такую игру, кто боль-

ше вытащит насекомых, залезая за пазуху один раз. Это смешно и грустно. Ты представь, что вот уже около полмесяца мы не высыхаем, а вдобавок ещё нас и загрызают до одурения эти невесты откуда появившиеся кровопийцы.

- Как ты думаешь, каков у нас моральный дух и может ли он быть высоким, когда сидишь в этой грязи по уши и неимоверно чешешься? – спросил лейтенант и сам себе ответил:

- Вот, я по себе чувствую, что мой моральный дух меняется в зависимости от того, как сильно я намокаю. Мокрый я себя представляю мокрой курицей, поджавшей хвост, взъерошенной и невзрачной, и одновременно на душе становится как-то гадко, и перестаёшь себя уважать. Когда я сухой, да ещё бы не чесаться, так я готов взбрыкивать как молодой жеребёнок и мне фрицы кажутся менее опасными.

- Вот фашисты и прикинули, что почём. Они ведь тоже люди, хотя мы склонны думать, что они больше сродни зверям по своим поступкам. И вот, эти люди зная по себе, как тяжело быть всё время мокрым, грязным и сжираемым вшами, прикинули, что у русских моральный дух должен быть не достаточно высоким, решили выбросить нас с этой господствующей высоты. Конечно, фриц не знает, какие мы выносливые люди, и как мы можем постоять за себя, даже в такой критической обстановке.

- По видимому, завтра на рассвете, - продолжил лейтенант, - нам предстоит выдержать очередное испытание на стойкость и мужество в этих сложных условиях. Но и фашисты тоже рискуют жизнью, предпринимая эту попытку.

- Смотри, старшина, - лейтенант поскрёб пальцем по мокрому брустверу окопа, - нужно ползти вверх по грязной и мокрой стенке окопа. Ясно, что быстро не выскочишь. А выскочишь весь в грязи, автоматы и винтовки будут все грязные, да и руки покрыты толстым слоем грязи. Будет трудно вести прицельный огонь. Пока фашисты будут преодолевать эти трудности, мы должны их сразу же уложить в грязь возле их окопов. Не давать поднимать голову и довести до такого состояния, чтобы они ползком, задом – задом снова плюхнулись в свой окоп. Алучше всего, чтобы они остались лежать в нашей земле вечно.

Этот разговор со старшиной происходил на огневой позиции второго расчёта, где была ячейка лейтенанта, скрытая в стенке окопа огневой позиции. Под ногами хлюпало жидкое месиво. Да и в котелках было тоже какое-то месиво, смесь супа с кашей, на вид похожее больше на жидкий суп. Солдаты горько шутили:

- Старшина с поваром весь день воду варят, чтобы к вечеру она стала погуще.

Старшина в свою очередь очень искренне расстраивался и всё время жаловался, что на складе ПФС ему практически ничего не дают. Солдаты конечно понимали, что старшине негде взять продуктов, но каждый день поругивали повара:

- Что ты опять несёшь воду. Мы же так можем помереть с голоду, и тогда тебя фашист возьмёт голыми руками.

И ещё так:

- Когда же ты повар накормишь нас досыта? Мы уже забыли, когда это было. Вдруг война кончится и нам придётся ехать домой. В каком же виде мы предстанем перед своими жёнами? Придётся им неделю нас откармливать, чтобы мы свои мужские обязанности выполняли.

Такие разговоры велись практически ежедневно, несмотря на то, что этот совмещенный в одно завтрак – обед и ужин проходил практически в полной темноте, особенно в дождливую погоду. В ясную погоду солдаты блаженствовали, для них это был праздник, они видели, что хлебали из котелков. Шутки у них становились менее злобными, меньше земли сыпалось в котелки с “хлебало”. Солдаты устраивались в своих норах поудобнее и старались неторопливо двигать ложкой, правда, это у них не особенно получалось после суточного перерыва в нехитрой еде.

Лейтенант в такие вечера чувствовал тоже какую-то приподнятость, он мысленно отмечал:

- Какой всё же интересный русский человек, в тяжёлых нечеловеческих условиях он не теряет самообладания и даже создаёт какой-то относительный комфорт в условиях, полностью дискомфортных.

Солдаты шутили:

- Товарищ старшина, прикажите повару поменьше воду лить в котёл, на нас её столько выливается в день, что мы не знаем, куда от неё деваться, а вечером повар опять её несёт. Хотя бы вечером отдохнуть от воды. Лучше бы приказали ему мясо класть в котёл, мы уже давненько не чувствовали его запаха.

Все эти шутки старшина воспринимал как серьёзные замечания в его адрес и искренне расстраивался. Но сегодня, может быть впервые за всё время пребывания на высоте, солдаты ели молча, сосредоточенно, без шуток и подтруниванием над старшиной и поваром. Солдаты знали, что с рассветом будет тяжёлый бой и кому-то из них больше уже никогда не потребуется варено Степана Шейкина, доблестного повара пулемётной роты. Закончив трапезу, солдаты молча разбрелись по своим норам. Старшина стал собираться к себе, повар собрал нехитрый скарб, Егор положил деревянный щиток в логово лейтенанта.

- До свидания, товарищ лейтенант, - певуче произнёс старшина, - желаю вам всем остаться живыми и невредимыми в завтрашнем тяжёлом бою.

- До встречи, старшина. Завтра в это же время, на этом же месте и с этим же составом, - сказал лейтенант, обращаясь не только к старшине, а больше к окружающим солдатам, стараясь их подбодрить.

Старшина увёл свою колонну. Солдаты с какой-то грустью смотрели им вслед. Каждый из троих удалявшихся в ближний тыл чувствовал на себе эти взгляды, и в их походке чувствовалась какая-то вина в том, что они покидают своих братьев по оружию в такую трудную минуту. И может так случиться, что завтра они уже никого не увидят.

На фронте каждому была определена своя судьба. Артиллеристы или миномётчики среднего калибра находятся в ближайшем тылу и не сидят нос в нос с противником. Ещё более крупный калибр сидит в среднем тылу и так далее. Здесь можно рыть землянки и топить в них печурки круглые сутки. Танкисты выходят в смертельный бой, как правило, в момент наступления или отражая атаки противника. Жизнь его в этот момент тоже висит на волоске. Кончилась атака, остался жив танкист, благодари судьбу, надейся на её благосклонность в дальнейшем и отдыхай до следующей атаки. Пехотинец же должен сидеть в окопах до тех пор, пока его не убьют или ранят. Если его ранило, то всё равно придёт в пехоту на передовую обратно после лечения, конечно, если его не спишут как калеку. Госпиталь для пехотинца, это отдых от постоянной ежеминутной угрозы гибели, отдых от нечеловеческих условий существования на передовой, таких, например, какие были здесь на плацдарме. Для многих же пехотинцев, это возможность пожить ещё немного на этом свете, это отсрочка того момента, когда он примет свою смертельную пулю или осколок.

Так рассуждал лейтенант, провожая взглядом удалявшуюся троицу. Он думал:

- Если они не уйдут, и не будут выполнять своих обязанностей, то завтра вечером, после тяжёлых боёв, оставшимся в живых нечего будет есть, а ведь после такого дневного напряжения им вдвойне нужно будет подкрепиться.

Размечтавшись, лейтенант представил себе, что вдруг бы сейчас ему дали возможность выкопать землянку под этой высотой в овраге, поставить туда какую-нибудь захудалую печурку и затопить её. Это было бы неопишное наслаждение. Он представил, как вышел бы из землянки, пули не свистят, снаряды рвутся шальные, не прицельные, он бы смог потянуться во весь рост, без боязни получить дырку в голове, размять свои затёкшие руки и ноги. Потом, войдя в землянку, скинул бы сырое обмундирование, одел чистые, сухие, без насекомых кальсоны и рубаху и смотреть не отрываясь на языки

жаркого пламени в печурке. Вот это был бы поистине рай, в котором можно было жить годами.

Эти приятные мысли лейтенанта были прерваны очередью разорвавшихся пуль на бруствере над головой. Лейтенант остро ощутил действительность и то, что через несколько часов начнутся смертельные испытания. Он встал со своей деревянной подстилки, прошёл на левый фланг к Караваеву. Солдаты дремали в своих норах, сержант бодрствовал, видимо, готовясь к завтрашнему бою. Лейтенант в очередной раз дал ему наставления:

- Как только увидишь, что фашисты начали вылезать из окопов, не жди, открывай огонь, не давай остальным вылезать. Тогда мы смешаем их планы. Фашисты ведь народ пунктуальный, им подавай цепь, они не пойдут вразброд в атаку.

- У тебя сложное положение, - продолжал лейтенант, - на тебя фашисты могут пойти с двух направлений, с фронта и фланга. Правда, где фронт, а где фланг, тут трудно тоже определить. Я думаю, что основная угроза тебе, это не с вершины высоты, а слева из тех кустов, в которых мы с тобой остановили в прошлой контратаке. Поэтому, пулемёт держи стволом ближе к левому флангу. Здесь я тебя с вершины высоты поддерживать не буду, да и вряд ли мне удастся выкроить минуту для этой цели. Нам с тобой фокус с перекрёстным огнём в прошлом, сейчас не удастся повторить. Теперь ты должен поразить их кинжальным огнём.

- Сам понимаешь, что отступать некуда, если побежишь, то погибнешь. Растолкуй это всем своим ребятам и не паникуй, всё обойдётся, не первый раз. Они хотят нас столкнуть отсюда. Ну, будь здоров, не робей, ни пуха тебе, ни пера.

- Есть, товарищ лейтенант, - немного невпопад ответил Караваев.

Вернувшись на огневую позицию Курочкина, лейтенант дал ему указания насчёт возможного возвращения боевого охранения:

- Смотри, не перестреляй своих солдат, у нас их, ох как, мало. Они должны с рассветом вернуться в окопы следом за фашистами. Они могут выкинуть какой-нибудь фокус перед наступлением, - сказал лейтенант и улёгся на свой щиток, закрыл глаза палаткой и задремал.

Сон лейтенанта был тревожным не только от того, что плечи и ноги его были мокрые и по телу шёл зуд от грязи и насекомых. Где он мог подцепить этих омерзительных кровопивцев? В госпитале было чисто и ни у кого их не было. Наверное, когда шёл из госпиталя на фронт и ночевал вповалку с солдатами.

- Надо будет срочно организовать баню с жаринкой. Даст Бог, завтра успокоим фрицев, и тогда отмоемся, да и “Максима” полечим, - думал лейтенант и как-то забылся.

Вдруг он услышал шёпот:

- Товарищ лейтенант, проснитесь, - кто-то тряс его за плечо.

Лейтенант открыл глаза и увидел Курочкина, склонившегося над ним.

- Товарищ лейтенант, мне показалось, что перед нашей обороной кто-то движется, - прошептал Курочкин.

- Наверное, разминируют проходы в минных полях, - подумал лейтенант и быстро подскочил к пулемёту.

В это время впереди в метрах пятидесяти раздались выстрелы, затем автоматическая очередь. Лейтенант примкнул к прицелу и дал несколько очередей в темноту. Ему даже показалось, что впереди что-то метнулось, как какой-то призрак, и всё стихло.

- Молодец Курочкин, что заметил движение, это наверняка были фашистские минёры, проходы для наступления разминировали, а наше боевое охранение их обстреляло! Это ещё одно доказательство возможности наступления фашистов утром, - сказал лейтенант.

Они посидели, молча на коробках с лентами, покурили. Сон как рукой сняло. Часов ни у кого не было, и время определяли примерно. По предположению лейтенанта было около трёх часов ночи. Курочкин разбудил сменщика Сашу Луканичева.

- Смотри, Саша в оба, фашисты рыскают вдоль нашей обороны, наверное, делают проходы в наших минных полях. Нам с Курочкиным надо немножко поспать, чтобы к утру быть в форме.

Лейтенант и младший сержант разошлись по своим норам.

Предрассветная прохлада разбудила лейтенанта. Было, наверное, где-то около трёх градусов тепла. Солдаты, скрючившись в три погибели, беспокойно ворочались в своих ячейках, чувствовалось, что они промёрзли до мозга костей. У пулемёта, всматриваясь в темноту, дежурил солдат Клименко. Чтобы согреться, лейтенант выпрыгнул из окопа и бегом пробежал на КП роты узнать, нет ли каких новостей сверху. Командир роты Родин проснулся и умывался, ему из котелка поливал холодную воду его ординарец.

- Доброе утро товарищи! – приветствовал лейтенант.

Ему приветливо отозвались.

- Как дела, Жора? – спросил Родин.

Лейтенант хотел рассказать о ночном происшествии, но Родин всё это знал в подробностях.

- Вот тебе и подтверждение о фашистских замыслах, - сказал Родин, - давай, Жора, перед боем перекусим, что Бог послал.

Оба молодых офицера уселись на настил в окопе Родина, вскрыли банку тушёнки и с удовольствием её уничтожили, запивая холодным чаем.

- Давненько я не слышал запаха мяса, какое же оно вкусное, - сказал лейтенант.

- Что, понравился тебе мой НЗ? – спросил Родин, - давно я его приберегал на тяжёлый случай, думаю, что этот случай наступил, нам с тобой сегодня нужны силы и твёрдость духа.

- Ну, Жора, долго я тебя задерживать у себя не могу, тебе нужно быть со своими пулемётчиками. Имей ввиду, что сегодняшнее отражение атаки будет делом сложным и ответственным. Будь сегодня внимателен и не давай своим ребятам паниковать.

Лейтенант выпрыгнул из окопа Родина и пробежался по верху окопов на левый фланг к расчёту Караваева. Все были уже на ногах и жевали, что Бог послал, а послал Он очень скудную пищу по два – три сухаря, да холодный чай. Некоторые солдаты доедали остатки вечерней тюри. Все были как-то подтянуты, в окопе царила какая-то торжественность перед предстоящими событиями. Проверив расчёт Караваева, лейтенант вернулся на позиции Курочкина. Здесь наблюдалась та же атмосфера, что на всей нашей обороне. Лейтенант занялся оборудованием своей огневой позиции вблизи пулемёта. Он разложил гранаты и патроны в нише и присел отдохнуть на патронный ящик.

Из-за Днепра начал пробиваться рассвет. Дождя не было, но в воздухе стояла ощутимая сырость. Со стороны противника нескончаемо взлетали и гасли осветительные ракеты. Лейтенанту, с его высоты хорошо был виден весь левый фланг обороны наших и фашистских войск на плацдарме, который обозначался в темноте пунктирами осветительных ракет.

- Какая удобная позиция у нас на высоте, - в очередной раз подумал лейтенант. Сегодня он это ещё острее почувствовал.

Фашисты тоже, видимо, проснулись. Чаще стали постреливать пулемёты. Отдельные снаряды и мины рвались около нашей передовой и в тылу наших позиций. Всполохи артиллерийской стрельбы стали наблюдаться интенсивнее вдоль линии обороны противоборствующих сторон на всём Днепровском плацдарме. Отсюда, с высоты 226.5 хорошо можно было определить, где установлены батареи фашистов, да и положение наших батарей так же можно было свободно определить – да, нам нельзя терять эти высоты. Прежняя потеря половины её нанесла большой урон нашим войскам на плацдарме, фашисты сейчас уже могут контратаковать почти весь правый

фланг плацдарма, а если они вытеснят нас с этой половины, то весь плацдарм у них будет как на ладони. Сколько же нам принесёт ущерба потеря всей высоты, сколько будет потеряно жизней из-за точной стрельбы фашистов по всему живому, которое будет двигаться по плацдарму, сколько будет подавлено наших батарей, засечённых корректировщиками огня с этой высоты. Да и защитникам плацдарма под постоянным оком фашистов будет очень неуютно находиться.

Лейтенант остро ощутил свою ответственность за жизнь многих Советских людей – солдат, защитников нашей любимой Родины. В случае сегодняшней нашей неудачи, сколько дополнительно матерей, жён и детей не дождутся своих близких любимых. Сколько будет вдов, сирот и одиноких скорбных матерей? У лейтенанта появилось желание поделиться этими своими мыслями с пулемётным расчётом. Он встал, подошёл к солдатам, готовившимся к бою.

- Вот, что ребята, - сказал лейтенант, - у нас сейчас есть минута, другая подумать над смыслом нашей жизни здесь. Не скрою, что положение наше с вами сегодня не лёгкое, фашисты с минуту на минуту будут стараться выбить нас с высоты, а может быть не только выбить нас, но опрокинув, гать до Днепра, который практически у нас за спиной. Представляете картину: фашисты сомнут нас и за какой-нибудь час выйдут к Днепру. Все мы знаем, что за спиной у нас никого нет, все кто может держать оружие сейчас с нами в окопах. Развив наступление, они овладеют переправой и разрежут наши позиции, захватят переправу и Днепровский плацдарм останется без продовольствия и боеприпасов.

Лейтенант старался в самой доходчивой форме нарисовать картину тех неисчислимых бед, которые постигнут наши обороняющиеся части в случае прорыва противником нашей обороны, о тех многочисленных жертвах, о горе родных и близких, которые получают похоронки из-за нашего малодушия и трусости. Солдаты слушали лейтенанта внимательно, и по их видам он понимал, что его слова доходят до их сознания. Выражение лиц становилось более суровым и решительным.

Лейтенант продолжал:

- Помните, как мы смело дрались недавно и не пустили фашистов на наши позиции. Значит, не так страшен чёрт, как его малюют. Фашист, конечно силён, но его можно побеждать, мы это с вами уже не раз здесь доказывали. И сегодня мы его побьём!

- Отступление, это смерть не только нам, но и многим нашим товарищам, - закончил лейтенант.

Начало светать. Перед нашими позициями промелькнуло три тени. Солдаты насторожились, Курочкин со вторым номером подхватили пулемёт из окопа и поставили его на огневую точку. Курочкин припал к прицелу.

- Не стреляй, - крикнул лейтенант, - это наше боевое охранение возвращается.

В окопы спрыгнули трое солдат, стрелков, вернувшихся из охранения.

- У фашистов оживление, слышны разговоры, какие-то команды, звонки котелков, наверное, заправляется фриц, - сказал сержант, командир боевого охранения.

Стало совсем светло. Внезапно тишину разорвал вой шестиствольного миномёта и сразу же после этого начала бить по нашим позициям немецкая артиллерия и миномёты. Комья грязи взлетали вокруг наших окопов, дым и гарь заволокли всё вокруг.

Лейтенант подумал:

- Началось!

Он сел на дно своего окопа, нагнулся пониже и стал ждать. Разрывы слились в один общий гул, земля задрожала, со стенок окопов начала оплывать жижа, забиваясь за воротник, комья земли обсыпали обороняющихся, как бы заживо хороня их.

- Нет, фриц, ты нас раньше времени не закапывай, - сквозь зубы процедил лейтенант.

Всё шло по заранее известному сценарию. Огненный шквал стал постепенно откатываться вглубь нашей обороны.

- Да, фриц, артподготовочка-то у тебя сегодня пожиже, чем раньше была, видимо, снарядов тоже поубавилось, - отметил лейтенант.

Дым и гарь стали рассеиваться, и лейтенант осторожно выглянул из окопа. Он сразу же заметил фигурки мышиноного цвета, быстро выскакивающие из вражеских окопов. Сначала он не мог понять, как это фашисты могли так быстро выбираться по скользким стенкам своих траншей. Только через некоторое время до него дошло, что фашисты применили хитрость.

- Они же сколотили лесенки и по ним без труда выскакивают из окопов, - воскликнул лейтенант.

- Курочкин, огонь! – скомандовал он.

Пулемёт заработал, фигурки стали метаться и выскочив, сразу же залегли. Стрелки вели огонь из винтовок.

- Ой, как мало огня, вот бы сейчас артиллерию и миномёты подключить, тогда можно будет фашистов загнать обратно.

В грохоте боя лейтенант слышал работу пулемёта Караваева.

- Работает первый расчёт, не подавил его фашист, - подумал он.

Наши артиллеристы и миномётчики тоже включились в бой. Мины и снаряды, хотя и не густо, но начали падать на головы залёгших фашистов.

- Да, видимо, очень мало у нашего бога войны снарядов и мин, очень уж экономно они стреляют, - подумал лейтенант.

Он из своего карабина вёл безостановочный огонь по фашистам, одновременно наблюдая за работой Курочкина. Расчёт работал слаженно и чётко, смена отработанных лент производилась быстро, огонь при этом практически не прекращался.

- Ага, фашисты начали пятиться, - воскликнул лейтенант.

Но его радость была преждевременной. Видимо, фашисты подбросили подкрепление. И из их окопов начали выскакивать новые порции наступающих, да и офицеры вражеских подразделений, по всей вероятности, начали подгонять солдат. Те перестали пятиться и попытались выстроиться в цепь. Однако огонь всех видов оружия с нашей стороны не давал возможности им выполнить свои замыслы, как не старались фашисты это сделать.

- Курочкин, подсыпь им ещё, пускай знают наших, - воскликнул лейтенант.

- Товарищ лейтенант, я уже израсходовал пять лент, у меня осталось только четыре, - крикнул Курочкин.

Ничего, сейчас мы сбросим их обратно в окопы, а добрую половину оставим лежать без движения. После этого, наверное, они дадут нам передышку для набивки лент, - громко крикнул лейтенант, стараясь перекричать грохот боя.

Курочкин, по видимому, не расслышал всего сказанного, но понял, что нужно стрелять. Он прильнул к пулемёту и дал несколько длинных очередей.

Несмотря на выскочившим из окопов подкрепления, фашисты не смогли организовать атаки по всем правилам военного искусства. Они ринулись толпой, отбежали метров на пятьдесят и в это время наши миномёты накрыли эту толпу. Фашисты попадали в разные стороны. Наш пулемёт и стрелки не давали им подняться. Офицеры остались, видимо, сзади в окопах и некому было подгонять солдат. Они начали пятиться назад и перебегать короткими перебежками обратно к своим спасительным окопам. На поле боя остались лежать десятки трупов и раненных фашистов. Когда последний фашистский солдат спрыгнул в окоп, лейтенант облегчённо вздохнул:

- Передышка, Курочкин, готовь ленты!

Видимо, в отместку за неудавшуюся атаку, фашисты открыли бешенный миномётный и артиллерийский огонь по окопам обороняющихся. Опять воздух наполнился гарью и дымом.

Вдруг раздался короткий характерный свист падающего снаряда и он ударился в бруствер над головой лейтенанта. Лейтенант инстинктивно сжался, втянул голову в плечи и сердце его сжалось. Молниеносно промелькнула мысль:

- Смерть!

Но снаряд не разорвался и отскочил от земли и рикошетом стал удаляться, кувыряясь в воздухе, издавая характерный звук. Чего греха таить, лейтенант не сразу опомнился от потрясения. У него выступил холодный пот и колени тряслись, как в лихорадке. Он представил себе, что бы здесь было, если бы разорвался этот злополучный снаряд. Был бы накрытый полностью весь расчёт и от пулемёта остался бы металлолом. Немного успокоившись, лейтенант сказал Курочкину:

- Здорово нас засекли фашисты, не понутру им наш пулемёт. Надо срочно менять позицию, а то второй снаряд обязательно разорвётся и оставит от нас мокрое место.

Лейтенант дал команду набивать ленту патронами, а сам вместе с Курочкиным отправился выбирать новую позицию для пулемёта. Фашисты облегли им эту задачу. Во время артподготовки они обстреливали наши позиции из тяжёлых орудий, и один снаряд упал в метрах пятидесяти от их огневой точки прямо на бруствер окопа и разворотил его, создав достаточно удобную позицию для пулемёта. Надо было только немного поработать лопатами. Однако времени для рытья земли не было, в любую минуту могла начаться новая атака фашистов.

Лейтенант оставил на новой позиции Курочкина, который малой сапёрной лопаткой стал подчищать воронку, как-то приспособив её для установки пулемёта. Лейтенант вернулся к пулемёту. Здесь шла бойкая работа по набивке лент. Солдаты спешили, и, казалось, не обращали внимания на свои окровавленные ладони. Уже несколько коробок с лентами были заполнены. Фашисты продолжали кидать мины и снаряды на наши окопы. Но это уже не носило сплошного шквала огня, а были эпизодические разрывы то тут, то там, поднимая фонтаны мокрой земли. Снаряды выковыривали землю поглубже, она там была сухая и вместе с дымом, взрыв давал пыльное облако.

Начал накрапывать мелкий осенний дождик, иногда в воздухе крутились отдельные снежинки. Лейтенант пытался вспомнить какое сегодня число, но никак не мог сделать этого, да и времени на раздумье не было. Он должен был спешить, надо было срочно перебрасывать пулемёт на новую огневую позицию. Он внимательно осмотрел позиции фашистов. Около их окопов было много трупов, лежащих в различных позах. Ничего подозрительного в поведении немцев он не заметил, в их окопах не было заметно никаких при-

готовлений. Но лейтенант интуитивно чувствовал, что фашисты не успокоятся на неудавшейся попытке и предпримут ещё атаки для захвата наших позиций.

Он дал команду отсоединить щит от пулемёта, чтобы легче было протащить его по ходу сообщения на новую позицию. Дал команду бегом перебазируется на новую позицию. Двое солдат расчёта взяли пулемёт спереди за ствол и сзади за станок и быстро направились на новую позицию. Лейтенант взял в руки две коробки и догнал пулемёт. Перебазировка была достаточно сложной, траншея была узкой и не глубокой. Пулемёт приходилось кантовать, высовываться из окопов, чтобы как-то протащить его. Фашисты заметили движение в окопах и начали поливать из пулемётов и автоматов. Разрывы пуль как бы указывали путь для перебазирования.

Наконец пулемётчики достигли новой огневой позиции и поставили пулемёт на дно воронки, быстро сбегали назад и забрали всё остальное. Лейтенант тоже вернулся, забрал со своей огневой точки весь свой арсенал боеприпасов и щиток на дно окопа. Вернувшись, стал выбирать свою огневую точку. Только сейчас он увидел беды, которые причинил упавший на нашу оборону снаряд. Рядом в ячейке лежали два трупа солдат – стрелков и ещё трое солдат были ранены, один из которых тяжело. Он сильно стонал. Кто-то успел их перевязать.

Лейтенант на минутку представил, что было бы с ними, разорвись снаряд на бруствере их окопа на прежней позиции. Но думать и представлять было некогда, с минуту на минуту могла начаться очередная атака фашистов. Кроме этого, лейтенант должен был срочно проверить, что делается в расчёте Караваяева. Он быстро подготовил свою огневую точку рядом с расчётом Курочкина, дал ему указания на случай атаки фашистов и направился на левый фланг в первый расчёт. Пробираясь по ходу сообщения, у него не раз тоскливо сжималось сердце. Пройдя метров десять, он наткнулся на труп солдата. Тот лежал вдоль траншеи с пулевым отверстием во лбу. Лейтенант не мог пройти, труп преграждал ему проход и он стал отгаскивать труп в ближайшую ячейку. При этом заметил, что затылочной части у солдата не было. Разрывная пуля, разорвавшись при вылете, вырвала всю затылочную часть вместе с мозгами.

- Вот какое варварское оружие применяют фашисты, - с горечью подумал лейтенант.

На пути к расчёту Караваяева, лейтенанту ещё несколько раз преграждали путь трупы наших солдат, и ему приходилось растаскивать их в ячейки.

- Где же санитары? – подумал лейтенант, - пора бы им заняться своими прямыми обязанностями.

- Товарищ лейтенант, помогите, - раздался из ячейки жалобный голос солдата.

Он сидел на дне своей ячейки и с безысходной тоской смотрел на лейтенанта. Правую руку он поддерживал левой и качал её как маленького ребёнка. Рукав шинели был окровавлен. Лейтенант вытащил перочинный нож, всё что у него осталось от “гражданки”, быстрым движением разрезал рукав шинели. Рука была перебита осколком снаряда ниже локтя. Из раны торчали рваные куски костей и хлестала кровь. Лейтенант перевязал рану, наложил жгут из бинта, выше локтя, использовав для этого патрон своего карабина, и привязал к руке, каким-то чудом, оказавшуюся здесь дощечку от патронного ящика.

- Сто лет будешь жить, солдат. Вот, если бы я не подвернулся, тебе худо было бы, вся кровь из тебя вытекла. Ну, а теперь сиди и жди санитаров, они должны тебя отвезти в тыл, сам ты не сможешь.

Лейтенант легко встал и быстро пошёл в сторону расчёта Караваева. Подойдя к расчёту, лейтенант с радостью воскликнул:

- Живы, караваевцы!

- Живы, товарищ лейтенант, вот почти все ленты израсходовали, и как видите, не зря, - ответил Караваев с гордостью.

Лейтенант осторожно выглянул из окопа и увидел в районе вражеских окопов добрых два десятка трупов в шинелях мышиного цвета.

- Да, неплохо поработали, - отметил он, - вот видишь, Караваев, мы с тобой правильно оценили обстановку, фашисты пошли не с высоты, а снизу, тебе во фланг для того, чтобы создать впечатление, что вы зажаты в клещах. Наверное, скоро опять соберутся с силами и начнут рваться на наши окопы. А у нас не очень благополучно с людьми. Вот сейчас я прошёл по нашим окопам и народу там ой как не густо. Много раненных и убитых. Вся надежда на наши пулемёты.

Лейтенант осмотрелся, выбрал рядом с расчётом свою боевую позицию и решил встретить врага здесь на огневой точке Караваева. Время приближалось к полудню. В окопах врага опять стало заметно какое-то оживление. Из окопов стали высовываться головы фашистских солдат.

- Наверное, опять задумали нас атаковать, - подумал лейтенант.

И, как бы в ответ, на его мысли завыл шестиствольный миномёт, своим надрывным воем вызывая какую-то леденящую тоску на сердце обороняющихся. Вслед за разрывами мин вблизи наших окопов начали рваться снаряды и мины различного калибра, слившись в один общий гул, всё смешалось в круговерти огня, металла и земли.

- Опять атака фашистов повторяется по известному сценарию, - подумал лейтенант, опустившись на дно окопа, и втянув голову в плечи.

Однако, какого-либо страха или растерянности в его душе не ощущалось, он уже начал привыкать к этому размеренному фашистскому почерку начинать атаки с ожесточённого огня и кончать горой трупов. У него была полная уверенность, что опять всё повторится по строго разработанному плану и фашисты, наткнувшись на наш кинжальный огонь, будут вести себя так же, как и при прежних атаках. Лейтенанту показалось, что у солдат такое же настроение. Однако в его предположения фашисты внесли свои коррективы.

Ещё до окончания артподготовки они выскочили из своих окопов, несмотря на близкие разрывы, и успели выстроиться в цепь. После того, как огонь артподготовки был перенесён вглубь нашей территории и лейтенант смог выглянуть из своего окопа, фашисты уже шли цепью на наши позиции. Их было достаточно много и они уже миновали кустарник, служивший ранее ориентиром для начала ведения нашего огня. Они шли в полный рост, некоторые из них, несмотря на холод, были без шинелей и для устрашения даже с засученными рукавами.

- Психическая атака, - подумал лейтенант.

- Товарищ лейтенант, да они, похоже, пьяные, - крикнул Карavaев.

- Сыпь по ним, психам, - ответил лейтенант.

Карavaев прильнул к прицелу и дал длинную очередь целой лентой, длиной в 250 патронов и продолжительностью более двух минут. Фашистам, несмотря на своё хмельное настроение, это, видимо, пришлось не по вкусу. Они попадали на землю и, как было видно, навсегда.

- Правильно, Карavaев, быстренько перезаряжай и ещё всыпь паразитам, - с восторгом крикнул лейтенант.

Сам он вёл огонь из подаренного комбатом карабина. Фашисты, оставшиеся в живых, вновь поднялись и с гортанными криками бросились на наши позиции.

- Держитесь ребята, подготовьте гранаты и не трусьте, мы их сейчас отправим всех на тот свет, - скомандовал лейтенант и первым бросил "лимонку" навстречу фашистам. Карavaев опять расстрелял целую ленту из своего пулемёта, и брошенная граната отрезвила фашистов, они залегли.

В это время заговорили наши миномёты и орудия. Снаряды начали рваться в боевых порядках наступающего противника. Это, видимо, их ещё более отрезвило и оставшиеся в живых начали пятиться.

- Караваев, помоги нашему богу войны стряхнуть этих вояк в свои окопы, - запальчиво крикнул лейтенант и с остервенением продолжал вести огонь из карабина.

Наши стрелки, видимо, тоже в приподнятом настроении кидали гранаты и бешено стреляли. Фашисты не выдержали такого натиска и начали спасаться бегством. Не всем убегающим удалось достичь своих спасительных траншей. Много их осталось лежать на нейтральной полосе.

- Зря командование поило своих солдат “шнапсом”, то ли в шутку, то ли всерьёз сказал Караваев.

Наступила передышка для наших солдат. Лейтенант по себе чувствовал, что эта атака была большим испытанием моральных и физических сил защитников. Всё же психическая атака действовала на психику обороняющихся не так, как обычная. Недаром она называлась “психической”. Когда враг нахально, во весь рост прёт на тебя с пьяными криками, то даже у самых стойких и бесстрашных появляется чувство самосохранения. С трудом удаётся преодолеть чувство страха перед такой наглой самоуверенностью врага. В этой психологической атаке, обрушившейся на позиции обороняющихся, был, по мнению лейтенанта, допущен просчёт. Если бы первая атака была психической, то может быть она и достигла цели. Но наши солдаты почувствовали, что фашистов можно бить в первой атаке и побили их, поэтому они стойко выдержали сегодня их вторую – психическую атаку.

Так размышлял лейтенант уже в относительной тишине. День клонился к вечеру. Успеют и смогут ли фашисты организовать новую атаку сегодня, или, чувствуя безрезультатность своих бессмысленных потуг, успокоятся и будут зализывать свои раны. Враг понёс болезненные потери и, по видимому, ему, для возобновления своих атак необходимо будет пополнение в живой силе. На сравнительно небольшой полосе боя лейтенант насчитал более полусотни трупов вражеских солдат.

- Спасибо, ребята, хорошо поработали, - обратился лейтенант к расчёту Караваева, - я думаю, что фашисты не скоро опомнятся от этих своих психических штучек. Сейчас срочно готовьте ленты и будьте бдительны.

Лейтенант в приподнятом настроении, несмотря на хлюпанье грязи под ногами, направился вдоль своих боевых порядков во второй расчёт. Проходя по линии обороны, он видел, что ряды защитников ещё больше поредели. Но санитары успели поработать, убитых и раненных в боевых порядках уже не было. Подойдя к расчёту Курочкина лейтенант, посмотрев осторожно через бруствер на вражеские окопы, приветствовал расчёт. :

- Спасибо ребята за службу, вижу, поработали неплохо, немало фашистов успокоили навеки!

Расчёт не по уставу ответил на это молчанием.

- Товарищ лейтенант, если фашист будет каждый день нас атаковать своей пьяной психической атакой, то ей богу, когда-нибудь мы не выдержим, больно уж действует она на нервы, - ответил Курочкин.

- Я вижу, Курочкин, что эта атака отбила у вас все знания устава. На благодарность командира вы ответили молчанием, это нехорошо, - сказал лейтенант.

- Извините, товарищ лейтенант, никак не можем опомниться от пережитой атаки, - подавлено признался Курочкин.

Действительно, расчёт сидел, как в воду опущенный, У солдат был подавленный вид, видимо, натерпелись они страху. Да ещё лейтенант – офицер и командир, бросил их на произвол судьбы в этой страшной атаке. Хотя лейтенант не отсиживался в укрытии и не ждал конца атаки, а самым активным образом участвовал в её отражении, почувствовал жалость к своим подчинённым. Он испытывал определённую долю вины за то, что не был с ними рядом и не поддержал их морально.

- Ох ребята, ребята вы ведь храбрые и стойкие. Что же вас так испугало? – подумал лейтенант.

Вспоминая недавнюю атаку фашистов, он не обнаружил в себе никакого смятения духа, почему оно было написано на лицах второго расчёта? Не понятно.

- Что так сильно подействовало на вас? – спросил лейтенант Курочкина, - вроде я не замечал за вами ни трусости, ни, даже, робости перед фашистами.

- Когда я начал вести огонь по фашистам, - стал рассказывать Курочкин, - всё было в порядке. Фашисты, как и раньше, выскочили быстро из окопов, даже немного быстрее, выстроились в цепь и пошли на нас. Мы сразу заметили, что они как-то необычно нахально ведут себя, галдят, не обращают внимание на наш огонь и прут на нас во весь рост, не пригибаясь. Только тут мы поняли, что они пьяные и им всё нипочём. Я выпустил ленту, и это на них всё же оказало действие, часть из них залегла, а часть продолжала двигаться. Перезарядив новую ленту, я начал вести огонь и вдруг получилась задержка, патрон вылез и перекошил ленту. Я быстро выдернул его, снова протянул ленту и только начал вести огонь, как поучилась новая задержка, опять та же причина. Ребята видимо спешили и плохо выровняли патроны. Фашисты беспрепятственно пёрли на наши окопы и уже были чётко видны их пьяные морды. Нам даже показалось, что мы слышим запах “шнапса”.

- Вот тут наши ребята и дрогнули, - продолжал Курочкин, - я заметил, что у них было желание сигануть из окопов и бежать от этих нахальных и

пьяных фашистов, куда глаза глядят. Хорошо, что у нас были приготовлены гранаты. Я приказал ребятам пустить их в ход, а сам протянул ленту и дал очередь. Гранаты и пулемёт положили фашистов, приблизившихся к нам метров на пятьдесят. Те, что остались в живых, бросились бежать обратно в свои окопы.

- Вот смотрите, товарищ лейтенант, - Курочкин указал рукой, - где лежат убитые фашисты, до них ведь рукой подать.

Лейтенант выглянул из окопа и увидел совсем близко от пулемётного расчёта несколько трупов фашистских солдат.

- Да, теперь я понимаю, почему такое смятение написано на ваших лицах, лейтенант внимательно посмотрел по очереди в глаза Курочкину и своих подчинённых, - действительно вы оказались лицом к лицу с этими наглыми, пьяными мордами. Это непростительная ошибка, подпустить так близко противника, ведь для броска на пятьдесят метра – это не расстояние.

- Вот до чего может довести халатное отношение к подготовке ленты. Вам понятно, - продолжал лейтенант, - что мокрую ленту набить патронами это подвиг, но если патроны из неё торчат, как иголки у ежа, то это не подвиг, а преступление. Если бы вы сиганули из окопов на открытое поле, ни одного из вас не осталось бы в живых, немцы смяли бы нашу оборону и все обороняющиеся погибли. Фронт оголился и даже сам Всевышний не смог бы предсказать, что из этого получилось.

- До боя я с вами беседовал, - продолжал лейтенант, - что может, случился, если мы дрогнем. Вот вы пожалели свои окровавленные ладони, и не вставляли патроны в ленту как следует, и чуть не лишились жизни. Ладони заживут, а вот голова новая не вырастет.

Солдаты сидели, низко опустив головы, было видно, что они очень остро переживают случившееся. Лейтенант же в свою очередь, несмотря на все сказанные им суровые слова, в душе чувствовал к ним жалость. Ему было жаль этих добрых, хороших русских ребят. За время боёв здесь на Днестре, он сжился с ними, знал и понимал каждого из них и даже, в какой-то степени, по своему их полюбил. Он, человек эмоциональный, слушал их бесхитростные разговоры, иногда умилялся их непосредственностью и наивностью, своеобразным мышлением, непривычным для лейтенанта, прожившего свою, правда, небольшую ещё жизнь в интеллигентной среде, где всё оценивалось в ином плане. Солдаты высказывали свои суждения и мнения в непривычной для лейтенанта какой-то примитивной форме. Вот, например:

- Товарищ младший сержант, - обращался Саша Луканичев к Курочкину, - как вы думаете, когда кончится война?

- Ну, может быть, через год, - отвечал Курочкин.

- Вот кончится война, - мечтательно продолжал Саша, приду домой к себе в деревню, вымоюсь в бане, залезу на печку и целую неделю, буду спать, и даже никакой леший меня не разбудит.

- Какой леший? – заинтересовался солдат Клименко.

- Да у нас за деревней есть болото, там живёт леший. Как только стемнеет, так он выходит из болота и кружится вокруг деревни. Многие его видели. А на лугу у коров молоко высасывает, - Саша рассказывал серьёзно, без тени сомнения в достоверности факта существования лешего у них в деревни.

- А вот у нас, в соседней деревне ... , - и следующий рассказчик выдавал за действительность ещё более фантастические факты, так же без тени сомнения в них.

Лейтенант, слушая все эти “истории”, никак не мог понять, как же солдаты верят во всю эту чепуху. Но именно все эти разговоры как-то сближали его с солдатами, вызвали у него чувства привязанности к ним. Лейтенант пытался объяснить им, что такового не бывает, что это вымысел. Солдаты слушали его внимательно без возражений, но по глазам и по выражению их лиц он понимал, что из вежливости, а сами оставались при своём мнении. Лейтенанта это несколько не обижало, а наоборот, у него рождалось такое чувство, что для солдат он как бы отец или опытный старший брат, наставник более умный и грамотный. Это чувство было похоже на отцовскую любовь к своим ещё не совсем взрослым детям. Это, несмотря на то, что его некоторые “дети” переросли своего “отца” почти вдвое.

Вот и сегодня, лейтенанту стало жаль своих брошенных на волю божью “сыновей”. Он был уверен, что если бы он находился во время атаки фашистов среди них, то не испытали такого ужаса его “взрослые дети”.

- Ну, ладно ребята, - сказал примирительным тоном лейтенант, - успокойте свои дрожащие коленки и займитесь своим привычным делом, надо набить ленты. Я вам советую больше не жалеть своих кровавых мозолей, а больше жалеть свою буйную голову. Сегодняшний урок вам останется на всю жизнь, если конечно судьба вас пожалеет и останетесь в живых.

Слова лейтенанта возымели действие, солдаты как-то распрямились, с их лиц исчезла обречённость, и они с нервной поспешностью принялись за своё привычное занятие.

Становилось очевидным, что фашисты даже не успеют сегодня организовать новые атаки. Начало постепенно темнеть. Дождик накрапывал не переставая. Возбуждение, вызванное атаками фашистов, улеглось. Солдаты с нетерпением поглядывали в сторону нашего тыла, видимо, голод уже становился неуправляемым.

- Здравия желаю защитникам высоты, - в наступающей тишине раздался голос старшины Кузнецова.

До какой степени этот голос был приятен, лейтенанту, наверное, не только потому, что он принадлежал симпатичному человеку, но и потому, что вызывал условный рефлекс близкого принятия хотя и скудной, но пищи. Лейтенант в таких случаях сравнивал себя с животными, например, с дрессированными слонами, которые по звонку бросают всё, что тащили, и никакая сила не останавливала их инстинкта принятия пищи. Солдаты с весёлым гомоном вытряхивали землю из своих котелков, накиданную фашистскими снарядами и быстро устремлялись к повару Шейкину. Повар торжественно опустил половник в котёл и черпанул первый половник похлёбки солдату Саше Луканичеву. Он машинально помешал ложкой в котелке и воскликнул:

- Ребята! Сегодня у нас царский обед, посмотрите, какую гушину принёс нам Степан. Даже, вроде бы, мясной тушёнкой слегка отдаёт.

Солдаты весело, с шутками прибаутками ждали своей очереди получить порцию похлёбки. Лейтенант, в который раз не переставал удивляться русской натуре. Только что кончился смертельный бой, где на тончайшем, невидимом волоске висела жизнь каждого из защитников. Более того, был такой миг, когда в души солдат закрался смертельный страх, и они каким-то чудом не выскочили из окопов и не пустились наутёк с высоты под губительным огнём врага навстречу позору и смерти. И вот спустя два часа эти солдаты, испытавшие и радость победы и панический страх, весёлой гурьбой, как ни в чём не бывало, бегут к повару с весёлыми шутками. Что это, беспечность, отрешённость, забывчивость? Лейтенант чувствовал, что это не то, не другое и не третье. Он относил это к особой черте русского характера: добродушию, отходчивости и не злобности. В каких бы переделках ему не приходилось бывать с солдатами на фронте, он всегда чувствовал эти черты характера русского солдата, и они его всегда вдохновляли. Лейтенант был достаточно молод и его жизненный опыт был очень мал, но какое-то внутреннее чувство подсказывало ему эти мысли.

- Товарищ лейтенант, ваш ужин, - старшина протянул лейтенанту котелок с едой.

- Сегодня у тебя старшина варево погуще. Да, действительно вроде тушёнкой слегка пахнет, - заметил лейтенант, черпая ложкой варево.

Мы видели сегодняшней ваш бой с фашистами. Наверное, многие на плацдарме наблюдали за вами, - сказал старшина, присаживаясь рядом с лейтенантом на деревянный щит в ячейке лейтенанта. Вот мы и решили вас сегодня немножко подкормить. Я сходил в ПФС и выпросил банку тушёнки для защитников высоты, он ведь тоже видел ваш бой. Из НЗ взял картошки и

овошей. Нам со Степаном удалось сварить вам сегодня получше обед. Конечно, нужно было бы по меньшей мере в него положить банки три тушёнки, тем более, что банка попалась очень маленькая. Но при нашей бедности, это недопустимая роскошь.

- Хорошее варево, старшина, - заметил лейтенант, с жадностью опустошая котелок.

Насытившись, у него появилось желание поделиться со старшиной своими дневными переживаниями. Отослав повара кормить первый расчёт, лейтенант сказал:

- Жарко нам сегодня пришлось старшина. Представляешь, когда мы уже отбили первую атаку фашистов, вроде бы и отдохнуть настала пора, а фриц вдруг начали поливать нас из всех калибров, видимо обиделся за неуважение к нему. Один снаряд попал в бруствер нашей огневой позиции, вот сюда, - лейтенант показал это место над своей головой и представляешь, не разорвался.

- Вот, натерпелись все мы страху. Говорят, что есть люди, у которых нет чувство страха. Я не верю, страх есть у всех. Если бы его не было, тогда не было бы чувства самосохранения. Только страх проявляется у разных людей по-разному: одни бурно на него реагируют, даже панически, у других же он запрятан так глубоко, что не проявляется внешне. Но я не берусь судить, у кого из них страху больше, а у кого меньше.

- Послушай старшина! – продолжил лейтенант, - в разгаре боя я пытался вспомнить какое число сегодня, но это мне никак не удавалось, фриц всё время мешал своим назойливыми атаками и бешеным огнём.

- Двадцать восьмое октября, товарищ лейтенант, - ответил старшина.

- Представляешь, дорогой, ведь сегодня мой день рождения, мне сегодня исполнилось девятнадцать лет, - воскликнул лейтенант.

- Поздравляю Вас, товарищ лейтенант с днём рождения, желаю остаться живым, а через год отпраздновать день рождения в кругу своей семьи в мирное время. Я очень огорчаюсь, что не могу никак отметить этот день. Во-первых, я не знал, что у вас сегодня такой день, во-вторых, у нас так мало всяких запасов, что это практически невозможно. Конечно, в ПФС можно было бы выпросить маленький пузырёк спирту, но вот никак я не предполагал, что у нас день рождения, - с искренним сожалением сказал старшина.

- Спасибо, дорогой Пётр Евграфович, за такие хорошие поздравления. Я постараюсь всё сделать так, как ты желаешь. Считаю, что ты отметил этот день сегодняшним хорошим обедом. Я понимаю, что не мешало бы отметить и хорошим кусочком мяса, но на нет, суда нет. Вот насчёт спирта, то я не

употреблял его в своей жизни, и никакого желания делать это не имею, - лейтенант крепко пожал руку старшине.

- Вот и фашист отметил мой день рождения, правда, весьма своеобразно. Как ты считаешь старшина? – спросил лейтенант.

- Однако за такой подарок, фашисту можно сказать спасибо, ведь редко на фронте бывает такое, чтобы снаряды не разрывались, да ещё в день рождения, не для этого их делают. Выходит, в свой день рождения через девятнадцать лет, я снова как бы народился на свет. Но теперь в компании со своим пулемётным расчётом и моими названными родителями – фашистами, - пошутил лейтенант.

- Старшина, в ознаменование моего первого и второго рождения, постарайся, как можно скорее сделать нам купель. Ведь скоро праздник Великого октября, и вдобавок, мы уже более месяца не купаны. Я надеюсь, что мы так набили морду фашисту, что он долго не опомнится и отпустит нас с передовой на несколько часов.

Как бы в подтверждение этого лейтенант с остервенением поскрёб у себя за пазухой.

- Я уже подготовил вам баню, - ответил старшина, - две железные бочки, в одной сделал второе дно и снизу топку. Это будет наш фронтовой санпропускник. Вторую бочку вкопал в косогор и снизу сделал топку. В косогоре выкопали небольшую нишу, которую, во время купания, будем завешивать плащ-палаткой. Егор соорудил там из кирпичей печурку, закрытую сверху листом железа, на который положил булыжники. Почти как Савдуны получились.

- Сандуны, - поправил лейтенант, - а как насчёт смены белья?

- Смену белья я организовал, правда, не новое, но ещё крепкое, - ответил старшина.

- Хорошо старшина, посмотрим, как себя будут вести фашисты, и потом решим, когда ты нам устроишь этот праздник, - ответил лейтенант.

Солдаты слушали разговор лейтенанта со старшиной и доедали уже в кромешной тьме свою полувегетарианскую трапезу пополам с дождевой водой и землёй, осыпающейся со стенок окопов.

Да, - в раздумьях тихо сказал лейтенант, - после таких тяжёлых испытаний сегодняшнего дня не плохо бы дать солдатикам по кусочку мяса и уложить их спать не под открытым дождливым небом, а хотя бы под крышей, не говоря уже о землянках.

С первого расчёта вернулся повар. Старшина распрощался с лейтенантом и солдатами и они с поваром отправились в своё расположение.

Лейтенант стал устраиваться на ночлег в ячейке на деревянном щите. Сверху ячейку он закрыл плащ-палаткой. Получился навес, который как-то спасал от дождя. Фашисты практически перестали обстреливать позиции из орудий и миномётов, поэтому навес держался достаточно устойчиво. Фашисты лишь изредка пускали очереди из пулемётов и систематически освещали передовую осветительными ракетами.

Лейтенант съёжился в клубок, чтобы не растерять те небольшие крохи тепла, которые были от горячей пищи и в относительной тишине начал подрёмывать. На него нахлынули воспоминания, навеянные разговором со старшиной о его дне рождения. Вот последний день рождения на гражданке. Ему исполнилось семнадцать лет. Его горячо любимая мама печёт пироги и уральские шаньги. По дому идёт такой аппетитный аромат, что от воспоминания о нём, у лейтенанта сквозь дрему потекли слюнки.

Мама в светлом красивом платье приглашает всех за праздничный стол. Все чинно рассаживаются и принимаются поздравлять Жору с днём рождения. Жора старается казаться взрослым, с достоинством принимает поздравления. Все принимаются уписывать за обе щёки мамино угощение, которое бесподобно вкусно, даже изыскано, ведь мама у Жоры большая кулинарка.

Вслед за такими приятными воспоминаниями встаёт в памяти лейтенанта день его рождения в военном училище. Глубокая осень на Урале всегда сырая и холодная. Снег перемежается с дождём и обмундирование, как и здесь на фронте, никогда не высыхало. Ботинки пропускали воду взад и вперёд с одинаковой скоростью.

Жора Шумилин – курсант 2-го Московского пулемётного училища, эвакуированного из Москвы, поставлен в наряд около офицерской столовой. Он щуплый мальчик, с измождённым от голода и непосильного бремени ускоренной военной подготовки лицом смотрит, как офицеры обедают. Что они едят, он не видит, но замечает, как их командир роты поел, встал и ушёл. После него остался маленький кусочек чёрного хлеба. Жора подошёл к столу, взял этот кусочек и хотел его съесть. Вдруг к нему подскочил курсант Малинин с острым, пронзительным, даже злым взглядом.

- Отдай мне, - закричал Малинин и выхватил кусочек хлеба из рук Жоры и буквально проглотил его, не прожевав.

Жора был так шокирован этим варварским актом своего сослуживца, что не успел, да и не смог ответить на него. Ему стало ясно, что если бы у Жоры было больше хлеба, то Малинин не секунды не колеблясь, убил бы его, чтобы завладеть хлебом.

Дальнейшая жизнь в училище подтвердила его предположения. Малинин, например, чаще всего просился патрулировать по городу. Его излюб-

ленным местом был городской базар, где он всякими правдами и неправдами отнимал у женщин, торговавших съестным, их товары. Свирепое, злое лицо Малинина надолго осталось в памяти лейтенанта.

Он также запомнил на всю жизнь лица скромных и тихих курсантов, которые были ошеломлены и раздавлены голодом и лишениями. Они, в карауле, снимали ботинки и нажимали пальцем ноги на спусковой крючок, предварительно приставив ствол винтовки к виску. В роте Жоры было два таких случая. Всё это мимолётно промелькнуло в сознании лейтенанта, и он заснул крепким сном. Нервные потрясения прошедшего дня дали о себе знать.

Глава V. ТУМАННОЕ УТРО

Холод и сырость разбудили лейтенанта задолго до рассвета. У него не сходился зуб на зуб. Все запасы тепла, приобретённые с вечера, были исчерпаны. Его тело было скованно холодом. Перед пробуждением лейтенанту приснился сон, что его раздели догола, положили в снег, и он никак из него не может выбраться. Неимоверным усилием воли он пошевелил онемевшими конечностями и с трудом сел на щите. Он с отчаянием почувствовал, что холод притупил его сознание, не хотелось двигаться, не хотелось жить. Но жить было необходимо, и он с огромным усилием встал на ноги. Ноги его не слушались, каждая клетка тела дрожала, и он не мог остановить эту дрожь. Он мысленно сравнил себя с маленькой короткошёрстной собачкой, которую вывели гулять зимой. У собачонки от холода дрожал каждый волосок.

- Это ведь ещё не зима, - подумал лейтенант, - а что будет, когда температура воздуха будет не близкой к нулю, а значительно ниже.

Двигаясь как пьяный, лейтенант с трудом подошёл к расчёту. У пулемёта дежурил Курочкин. Он сжался в комок и с трудом преодолевая дрожь, внимательно смотрел в сторону противника, сквозь туман, густо опустившийся на высоту.

- Замёрз, Курочкин? – спросил лейтенант и с огорчением почувствовал, что и голос у него как-то осел, видимо холод забрался в его голосовые связки.

- Товарищ лейтенант, - отвечал вяло Курочкин, - если так будет продолжаться дальше, то фашист нас замёрзших сможет взять голыми руками.

- Крепись, Курочкин, - старался подбодрить его лейтенант, - это пока начало, вот скоро наступит зима, тогда будет ещё трудней. Но мы должны стоять и, я уверен, выстоим. Вот если бы нам удалось вырыть землянки, тогда выстоять нам будет значительно легче.

Солдаты, скорчившись в три погребели, ворочались в своих ячейках. Холод не давал им заснуть. Немного размявшись, лейтенант пошёл по ходу сообщения на КП роты. Родин был уже на ногах, он приветствовал лейтенанта:

- Здравствуй Жора, что не спишься, холод поднял тебя в такую рань, как кстати и меня. У меня к тебе есть приятная новость. Вчера мой старшина принёс мне офицерский доппаёк и сейчас мы с тобой немного подкрепимся.

Родин достал кусок сливочного масла и краюху чёрного хлеба. На дощечке от патронного ящика он лихо нарезал хлеб и пригласил лейтенанта к трапезе. Молодые офицеры с аппетитом стали уничтожать хлеб с маслом, запивая его холодным чаем.

- Ну, что Жора, царская еда, - сказал Родин, с остервенением прожёвывая хлеб с маслом.

- Да, почаще бы старшина приносил нам такую вкусную еду, - ответил лейтенант.

- Смотри, Жора, какой сегодня туман, даже не видно фашистских ракет. Думаю, что лучше самый сильный туман, чем этот морозящий дождь, который заливает душу и тело.

- Но фашисты могут использовать этот туман и скрытно подойти к нашим окопам, - возразил лейтенант.

- Не посмеют, они ведь аккуратисты и не будут предпринимать атаки не по правилам военного искусства. Кроме этого, мы им так набили морду вчера, что сегодня у них не будет охоты повторять всё это в необычных условиях. Но нам надо быть бдительными и быть готовыми ко всему.

Офицеры немного посидели, поговорили, перекурили “Беломор” из того же допайка. Вдруг в тумане раздалась ружейная стрельба, взрывы гранат, а затем заработал пулемёт Курочкина. Лейтенант стремглав бросился к нему.

- Неужели фашисты изменили своим правилам и начали наступление в кромешной темноте без артподготовки? – подумал лейтенант.

Подбежав к расчёту, лейтенант выглянул за бруствер окопа и ничего, кроме всепоглощающей тьмы не мог увидеть. Туман, перемешанный с ночной темнотой, создал непроницаемую стену, от которой, казалось, отскакивали даже пули. Постепенно стрельба стала стихать. Курочкин ничего толком не мог рассказать, почему он начал стрельбу:

- Все начали, а я их поддержал, - односложно ответил он.

Лейтенант некоторое время ещё вглядывался в темноту, но ничего подозрительного заметить не мог. Он приказал расчёту быть наготове, а сам пошёл к командиру стрелкового взвода Ляпкову, который находился неподалёку в боевых порядках роты.

- Слушай Ляпков, что тут у тебя случилось? – спросил лейтенант, - я был у Родина, и мы с ним ничего не поняли, почему вы открыли огонь.

- Недалеко от наших окопов вдруг раздался взрыв и истошный крик фашиста. Мы решили, что они начали наступать и напоролась на наши минные поля. Нам ничего не оставалось, как открыть огонь, - рассказал Пятков.

Всё выяснилось позже, когда рассвело, и рассеялся туман. Лейтенант выглянул из окопа и не увидел фашистских трупов на нейтральной полосе. Видимо, под покровом темноты, фашисты решили собрать трупы своих солдат. Было до такой степени темно, что они не смогли точно определить проходы в минных полях, и кто-то из них напоролся на мину. Она сработала и нанесла тяжёлое увечье фашисту, который от страха и боли заорал благим

матом почти на весь плацдарм. Наши открыли огонь, что однако не помешало фашистам утащить с поля боя практически все трупы своих вояк.

Факт сбора трупов навёл лейтенанта на мысль, что фашисты, видимо, решили больше не испытывать судьбу и не пытаться захватить всю высоту.

- Для чего фашистам собирать трупы своих солдат, если бы они стремились в ближайшее время захватить высоту? - рассуждал лейтенант, - в темноте они потеряли своих солдат. Если бы они собирались наступать, то мы им добавили бы ещё трупов, вот тогда и убирай всех оптом.

Мысли лейтенанта прервал голос Родина, пришедшего на его огневую позицию. Лейтенант поделился своими мыслями с ним.

- Вполне логично рассуждаешь Жора, - сказал Родин, - но всё равно будь бдителен и не зевай, ведь фашист коварен и может усыпить твою бдительность.

Фашисты начали “дежурный” обстрел наших позиций из миномётов и орудий. Снаряды и мины почти через равные промежутки времени рвались вдоль наших окопов. Это был привычный обстрел, который не вызывал никакого беспокойства. Туман рассеялся, выглянуло солнце и на душе у защитников стало веселее. Солдаты грелись на солнышке и дремали. Фашисты, видимо, тоже наслаждались солнцем и больше не хотели испытывать свою судьбу.

Так прошёл день, второй ... Фашисты не предпринимали никаких попыток наброситься на наши позиции. Даже наоборот, обстрел наших позиций значительно ослаб, за день фашисты выпустили не более 2-х – 3-х десятков снарядов и мин. И, вообще, чувствовалось резкое снижение активности противника. Разведка показывала, что противник не получает подкрепления. Лейтенант согласовал с Родиным и комбатом свой уход в тыл в баню и для ремонта пулемёта в ближайшую ночь. Комбат дал свой резерв автоматчиков, для прикрытия наших позиций во время отсутствия пулемётчиков.

И вот, лейтенант, уже в полной темноте, во главе пулемётного расчёта Курочкина, направился в ближайший тыл пулемётной роты. Впереди грузно шагал Егор, ведь никто, из шагавших с ним, ни разу не был в тылу за всё время боёв на плацдарме. Ход сообщения был выкопан почти до противоположного склона высоты, поэтому никто не опасался обстрела. Замыкал шествие солдат Клименко, нёсший пока леченое тело пулемёта. Первый расчёт должен прибыть в тыл спустя три часа.

- Здравия желаем, славные пулемётчики, - раздался голос старшины Кузнецова в темноте.

Все поняли, что прибыли в тыл роты.

- Прошу к нашему шалашу, - пригласил старшина в свою землянку.

Все вошли в неё. Землянка оказалась небольшой, с трудом вместившей всех пришедших. В углу стоял стол, сделанный из досок. На столе стояла коптилка из гильзы 76 миллиметрового снаряда, заправленная маслом. Вдоль противоположной стены было устроено спальное место – топчан из земли, оставленный при рытье землянки. В противоположной стороне в земляной стене было сделано углубление, очень отдалённо напоминающее камин, в котором весело потрескивали горевшие дрова, и пламя излучало тепло. На топчане лежал матрас, набитый соломой и закрытый байковым одеялом.

- Земной рай, - не удержавшись воскликнул лейтенант, - в такой обители можно воевать хоть всю жизнь!

Лейтенант осмотрел всё сооружение банного “комплекса” и остался доволен.

- Ну, старшина, обмывай нас и изгоняй из нашего белья всех паразитов, накопившихся за долгий срок нашего сидения в окопах. Да, организуй ремонт пулемёта, чтобы к рассвету его можно было поставить на огневую точку.

- Слушаюсь, товарищ лейтенант, - лихо отрапортовал старшина.

“Мыльное отделение” фронтовой бани было небольшое, и представляло собой вырытую в косогоре закопушку, которая была закрыта плащ-палаткой. Железная бочка с водой подогревалась снаружи, что, однако, не исключало попадание в закопушку достаточно большого количества дыма. Внутри этого “отделения” с большим трудом могли расположиться два человека. Рядом, также в косогоре, была вкопана другая бочка с хитроумной системой подогрева воздуха. Эта система требовалась для того, чтобы брошенное в бочку обмундирование не горело и не тлело, а лишь прокаливало до такой степени, чтобы все паразиты погибали.

У запасливого старшины оказалась машинка для стрижки волос. Старая, немецкая, трофейная, но стригла она исправно. Егор подстриг всех солдат наголо, а лейтенанту оставил на макушке немного волос для красоты. Все облегчённо вздохнули, сразу зуд в голове прекратился.

- Слушай, Егор! Тебе придётся выкопать яму и захоронить наши волосы, потому что неизвестно, чего здесь больше, волос или вшей. Расползутся по всей округе и заедят вас со старшиной, - пошутил Курочкин.

В импровизированной бане весело потрескивали дрова, горевшие под бочкой с водой. Первыми в “мыльное отделение” пошли лейтенант и Курочкин. Они еле разместились в этой малюсенькой закопушке. При малейшем неосторожном движении тело касалось земляных стен, и всё мытьё сводилось насмарку. Вода была достаточно горячей. Старшина где-то нашёл мочала и получились хорошие мочалки. Рядом в соседней бочке прожаривалось

обмундирование и лейтенанту казалось, что он слышит треск разрывающихся от жары паразитов.

Несмотря на неудобства, лейтенант испытывал не виданное доселе наслаждение. Истосковавшееся по теплу и воде тело лейтенанта как бы с жадностью впитывало эту живительную горячую влагу. Поры очистились, зуд от постоянных укусов вшей прошёл, дышать стало легко и свободно. Он вышел из закопанки распаренный, сияющий, в одном нижнем белье и с восторгом произнёс:

- Никогда в жизни не испытывал я такого наслаждения. Если бы меня спросили раньше, что самое приятное в жизни, я бы назвал всё, что угодно, кроме бани, а теперь я однозначно скажу – это баня, наша фронтовая закопанка баня.

Егор проводил лейтенанта в землянку старшины. Там на столе лежал офицерский доппаёк лейтенанта: сливочное масло, печенье и папиросы “Беломор”. Лейтенант подкрепился и лёг на топчан-кровать, где старшина предусмотрительно постелил даже простыню. В землянке было тепло, дрова ещё горели в печурке – камине. Здесь, в ротном тылу не ощущалась сейчас война, не было слышно выстрелов орудий и миномётов, да и враг не посылал сюда снаряды и мины. Пулемётной и автоматической стрельбы тоже не было слышно и пули сюда не залетали. В землянке было тепло и тихо, как будто война не существовала на свете. Лейтенант даже не поверил, что может быть тишина.

- Может быть, я оглох и не слышу такой знакомой и привычной команды, - подумал он и даже выглянул через дверь наружу.

- Действительно, тишина, да какая тишина, даже звенящая и звёзды горят, целое небо звёзд таких мирных и дорогих сердцу. А под грохот разрывов и рои пуль как-то не замечаешь их, они кажутся холодными и чужими, - лейтенант размечтался, и ему никак не хотелось прервать эти мысли и прекратить слушать тишину.

У лейтенанта начали слипаться глаза. Он боролся со сном, так как не хотел терять во сне эти прекрасные минуты физической и моральной радости, доставшиеся ему в награду за тяжкие фронтовые испытания. Завтра утром он опять пойдёт в этот ад, где холод, голод и смерть будут его постоянными спутниками. Он лёг на соломенный матрас и подумал, какой же счастливый человек может каждую ночь спать на такой мягкой и приятной постели. Уже засыпая, лейтенант услышал голос Караваяева и отметил про себя, что первый расчёт прибыл. Лейтенанту показалось, что он проспал одну – две минуты. Его кто-то тряс за плечо и слышался голос старшины:

- Пора, товарищ лейтенант, скоро будет светать.

Лейтенант вскочил, как по тревоге. Все перипетии передовой выработали у него эту реакцию.

- Пулемёт отремонтировали, людей вымыли, обмундирование прожарили. Сейчас личный состав завтракает, вот и ваш завтрак, - докладывал старшина.

На лавке было разложено обмундирование лейтенанта, сильно пахнувшее жареным.

- Чем же оно пахнет, что там зажарилось? – подумал лейтенант и быстро оделся.

Быстро перекусив баландой, но уже с собственным маслом, лейтенант вышел из землянки. Было достаточно холодно, трава покрылась инеем, и звёзды сверкали так же приветливо, как и вечером. Солдаты отмытые, накормленные уже готовые были двинуться на передовую.

- Спасибо, старшина за прекрасную баню, за ночлег и за еду. Теперь, когда разведём новый питомник за воротом, вновь придём в твою купель, - поблагодарил лейтенант старшину Кузнецова.

- Взвод, за мной, - скомандовал лейтенант и зашагал в гору.

За ним потянулись гуськом солдаты. Уже светало, когда пулемётчики заняли свои огневые позиции, отпустив батальонный резерв автоматчиков.

Лейтенант отправился к Родину доложить о возвращении взвода.

- Здравствуй Жора, какой ты стал беленький и чистенький, влюбиться можно, - приветствовал его Родин.

- Ты, Николай, наверное, уже уничтожил свой доппаёк, да и я тебе помог. Теперь моя очередь угощать тебя, - ответил лейтенант и достал всё, что выдал ему старшина.

Офицеры подкрепились и у них завязалась беседа о всех насущных делах их обороны.

- Знаешь, Жора, - сказал Родин, вчера поздно ночью приходил комбат и сообщил, что в ближайшие дни предполагается перегруппировка войск. По всем видам ещё снимают какую-то часть с плацдарма, и нам придётся растягивать оборону. Нашей роте, да и всему батальону, наверное, придётся передать оборону на высоте другому полку, а самим передвинуться влево километра на два – три. Там окопы слабые, но, наверное, и меньше вероятности наступления фашистов. Комбат приказал подготовить документы для передачи оборонительных рубежей завтра к вечеру. Нам необходимо подготовить акты передачи. Укреплений у нас с тобой не густо и нам ничего не стоит это сделать.

- Но ведь у нас и так сейчас один солдат на пятьдесят метров обороны, - возразил лейтенант.

- Высшему командованию виднее, - в тон ему ответил Родин.

Офицеры ещё долго обсуждали между собой все возможные неожиданности, которые могут возникнуть в результате растягивания фронта.

- Ну, ладно, Николай, не будем больше думать за высшее командование, а то им нечего будет делать, если решим здесь с тобой все проблемы, - шутливо сказал лейтенант, - вот лучше я тебе расскажу о тех неземных наслаждениях, которые я получил сегодня ночью в тылу нашей роты. Мне даже трудно подобрать слова, до чего всё это было приятно. Представляешь, вода не холодная, которая уже около двух месяцев льются на наши головы и днём и ночью, а горячая, бельё свежее без этих злополучных паразитов и тёплая постель в землянке, где потрескивают дрова, пахнет дымком и опять же этот допдаёк. Знаешь, как тяжело было расставаться с этим раем. Я даже уверен, что в раю не так хорошо, как у нашего старшины Кузнецова. И, представляешь, тишина, ни тебе разрывов, ни пуль не слышно, как будто и войны-то во все на свете нет. Можно ходить в полный рост, не нагибаясь, а если захочешь, то и руки можно вытянуть.

Лейтенант вернулся на свою огневую позицию, солнце было уже довольно высоко. Стояла та осенняя погода, когда выглянувшее солнце ласкало своим теплом, а когда оно заходило, становилось холодно и неудобно. Солдаты грелись на солнышке и с восторгом вспоминали вчерашний банный день, вернее ночь. На передовой было всё вроде так же, тот же периодический обстрел, те же окопы, но лейтенант ощутил какую-то непонятную ему перемену. Возвращаясь от Родина, он, как всегда не следил за тем, высывалась его голова из хода сообщения, или нет, но вскоре он понял, что если чересчур высывался, то около его головы рвались разрывные пули. Он тогда не придавал этому значения, считал, что это была случайность, но солдаты тоже стали замечать, что фашист не даёт им поднять головы.

Лейтенант взял малую сапёрную лопату и высунул её из окопа. Буквально через секунду разрывная пуля ударила по лезвию лопаты, оставив в нём внушительную вмятину. Лейтенант повторил свой опыт в другом месте и опять, почти моментально разрывная пуля ударила по лопате.

- Да, фашисты решили создать нам ещё одно испытание. По видимому, снайперов много, так как при любом движении в наших окопах сразу же следует ответ снайпера, разрывается пуля, посланная им. Коварные фашисты придумали ещё одно испытание нашим обороняющимся воинам. Наряду с жизнью впроголодь, под постоянным дождём на их головы, полчища вшей, которых невозможно было выгнать в окопных условиях и наступающих холодов, обороняющиеся получили ещё одно не менее неприятное, смертельное испытание – снайперов.

Когда лейтенант днём проверял первый расчёт и шёл по ходу сообщения, как всегда не задумываясь о своём самосохранении, около его головы не менее десятка раз разрывались пули. Признаться, лейтенанту это очень надоело, но он ничего не мог сделать. Он даже останавливался и скрытно выглядывал из окопа в надежде увидеть этого злополучного снайпера и его уничтожить, но ничего не замечал во вражеских окопах. Снайпер его видел и вёл по его голове огонь благодаря оптике из прицела, лейтенант же невооружённым глазом увидеть его не мог. Один раз ему показалось, то блеснуло что-то во вражеской траншее, он быстро вскинул карабин и выстрелил в то место. Но пройдя несколько метров, опять около его головы разорвалась очередная пуля.

- Да, фашист, я тебя невооружённым глазом, наверное, не возьму. Считай, что я против тебя стою с голыми руками, - про себя подумал лейтенант.

С тех пор он больше не пытался никогда отыскать снайпера и уничтожить его. Он понял, что снайпер, специально обученный солдат, который умеет не только метко стрелять, но и хорошо маскироваться.

Это массированное “наступление” снайперов дорого обошлось нашим солдатам. Они, как и лейтенант, вначале не придавали серьёзного значения стрельбе снайперов. Но вскоре все поняли смертельную опасность, которую таит этот огонь. Недалеко от ячейки лейтенанта солдат – стрелок стал исправлять свой окоп и как-то неудачно высунул макушку головы из-за бруствера. Моментально последовал выстрел и солдат упал с раздробленной головой. На крик соседа лейтенант подскочил к солдату, чтобы помочь ему, но сразу же понял, что в помощи солдат не нуждается. Труп оставили до вечера в ячейке и проходящие по траншее солдаты, как по телеграфу, разнесли по всей обороне роты, какую опасность таит огонь снайперов.

Лейтенант, однако, не мог себя заставить достаточно серьёзно относиться к снайперам, как ни старался это сделать. Тот факт, что на расстоянии каких-нибудь нескольких сантиметров около головы лейтенантов разорвалось более десятка пуль и все они выпущены в божий свет, как в копеечку, укрепляли его в своём неверии в эффективность этого оружия. Действия снайперов он сравнивал с оводами в его родной стороне.

В детстве Жора ходил в Камские луга за диким чесноком или вообще с ребятами своего круга играть в различные игры. Очень интересной была охота за рыбой, оставшейся после затопления лугов Камскими водами в период наводка. Когда вода сходила, рыба оставалась в наиболее глубоких местах и в результате оказывалась в маленьких озерах, которые с стремительной быстротой высыхали. Вот тут-то ребята охотилась за ней. В ход пускались “невода”, сделанные из трусишек или маек. Какое это было

прекрасное время! Ребятишки, обнаружив в озерце, зазевавшуюся щуку или другую рыбу с радостными криками бросались её ловить. У трусишек перевязывали штанины и с голыми попами носились по согретому солнцем озерку за щукой или окунем, которые были такими прыткими, что долго не давались в руки ребятишек. Но, наконец, рыба была поймана и незадачливые рыбаки вынимали свои “невода”, расстилали их на траве, а сами ложились рядом отдыхать и у них шли увлекательные разговоры обо всём, что волновало мальчишек того времени. Недалеко был учебный аэродром с несколькими самолётами У-2, ребятишки зачарованно смотрели на полёты этих чудо – самолётов. Для них они были пределом мечтаний.

Эти походы в луга и наблюдения за полётами самолётов, чуть было не изменили судьбу Жоры. В своих мечтах он решил стать лётчиком. Он представлял себя парящим в небе над родным городом и все, задрав головы, смотрели на него – Жора Шумилин летит. Эти мечты жили в нём долгое время, до тех пор, пока довольно нелепый случай не убил их раз и навсегда. В городе на базарной площади построили парашютную вышку, довольно высокую и повесили на верёвке парашют. Все ребятишки в городе сбежались к вышке смотреть, как будут прыгать с такой громадной высоты люди. Прыжки начались, и ребятишки визжали от восторга. Когда все взрослые отпрыгались, очередь дошла до пацанов. Жора тоже решил прыгнуть, как же, он будущий лётчик, должен, даже обязан прыгать. Жора купил билет за 20 копеек, по очереди дошёл до верхней площадки, на которой большие ребята из аэроклуба снаряжали парашютистов, надевали на них и застёгивали настоящие парашютные лямки. Жора был ещё достаточно маленьким и ребята, посмотрев на него, далеко не могучую фигуру, усомнились в том, что он своим лёгким телом потянет парашют к земле. Однако потом согласились и одели ему ремни. Жора шагнул к краю верхней платформы с твёрдым желанием пуститься в первый в его жизни полёт. Он всё время помнил, что нельзя смотреть вниз, а прыгать сразу, так учили его “бывалые” друзья, пацаны. Но Жора в самый последний момент забыл об этом и глянул вниз. В своей ещё не продолжительной жизни, он выше тополя, растущего около его дома, не забирался, и сейчас ахнул – какие маленькие человечки стоят вокруг вышки и смотрят на него. У Жоры перехватило дух, он хотел прыгнуть, но ноги его машинально отбросили назад. Ребята из аэроклуба попытались его подтолкнуть к калиточке в перилах, ограждающих площадку, но Жора вцепился в перила, и никакая сила не могла оторвать его от них. Ребята рассердились, растягнули лямки и прогнали Жору вниз. Спуск вниз по лестнице был самым настоящим позором для Жоры. Все лесенки были заполнены знакомыми ребятами и девочками, ждавшими своей

очереди , и вот через такой строй пришлось Жоре пробираться вниз. Здесь были мальчишки и девчонки из его класса, они живо интересовались, почему Жора спускается по лесенке, а не на парашюте. От стыда и позора Жора не мог поднять глаза. Наконец он выбрался из этого окружения и бросился бежать со всех ног домой. На этом кончилась его лётная карьера.

- Да, - вспомнил свои переживания лейтенант, - знал бы я, что прыгать с вышки, это удовольствие, и что скоро мне придётся быть на войне, где действительно бывает страшно, наверно, переборол бы свою нерешительность. Был бы сейчас асом, не сидел бы впроголодь в этих сырых и холодных окопах, а громил фашиста в воздухе.

Правда, все его сверстники, кончивших аэроклуб, а затем авиационное училище уже нашли свою смерть под обломками самолётов. Фашистская авиация была и оставалась очень сильной и технически более совершенной. Их истребитель “Мессершмит-109” грозная и быстроходная машина и она, в основном, погубила всех его сверстников, пацанов.

Лейтенант верил в судьбу и всегда считал, что, например, кому суждено утонуть, не погибнет от пули. Здесь на передовой лейтенант был бесчисленное количество раз один на один со смертью, но она его не забрала с собой. Судьба!

По ходу сообщения прошёл командир взвода Ляпков.

- Здравствуй, лейтенант, - приветствовал он лейтенанта и поднял руку.

В это же мгновение пуля снайпера разорвалась около его руки.

- Чёртов фриц, - выругался Ляпков и пошёл дальше.

За ним неотступно следовали разрывы пуль снайпера, который сопровождал каждого, проходящего по ходу сообщения. Окопы кое где были выкопаны не в полный рост, поэтому как ни старались наши ребята нагибаться, но всё равно какая-нибудь часть тела мелькала над бруствером. Как надо было тщательно наблюдать снайперу за нашими окопами, чтобы не пропустить это мелькание.

- Дотошные фашисты, - с каким-то непонятным чувством, то ли презрения, то ли восхищения, - подумал лейтенант.

Эти постоянные разрывы пуль около головы, идущего по траншее, и напоминали лейтенанту полёты оводов из его детства. Когда пацаны приходили в Камские луга, неизвестно откуда появлялись полчища оводов, которые летали вокруг головы и яростно жужжали. Особенно басовито, даже как-то угрожающе, гудели оводы величиной с большого жука. Они так злоеюще набрасывались на ребятшек, что сначала все отскакивали в страхе от них. Но они, как правило, не кусали, а только вились около головы и наводили страх своим басовитым воем. Ребятишки постепенно к ним привыкали

и переставали обращать внимание на их жужжание. Сейчас лейтенант ассоциировал этих оводов с пулями, выпускаемыми снайперами. Треску много, а эффект практически незначительный.

Затронув такую животрепещущую нотку, как воспоминание о своём, действительно счастливом детстве, лейтенант никак не мог остановиться. В его воспоминаниях всплывали всё новые и новые эпизоды из детской и юношеской жизни, порой полностью сейчас забытые. Но они выплывали, и лейтенант удивлялся, с ним ли это случалось? Например, в памяти вспоминался случай на рыбалке. На Каме была масса плотов, они служили удобным местом для рыбалки. Ватага ребятишек, где был и Жора, рано утром прибежала на рыбалку. Был конец лета, пацаны были одеты в телогрейки, в основном, с бабкиного плеча и сапоги, тоже не со своей ноги. Над рекой разносился терпкий специфический запах намокших в воде плотов.

Лейтенант остро ощутил этот запах сейчас, как будто он был у родной реки. Все перебежали по бревну на связки плотов, а Жора как-то замешкался и оказался последним. Дойдя до середины бревна, он поскользнулся и не удержавшись, во всей одежде рухнул в воду. Первым его ощущением была коричневатая вода, которая сомкнулась над его головой, Жора от неожиданности даже не успел закрыть глаза. И опять лейтенант вспомнил почему-то эту коричневатого цвета воду и своё ощущение, которое было, когда под ногами не было дна, а над головой неба. Что было дальше, он помнил довольно смутно, оно не отложилось в памяти лейтенанта. Он только помнил, что его вытащили пацаны, мокрого, как мышшь, с испуганными, круглыми глазами.

Или ещё такой случай неожиданно выплыла из памяти его безмятежного юношества. Жора пошёл в кино вместе со своим восьмым классом. Он сел рядом с девочкой, которая ему нравилась. Во время сеанса девочка что-то спросила у Жоры. Он резко, с излишней поспешностью, обернулся к ней и его губы прикоснулись к губам девочки, также повернувшейся к нему. По телу Жоры пробежал разряд электрического тока очень большого напряжения. Здесь, на фронте этот разряд часто всплывал в его памяти, волнуя и горяча его молодую кровь.

Лейтенант приписывал эти воспоминания из детства, ранее полностью забытые, своему обострившемуся чувству, появившемуся в этих суровых условиях существования на грани жизни и смерти. Память выискивала и высвечивала дорогие сердцу воспоминания, и как бы напоминала лейтенанту о его счастливых беззаботных днях детства и юношества, заставляя ещё больше любить свою Родину. Память заставляла его больше ненавидеть врага,

драться с ним ещё с большим ожесточением, чтобы быстрее гнать его с родной земли.

Но, к сожалению, гнать врага с нашей земли на его участке фронта пока не представлялось. Вот и сейчас, получив приказ на передислокацию, момент сокрушительного удара по врагу отодвигается на неопределённое время. Лейтенант, ознакомившись с новым участком обороны, с сожалением отметил, что он по протяжённости раза в полтора больше, чем теперешняя их оборона.

Глава VI. ПЕРЕДИСЛОКАЦИЯ

На огневую позицию лейтенанта пришёл командир стрелковой роты Родин с каким-то незнакомым лейтенантом.

- Знакомся, Жора, это командир роты соседнего полка, лейтенант Филиппов, пришёл принимать оборону, - сказал Родин.

Лейтенанты, познакомившись, прошли по обороне сопровождаемые потоком разрывных пуль снайперов, сыпавшихся на их головы в изобилии.

- Смотри, Филиппов, своевременно предупреди своих солдат, что фашисты нагнали полчища снайперов и они не дают покоя ни днём ни ночью, - сказал лейтенант.

- У нас тоже не лучше, сыплют пули, как из решета, - ответил Филиппов.

Все формальности по передаче обороны были быстро завершены, и в полной темноте взвод лейтенанта покинул позиции. По ходу сообщения взвод прошёл около километра. Траншея становилась всё мельче и уже. Тащить пулемёты по ней на плечах практически стало невозможно. Лейтенант вышел сам из траншеи за бруствер окопа и приказал взводу сделать то же самое. Когда приблизились к месту новой дислокации, солдат – стрелок сменяемой части из окопа крикнул:

- Товарищ лейтенант, здесь же снайперы, как горохом, сыплют своими разрывными пулями.

Лейтенант не обратил внимания на его предупреждение и продолжал двигаться по верху со своим взводом. То ли крик солдата разбудил снайпера, то ли он сам увидел много движущихся теней вдоль наших окопов, и открыл бешеный огонь по взводу. Солдаты кубарем скатились в окопы, да и лейтенант не стал рисковать и тоже спустился в окопы, к счастью все были невредимы. Он понимал, что вести прицельный огонь в такой темноте практически невозможно, но он не должен был показывать пример солдатам не соблюдать осторожность.

- Да, и здесь, видимо, тоже наткано много снайперов, - подумал лейтенант, прибыв на новое место.

Стояла достаточно холодная погода. Всё кругом было покрыто инеем. Лейтенант выбрал позиции для пулемётов и приказал оборудовать огневые точки. Разговорившись с командиром сменяемого стрелкового взвода, он узнал, что на левом фланге, где он установил пулемёт Карavaева, до окопов противника всего 80 – 100 метров. Иногда оттуда даже слышалась гортанная немецкая речь, На правом фланге вражеские окопы были метрах в 200 – 250. Между противоборствующими сторонами была равнина, покрытая сухими стеблями различных сорняков.

Пока лейтенант активно двигался, ему не было холодно, но вот всё было устроено, размещено и принято. Настало такое время, когда к нему за ворот начали проникать минусовые градусы. Нужно было искать место для ночлега. В стенках окопа прежними защитниками были устроены ласточкины гнёзда – закопушки в длину человека, вырытые выше дна окопа, для того, чтобы вода из окопа не заливала их. Почти во всех закопушках была настелена сухая трава.

Лейтенант выбрал себе закопушку ближе к расчёту Курочкина. За время боёв на плацдарме лейтенант старался быть ближе к нему. Навсегда запомнил он, что расчёт Курочкина чуть не драпанул из окопов под нажимом фашистов в его отсутствие. Закопушка была достаточно свободная, но основным её недостатком было то, что она могла обсыпаться и завалить лежащего в ней бойца, если рядом взорвётся тяжёлый снаряд. Но делать было нечего, более комфортабельного помещения в окопах не нашлось, и лейтенант свернулся калачиком, укрылся плащ-палаткой и заснул.

Пробуждение на новом месте не отличалось от пробуждений на высоте 226.5. От холода у лейтенанта свело руки и ноги, плащ-палатка покрылась инеем, зубы усердно выбивали какую-то дикую пляску.

- Однако, новое место вроде бы холодней прежнего, - подумал лейтенант и с трудом, как парализованный инвалид, стал высвобождать ноги и руки из под плащ-палатки. Это ему не удавалось, руки и ноги не подчинялись ему.

- Надо же так промёрзнуть насквозь, - подумал лейтенант, - в одну прекрасную морозную ночь можно вообще превратиться в кусок льда. А если фашист пойдёт в атаку, то пока раскачаешь свои конечности, он сможет втрое больше пробежать расстояние, чем сейчас от его окопов до наших. Надо будет сказать дежурным у пулемёта, чтобы ночью будили почаще.

Рассуждая так, лейтенант с трудом высвободил руки и ноги и встал во весь рост. Шатаясь, как пьяный, он сделал несколько неуверенных шагов по направлению к пулемёту. Так началась жизнь на новых позициях.

Когда рассвело, лейтенант стал изучать оборонительные позиции, свои и врага. Пройдя по ходу сообщения, он встретил младшего лейтенанта Ляпкова со своим взводом и поинтересовался, как у него дела.

- Ну, что тебе сказать, лейтенант? Позиция нормальная, правда, раза в два больше прежней. Правильно было бы на ней расположить роту, а не малочисленный взвод. КП командира роты вон там, в стороне от главной траншеи. Иди, проведай его,

Лейтенант прошёл по короткому ответвлению от основного хода сообщения и оказался на КП Родина. Большой окоп, который смог бы вместить

до десятка человек, был разделён на две части. В передней части были установлены телефоны и около них сидели два связиста. Здесь же находился и ординарец Родина. Другая часть окопа была огорожена двумя плащ-палатками, сбоку и сверху. Это, как понял лейтенант, были “покои” Родина. Лейтенант отодвинул плащ-палатку и вошёл к нему.

- Здравия желаю, Николай! Поздравляю тебя с новосельем, - приветствовал лейтенант Родина.

- Здравствуй, Жора, - ответил ему Родин, - как ты устроился, всё ли у тебя в порядке?

- Вообще-то всё в порядке, если не считать, что сегодня ночью чуть дуба не дал от холода, - ответил лейтенант.

Приглядевшись, лейтенант увидел, что у Родина помещение отделано с комфортом. Из не строганных досок сколочен стол, стоящий на двух буквах Х, вдоль стены сооружена скамейка. Спальное место сделано из щита, принесённого с прежней позиции и установленного на ножки. На щите постелено довольно много сена, закрытого одеялом. На столе стоял светильник из гильзы снаряда, сплюснутой сверху.

- Да, Николай, здесь у тебя довольно уютно, твой старшина постарался. Наверно, ночью не так холодно, - лейтенант по-хорошему позавидовал Родину, - вот если бы ещё этот твой КП перекрыть сверху брёвнами, то воевать можно хоть год, а то и больше.

- Ну, через год мы уже будем в Берлине, и нам этот КП не понадобится. Может быть, школьники будут изучать наши дела и придут посмотреть, как их отцы воевали. А насчёт перекрытия КП вопрос, я думаю, будет решён, может быть и скоро. Комбат говорит, что нашему полку придали сапёрную роту для укрепления обороны. Но ты ведь сам знаешь, что начальство начнёт укреплять нашу оборону не с передовой, а наоборот, с тыла. Своя рубашка ближе к телу. Сначала настроят себе отличные землянки, хорошие КП, а потом лишь вспомнят, что у них на передовой есть люди, они мёрзнут, нет хороших огневых точек, дзотов. Ну, прикажут сапёрам пойти посмотреть, чем они смогут помочь передовой. Так, глядишь, через месяц, а может быть и с хвостиком дойдёт и наша очередь до саперов. Если за этот месяц ты от холода не дашь дуба, то они тебе что-нибудь построят.

Лейтенант вначале не поверил Родину, он был молод и несколько наивен и не мог представить, что высшее командование так поступит, но как выяснилось позже, эти слова Родина были пророческими. Всё именно так и случилось.

Родин подробно ознакомил лейтенанта с обстановкой. Против их роты располагалась фашистская часть тоже не очень многочисленная, но среди её

солдат были “власовцы”, русские изменники, которые воевали не за совесть, а за страх и смертельно боялись попасть к нам в плен. Позже лейтенант смог убедиться в этом.

- У нас очень скудно с артиллерией и миномётами, на эти скудные стволы имеется всего по 5 – 10 снарядов и мин. Если враг применит танки, то нам от них придётся отбиваться только гранатами.

- Соседи справа у нас есть, а слева я ещё не нащупал. Ты правильно сделал, что слева поставил пулемёт, он сможет в случае нужды защитить нам фланг. Здесь получается парадокс, фашисты рядом и фланг голый. Нам здесь на плацдарме везёт всё время, мы воюем с фашистами нос к носу.

Противник, видимо, проснулся, позавтракал и начал методически покидывать снаряды и мины по нашим окопам и в глубину обороны. От сотрясения со стенок КП начала осыпаться земля. Лейтенант встал с колченогого стула и направился к своим расчётам.

- Кто его знает, фашиста, что он может предпринять? – подумал лейтенант, - ведь наверняка передислокация наших войск не осталась незамеченной. Кроме того, надо посмотреть вражеские огневые точки и постараться их засечь.

Лейтенант подошёл к расчёту Курочкина. Все были на ногах и внимательно следили за противником. Температура воздуха перевалила за ноль, и выглянуло солнце. Не душе у солдат, да и у лейтенанта тоже стало как-то приятнее.

- Следить за противником внимательно, - скомандовал лейтенант и пошёл навестить Караваева.

Благодаря своей деловитости, огневая позиция Караваева была обустроена неплохо. Площадка для стрельбы была оборудована в секторе 270 градусов, то есть, полностью могла обеспечить обстрел, как по фронту, так и с левого фланга. Расчёт расположился в ячейках рядом с пулемётом. Лейтенант рассказал Караваеву о том, что сосед слева далековато и в этот стык могут проникнуть фашисты, поэтому необходимо неустанное наблюдение за флангом. Лейтенант внимательно целый день наблюдал за вражескими позициями. Он обнаружил несколько пулемётных точек и нанёс их на карту. Вообще он точно определил и нанёс на карту всю оборонительную линию фашистов. Часто, при этом, немецкий снайпер засекал его, и приходилось менять точки наблюдения. Лишь здесь он смог хорошо понять, как приспособились немецкие снайперы к маскировке. Да и не только снайперы, но и все огневые средства, находящиеся у врага на передовой. Мы, для ведения огня, должны высываться из своей ячейки или огневой позиции и неминуемо при этом, через оптический прибор, снайпер обнаруживает стрелка и открывает по нему

огонь, заставляя спрятаться обратно в ячейку. Фашистские же стрелки, пулемётчики, снайперы, одним словом все те, кто ведёт огонь из своих ячеек, оборудовали в них амбразуры, перекрывая для этого ячейку сверху и выкопанную землю в зоне обстрела. У них каждая ячейка превратилась в дзот. Основным выигрышем, при этом, явилось то, что не нужно было высовывать головы на обозрение нашей стороны при стрельбе, а при наблюдении за нами в темноте, ячейки невозможно было различить, есть там человек, или нет. Снайперам можно было вести огонь скрытно без боязни, что его обнаружат. Лейтенант отметил, из каких амбразур ведётся пулемётный огонь, а из каких одиночный винтовочный выстрел.

Со всеми своими наблюдениями лейтенант пришёл к Родину. При свете коптилки, офицеры долго разговаривали, перерисовывали позиции с карты лейтенанта на карту Родина, которую он должен был отправить в штаб батальона, для определения целей при артиллерийской и миномётной стрельбе.

- Ты, Жора, правильно заметил, что фашисты создали целую сеть маленьких дзотов и теперь видят нас, а сами остаются в тени. Я дам команду своим взводам применить их тактику, - с задумчивостью произнёс Родин, - а до чего же хитёр фриц, умеет воевать собака.

- Скоро праздник Октябрьской революции. Нам с тобой остаются только воспоминания и надежды на будущее, - с грустью произнёс Родин, - и по его глазам было видно, что в этот момент он был далёк отсюда, наверное, вспомнил любимую девушку или ещё что-нибудь приятное, связанное с этим праздником.

Лейтенант пошёл спать в свою закопушку, хотя Родин оставлял его у себя, предлагая ему лавку. Лейтенант ещё не достаточно хорошо изучил оборону на новом месте и не решался оставить Курочкина одного. Пробуждение было типичным для ночующих под открытым небом защитников плацдарма. Кругом было бело от выпавшего инея. Лейтенант перекусил, что ему накануне принёс старшина. Старшина, как всегда, пунктуально принёс вчера ужин. Лейтенант немножко удивился, когда в положенное время появилась святая, для солдат, троица кормильцев.

- Я же говорил Вам, товарищ лейтенант, что старшина своих солдат по запаху узнает и, где бы они ни были, куда бы ни ушли, он их всегда найдёт и вовремя накормит, - то ли в шутку, то ли всерьёз сказал старшина.

Он ещё добавил, что до того скудный паёк ещё больше урезан и ему становится всё трудней и труднее накормить солдат.

На основании вчерашних наблюдений, у лейтенанта возникла идея провести дуэль с пулемётами врага. Он приказал установить пулемёт на огневую площадку и вставить ленту. Дальше, лейтенант отпустил расчёт отдыхать, а

сам прильнул к прицелу. Он точно навёл пулемёт на амбразуру, из которой вчера противник вёл пулемётный огонь. Определив дистанцию, и точно установив прицел, лейтенант стал ждать. Станковый пулемёт системы “Максим” хотя и не совершенное оружие для этой войны, но очень точно наводился на цель и не менял этой установки, сколько бы не было выпущено лент из него. Это было естественно, так как тяжёлая станина, массивное тело и крепкое сцепление с землёй не раскачивало пулемёт при стрельбе. Общий вес пулемёта был около 80 килограмм, что придавало ему устойчивость.

Лейтенанту пришлось ждать довольно долго, он уже начал замерзать, когда из амбразуры сверкнул огонь, и раздалась очередь пулемёта МГ-34. Очередь эхом разрывных пуль отдалась на бруствере наших окопов. В тот же миг лейтенант нажал на спусковое устройство и выпустил по амбразуре длинную очередь. Вокруг амбразуры фашиста заметались “султаны” земли от пуль.

- Неужели не точно поставил прицел, - подумал лейтенант, - и все пули попали вокруг да около.

Но амбразура замолчала и в течении дня из неё не было произведено ни одного выстрела. Лейтенант проделал ещё три – четыре таких опыта и все они успокаивали фашистов. Он, конечно понимал, что не все пулемёты подавлены, вернее подавлены не пулемёты, а пулемётчики, но безусловно такая охота нанесла фашистам ощутимый урон. Лишь когда начало темнеть, а немецкий снайпер всё же нащупал пулемёт и несколько разрывных пуль ударили по щиту, лейтенант закончил свою “охоту” и лёг в закопушку, в ожидании старшины с ужином. За целый день лейтенант расстрелял три лены. Свою “охоту” лейтенант повторял периодически на протяжении всего периода боёв на плацдарме.

Вскоре появился старшина Кузнецов. Он торжественно объявил, что в ПФС завтра приказали придти с канистрой или бидоном для того, чтобы получить спирт, боевые сто грамм. Пожилые солдаты встретили это известие с восторгом, а молодые бойцы и лейтенант, в их числе, не выразили никакого удовольствия.

- Товарищ лейтенант, Вы вроде не рады этому известию? – Спросил старшина, – Вы ведь замерзаете по ночам и, если это будет долго продолжаться, без спирта замёрзнете совсем.

- Я не знаю ещё, старшина, как это можно пить спирт, да ещё он должен греть ночью, - ответил лейтенант.

Вечером лейтенант обошёл огневые позиции и заглянул к Родину. Он рассказал о своей дневной “охоте”, спросил Родина, чего нового в верхах.

- Разведка показывает, что фашисты на нашем участке начинают проявлять какую-то непонятную активность, надо быть внимательнее.

- Вот тебе раз, только что пришли с самой горячей точки на плацдарме, а она перемещается к нам опять, - удивился лейтенант.

- Ну, пока неизвестно, чего затевают фашисты, может быть, хотят напугать, - ответил Родин, - поживём, увидим, не мне привыкать бить им морду.

- По-моему, лучше быть голодным и холодным, чем убитым. Если уж быть убитым, то в наступлении, выгоняя фашистов с нашей родной земли, - философски выразил свои мысли лейтенант.

- Жора, я что-то не замечал за тобой склонность к философии, - заметил Родин, - а вообще-то ты правильно рассуждаешь, только нужно внести поправку в них, лучше быть живым и бить фашистов до самого их бесславного конца.

Лейтенант вернулся в свою закопушку и моментально уснул.

На другой день солдаты, чувствуя приближение праздника Октябрьской революции, как могли, в окопных условиях, приводили себя в порядок, брились. Лейтенант ещё регулярно не брился, борода росла слабо, и ему достаточно было поскоблить её два – три раза в месяц. Вечером, как и обещал, старшина принёс обед и распорядился всем достать кружки. Из бидона, пользуясь специальной меркой, он разлил каждому в кружку по сто грамм спирта. Солдаты смотрели на это священнодействие старшины, не шелохнувшись. Затем, как по команде, потянулись за своими кружками.

Свои боевые сто грамм впервые в жизни получил и лейтенант. Он был до такой степени неопытный в этом отношении, что даже не прикинул, что сто граммов спирта – это почти двести грамм водки, а непьющему, да ещё хронически голодному человеку, это большая доза. Он посмотрел, как солдаты выпили свои порции, и запили холодной водой, которую предусмотрительно принёс старшина и сам опрокинул в рот свою порцию. Сначала он не понял, что с ним происходит. Он не мог дышать и как рыба открыл рот и, только пытаясь вдохнуть, икал. Кто-то быстро сунул ему в руки котелок с холодной водой. Лейтенант схватил его и с большим трудом сделал глоток. Спазма в горле прошла, и он сделал вдох. По щекам его текли обильные слёзы, в горле пылало огнём, руки и ноги тряслись как в лихорадке. Он отпил ещё несколько глотков воды, и ему стало легче. Не успел лейтенант дохлебать похлёбку, как в голове у него помутилось, и больше он ничего не помнил.

Проснулся лейтенант только утром. Он лежал в своей закопушке, укрытый плащ-палаткой. Голова раскалывалась и в ней была какая-то пустота, в горле пересохло, хотелось страшно пить.

- Вот тебе и боевые сто грамм, - подумал лейтенант, - какие же они боевые, когда от них не только воевать не можешь, но и себя не помнишь. Если их употреблять ежедневно, то через месяц отдашь концы, и фашистам не придётся тратить на нас боеприпасы.

Он с трудом встал, подошёл на огневую позицию Курочкина и попросил воды. Курочкин дал ему котелок с водой, лейтенант долго и жадно пил и буквально через несколько минут у него всё поплыло перед глазами. Он с трудом добрался до своей закопушки и опять уснул. Окончательно очухался лейтенант лишь к полудню. Он дал себе слово не пить больше эту гадость.

- Хорошо, что фашисты ночью не предприняли никакой каверзы, - подумал лейтенант, - а то бы взяли офицера, языка тёпленького без сопротивления.

Было видно, что молодые солдаты тоже чувствуют себя отвратительно от этих “вливаний”.

Вечером пришёл старшина с обедом и бидончиком в руках. Солдаты оживились, потянулись за кружками. При виде этой сцены и ощутив запах спирта, лейтенанта чуть не вырвало. Он наотрез отказался от своей доли. Оставшись наедине со старшиной, он рассказал ему своё ощущение после принятия этих злополучных сто граммов. Старшина внимательно выслушал лейтенанта и сказал:

- Конечно, товарищ лейтенант, для Вас эта доза оказалась слишком большой потому, что Вы раньше не пили спиртного. Да ещё наше скудное питание очень ослабло организм. Вы не выпивайте сразу всё в неразведённом виде. Возьмите половину, разбавьте водой и пить будет легче, и не так быстро захмелеете. Я Вам говорил, что спирт ночью не даёт так сильно мёрзнуть. Вот сегодня ночь была морозная, а Вы перенесли её легче, чем вчера. Не правда ли?

Лейтенант согласился со старшиной.

- Сегодня Вы не пили и будет трудней перенести ночь, смотрите, какое чистое небо, наверное, холодно будет, - старшина поёжился, глядя наверх.

Старшина со своей командой ушёл. Лейтенант обошёл оборону, посмотрел на вражескую позицию, которая, как всегда, регулярно освещалась ракетами. На левом фланге обороны, где фашистские окопы подходили близко к расчёту Караваяева, он задержался и явственно услышал немецкую речь. Чувствовалось, что там достаточно много народа, гремел котелок, играла губная гармошка.

- Да, видимо, права наша разведка, фашисты действительно усиливают своё подразделение на стыке обороны нашего полка с соседним.

Здесь даже не вооружённым глазом видно, что более удобного места вбить клин в нашу оборону не придумаешь. Фашистская “рама” уже не один раз всё это сфотографировала. Она довольно часто на небольшой высоте летала над позициями обороняющихся, вызывая яростную охоту за ней из всех видов вооружения. Лейтенант принимал в ней живое участие. Но на протяжении всего периода боёв на плацдарме, лейтенант не видел, да и не слышал, чтобы её сбивали.

- Действительно, - рассуждал далее лейтенант, - для того, чтобы вклиниться в нашу оборону, фашистам нужно будет пробежать какую-то сотню метров и огня-то хорошего не создать. Кроме пулемёта Караваяева никто из стрелков роты не может стрелять под таким углом к нашей обороне.

Лейтенант рассказал Караваяеву о всех своих наблюдениях и заключениях и приказал очень внимательно смотреть за противником.

- Слышишь, Караваяев, - сказал лейтенант, - фрицы тебя развлекают губной гармошкой и её слышно, как будто вы с ними вместе сидите, в одном окопе.

- Я замечаю, товарищ лейтенант, вот уже два дня, как у немцев какое-то оживление в окопах, - отозвался Караваяев, - музыка, звон котелков и громкие разговоры. Иногда я слышу даже вроде и нашу русскую речь.

- Вполне возможно, сержант, - ответил лейтенант, - у фашистов есть и наши русские предатели, власовцы, это точно известно.

Лейтенант вернулся в свою закопушку, немножко полежал и крепко уснул. Перед рассветом он, изрядно продрогнув, вскочил и быстро прошёл на левый фланг. Там было тихо, фашисты спали и лишь дежурные систематически пускали осветительные ракеты. Прошёл ещё один день. На левом фланге нашей обороны фашисты не успокаивались, и постоянно чувствовалось, что они что-то затевают.

Лейтенант совершенно не брал в рот спиртного, и это спасло ему жизнь. События при этом развивались следующим образом. Утром на огневую позицию Курочкина, где обычно находился лейтенант, прибежал связной Родина и пригласил лейтенанта к нему. Лейтенант пришёл на КП роты.

- Здравствуй, Жора, - приветствовал Родина, - как живёшь, как настроение?

- Здравствуй, Николай, - ответил ему лейтенант.

- Я слышал, ты Жора объявил сухой закон, даже в рот не берёшь спиртного, замёрзнешь, а не берёшь? – поинтересовался Родина.

- Да, Николай, - ответил ему лейтенант.

- Ну, это твоё дело, ты человек разумный и, если считаешь, что нельзя пить, значит, не пей, - примирительно сказал Родина.

- Через час мы с тобой должны быть на КП батальона. Зачем-то Громов нас вызывает.

По ходу сообщения офицеры вышли в овраг, не простреливаемый фашистами.

- Ну, Жора, давай потянемся, вытянем руки вверх, не боюсь снайпера, даже подпрыгнем, не боюсь остаться с дыркой в голове, это же тыл, а для нас с тобой почти глубокий, - радостно воскликнул Родин, - вот слышишь, сверху где-то пролетает снаряд или мина, а нам с тобой наплевать на них, это не наши снаряды. Наши там сзади на передовой остались. А пули, так совсем не свистят, как будто мы всех фашистов уколошили.

Родин подпрыгнул и побежал вниз к КП батальона. Лейтенант побежал вслед за ним. На КП батальона, на котором лейтенант ещё не был, так как его недавно оборудовали, собрались командиры рот и всех приданных подразделений. Комбат Громов достал карту, расстелил её на столе и стал докладывать.

- Оборона нашего батальона вытянута на большом протяжении и выглядит так, - комбат показал на карте, - на левом фланге окопы противника приближены к обороне роты Родина на 80 – 100 метров. В этом районе, на стыке двух полков, противник предполагает нас атаковать и выбить с наших позиций. Дальнейшие действия противника пока неизвестны, но догадаться нетрудно.

Громов расстегнул ворот гимнастёрки, как бы собираясь с духом и продолжил:

- На участке, где противник предполагает организовать прорыв, у нас сложная позиция. Рота Родина ослаблена, ей придан пулемётный взвод лейтенанта Шумилина в составе двух пулемётов. Этими силами держать натиск фашистов будет тяжело. Но, несмотря, ни на что, приказываю не отступать. Я вам обещаю, что если побежите, я установлю сзади вас пулемёт и буду по вам вести огонь, как по противнику, так что выбирайте, или стоять насмерть и не пропустить врага, или умереть как трусам. Всем, что будет зависеть от меня, вам помогу.

- Где же он возьмёт пулемёт? – Шепнул лейтенант Родину, - если он у него есть, то пусть лучше отдаст нам.

- Какие есть вопросы?

- Вопросов нет, - заключил комбат, - все по местам.

Офицеры возвращались в свои окопы неспеша, хотелось ещё понаслаждаться раскованностью. Они прошли мимо позиций полковых миномётов и 76 миллиметровых орудий. Около миномётов и орудий расхаживали солда-

ты, рядом с позицией были выкопаны землянки, из некоторых шёл дым. Лейтенант с завистью сказал:

- Смотри, Николай, как живут полковые миномётчики и артиллеристы. Ходят, как у себя дома на огороде, неспеша, ничего не боясь, никакие снайперы и пулемётчики им не страшны. А снаряды то ли прилетят, то ли попадут, то ли нет. Вот сегодня комбат говорил, что на пушку и миномёт всего по 8 – 10 снарядов и мин, припасённых на непредвиденный случай. Так это им тоже на руку, не надо стрелять, пускай там пехота отдувается одна, а они будут ходить по своему огороду, да морковку лопать. И, наверное, трёхразовое питание у них. Одним словом, санаторий, да и только.

- Ты не очень-то завидуй, им тоже иногда достаётся на орехи, - возразил Родин.

- Так это иногда, а нам днём и ночью, летом и зимой и в обороне, и в наступлении, - возразил лейтенант, - по статистике ранят и убивают артиллеристов и миномётчиков крупного калибра раз в 50, а может и в 100 меньше, чем пехотинцев. Вот смотри, мы с тобой сидим здесь в обороне уже несколько месяцев, а за это время они выстрелили по полсотни раз, не больше, и всё ходят вокруг своих пушек.

- Вот подсчитай, - продолжил лейтенант, - большинство потерь наших стрелков от пуль, а вот к ним пули не долетают вот уже несколько месяцев, сколько сохранили они жизнью.

- Ты что, Жора, против артиллерии и миномётов имеешь, ты хочешь, чтобы они тоже в таких условиях были, как мы? – подзадорил Родин.

- Что ты, Николай, во мне говорит не злость, а страшная обида за нас всех, Советских воинов. Почему же артиллеристы врага работают целыми днями, посылая на наши головы тысячи тонн металла? Что, наши артиллеристы не смогли бы это сделать? А вот у них, видишь ли, по 8 – 10 снарядов, а у фашистов по тысяче. Если бы нам поменяться с ними, так мы бы все потроха у гитлеровцев вытрясли, - лейтенант замолчал.

- Я, конечно, всё понимаю, но обиду заглушить не в силах. Жалко наших хороших советских ребят, которые своими жизнями компенсируют нехватку снарядов у наших пушкарей, - резюмировал лейтенант.

- Так с разговорами Жора и Николай дошли до своих позиций. Лейтенант пошёл на левый фланг, к Караваеву. Тот встретил его тревожным сообщением:

- Товарищ лейтенант, в недалёком вражеском тылу гудели танки, и чувствуется, что их было не меньше десятка, видимо, только что прибыли.

Это сообщение Караваева сильно обеспокоило лейтенанта. Танковую атаку отбить было нечем. В роте Родина было два ружья ПТР и больше ниче-

го. Сорокамиллиметровых пушек было на участке две или три., а на 76 миллиметровые орудия по 8 - - 10 снарядов всего. С таким количеством снарядов можно было выйти на прямую наводку. С закрытых позиций даже один танк было подбить трудно. Вся надежда возлагалась на противотанковые гранаты.

Лейтенант доложил Родину о появлении танков на участке обороны роты. Тот сообщил по телефону комбату.

- Трудно нам придётся, Жора, бороться с танками. Для того, чтобы подбить танк гранатой, нужна ловкость и смелость. Но этих двух качеств вместе у наших солдат очень мало, они не привыкли к отражению танков.

День закончился без особых событий, у фашистов опять наблюдалась возня, разговоры и шум танков. Под вечер со стороны противника послышались выкрики:

- “Рус, сдавайся”, - чувствовалось, что кричали немцы.

Затем на чистом русском языке посыпались всевозможные оскорбительные выкрики вперемежку с матом:

- “... вашу мать, скоро мы вас будем купать в Днепре. Пока не поздно, переходите к нам, у нас хорошо”, или ещё так:

- “Эй, вы, молитесь богу, скоро мы всех вас отправим на тот свет”.

Всё это конечно нервировало солдат, и они даже как-то приуныли. Лейтенант поужинал, ни капли не приняв спиртного, лёг в свою закопушку и вскоре заснул. Вдруг среди ночи его кто-то резко толкнул и крикнул:

- Товарищ лейтенант, немцы! – И бросился бежать.

Лейтенант вскочил и со сна по инерции побежал за солдатом. Пробежав метров двадцать, он окончательно проснулся и только тогда сообразил, что бежит непонятно куда. Он остановился и крикнул солдатам, бежавшим перед ним:

- Стойте! Назад!

Он повернул назад и увидел немцев, подбегающих к тому месту, где он только что лежал в закопушке.

- Огонь! - Скомандовал лейтенант и сам открыл огонь из карабина.

Затем бросил две гранаты подряд. Солдаты открыли огонь из своих винтовок и тоже бросили несколько гранат. Фашисты залегли, но почему-то не стреляли. Потом они короткими перебежками начали отходить к своим окопам.

- Ещё огонь! Вперёд за мной!

Лейтенант побежал по направлению немцев, стреляя на ходу и крича “Ура”. Фашисты повскакали и бросились к своим окопам. Тех фашистов, которые падали, подхватывали остальные и волокли в свои окопы. В течении нескольких минут эта схватка закончилась. Солдаты – стрелки заняли свои

ячейки, и опять воцарилась относительная тишина. По поведению немцев можно было понять, что это был поиск разведчиков с целью захвата языка перед их наступлением.

Лейтенант живо представил себе, что было бы с ним, выпей он вечером этот злополучный спирт. Немцы пришли бы, взяли его хмельного без труда, а солдаты убежали бы так далеко, что никто не смог бы его выручить. Ему стыдно было ещё и за то, что он поддался общей панике и сразу побежал, не пытаясь выяснить обстановку. Он долго ещё ворочался в своей закопушке, упрекая себя в малодушии и всех других пороках. Не делая скидки на то, что он был в глубоком сне, и сориентироваться сразу было трудно.

Наутро выяснились все обстоятельства ночного происшествия. Солдат – стрелок, дежуривший около закопушки лейтенанта, видимо, немного задремал. Вдруг, недалеко от него хрустнул стебель сорняка, солдат пригляделся и увидел ползущих на него немцев. Он громко крикнул:

- Немцы! – и пустился наутёк, по пути растолкав лейтенанта. За солдатом побежали другие.

Лейтенант рассказал всё Родину, скромно умолчав при этом, что он спирта вечером не пил, и что не сразу сориентировался и немножко драпанул. Но Родин всё это уже знал и доложил в батальон.

- В ближайшее время нужно ждать какой-то каверзы от фашистов, - сказал Родин, - зря такую канитель они не будут разводить.

В течении дня события разворачивались не в пользу обороняющихся. Артиллерия и миномёты фашистов стали бить почти без интервалов, целый день над нашими окопами стояла пыль и смрад, не дававший дышать. В промежутки между разрывами слышался скрежет танков, занимающих исходные позиции.

Лейтенант понимал, что с этой горсткой бойцов удержать рубежи практически невозможно. Если не произойдёт какого-либо чуда, то завтра или послезавтра они все будут смяты стальным кулаком танковой махины и раздавлены все до одного. Танки ударят в разрыв между полками и преспокойно обойдут нашу оборону. За танками в брешь войдёт пехота, отрежет и зажмёт в кольцо обороняющихся, и в течении получаса всё будет кончено. Это всё понимал и комбат, когда для острастки говорил, что поставит заградительный пулемёт.

- Нет, комбат, - подумал лейтенант, тебе придётся стрелять не в своих, а в немцев, своих, к тому времени, уже не останется ни одного человека.

Лейтенант понимал, что чуда не будет, ему некуда появиться и что жить осталось считанные часы. Но чудо всё же произошло! На передовую опустился вечер. Постепенно стала стихать фашистская канонада, пыль

начала оседать, гарь рассеиваться. Позже обычного пришёл старшина с обедом, сильнейший артобстрел задержал его прибытие. Накормив народ, старшина подошёл к лейтенанту и спросил:

- Товарищ лейтенант, что же у вас происходит? Давно не было такого сильного артобстрела. Мы даже вынуждены были пережить его, так как пройти было невозможно. Видимо фрицы задумали нас разбомбить полностью.

- Да, старшина, фашист надумал нас полностью уничтожить, нагнали солдат и много танков. Я не уверен старшина, - продолжил лейтенант, - что мы с тобой завтра встретимся. Сильные были у нас бои на высоте 226.5, но там не было танков, и мы выдержали. Танки, это страшно. Я удивляюсь, Пётр Евграфович, что высокое начальство не подбрасывает нам танков, артиллерии и авиации. Оно знает, что у нас горстка солдат без артиллерии и танков, а фашисты подготовились очень солидно. В течении несколько минут с нами будет всё кончено.

Старшина ушёл огорчённый и озабоченный обречённым положением защитников. Лейтенант высказал свои соображения Родину. Тот с ним согласился, но ответить не мог, что думает высокое начальство. Лейтенант лёг в свою закопушку и долго не думая, заснул, чему быть того не миновать. Перед утром лейтенанта разбудил гром канонады где-то на севере их участка.

Канонада была достаточно далеко, но воздух вздрагивал, а иногда и закопушка под лейтенантом дрожала.

- Вот почему высшее командование не дало нам пополнение в живой силе и технике, оно накачивало силы для мощного удара в другом месте, - подумал лейтенант, выскочив из своей закопанки.

Кругом была кромешная предрассветная темнота, на небе не было видно звёзд. Все солдаты были тоже на ногах и посматривали в северном направлении, где грохотала канонада, хотя там была такая же густая тьма, как везде. Со стороны противника не было слышно выстрелов, даже, от неожиданности, перестали пускать свои неизменные осветительные ракеты.

Наступил хмурый рассвет, в воздухе чувствовалась сырость, видимо, скоро должен пойти дождь. Противник не подавал никаких признаков жизни, как будто там все вымерли. В предшествующие дни в это время они уже сыпали по нашим позициям такой огонь, что головы нельзя было поднять. Шок в стане врага продолжался весь день. Даже снайперы значительно снизили свою активность. Наши солдаты отдыхали после нервного напряжения последних дней. Они тоже подготовились к неминуемой гибели, особенно, когда совсем рядом с ними лязгали гусеницами вражеские танки.

Лейтенант долго был у Родина на КП. Офицеры долго разговаривали о нашем наступлении где-то севернее. Они очень огорчились, что на их участке фронта наступления нет, и не предвидится в ближайшее время. Они пытались узнать подробности о боях севернее их на правом фланге, но узнать было негде. Вечером, как всегда, пришёл старшина и принёс “боевые сто грамм”, но лейтенант даже смотреть на них не хотел.

Дождь так и не собрался, однако сырость в воздухе оставалась. Ночь прошла тоже спокойно. Перед рассветом лейтенанта разбудил Караваев:

- Товарищ лейтенант, у фашистов что-то опять шумно, стучат котелками, слышатся команды, завели моторы танки.

Лейтенант быстро поднялся и побежал на огневую позицию Караваева, благо не нужно было одеваться, одежда в обороне никогда не снималась, поэтому и не требовалось её одевать. Действительно, в стане врага слышалось движение. Лейтенант послал к Родину сообщение, что противник пришёл в движение и скомандовал подготовить пулемёты к бою. Сам же лейтенант подготовил себе огневую позицию для стрельбы недалеко от расчёта Караваева., на наиболее опасном участке. В нишу ячейки поставил до десятка противотанковых гранат и столько же “лимонок”. Он с минуту на минуту ждал начала вражеской артподготовки.

Прошёл час, другой, а артподготовки всё не было, они не вели даже “дежурного” обстрела. Лейтенанту показалось, что гул танковых моторов стал удаляться, а команд стало меньше. Он спросил Караваева:

- Слышишь танки, Караваев?

- Вроде, неслышно стало, - ответил он.

Прошёл ещё час, в окопах врага установилась тишина. Лейтенант встал, подошёл к расчёту Караваева, занимавшего исходную позицию для стрельбы, и скомандовал:

- Расчёт, отбой боевой тревоги, молитесь всевышнему славяне, что пока живы остались. Не суждено вам было сегодня сложить головы здесь. Фашист ушёл выручать своих, попавших в беду горе вояк.

Солдаты заулыбались, закурили “козьи ножки” и задымили. Однако большого восторга, в связи с уходом немцев, на их лицах не было написано. Лейтенант поинтересовался, почему они не радуются, что ещё можно немножко пожить на белом свете.

- Товарищ лейтенант, вы же сами сейчас ответили на свой вопрос, - сказал Караваев, - это ведь не конец войны, небольшая передышка, которую завтра, может, закончиться и мы опять будем заглядывать в могилу.

- Ну, неизвестно, кого и когда ждёт костлявая, - ответил лейтенант.

СУДЬБА!

Лейтенант зашёл на КП роты и доложил Родину об обстановке на левом фланге.

- Ну, Жора, теперь пора бы и нам начать готовиться к наступлению, - сказал Родин, - но, с такой горсткой солдат нас не хватит дотянуть до вражеских позиций на левом фланге, на правом же нам хватит добраться лишь до середины нейтральной полосы.

- Знаешь что, Жора, давай отметим с тобой “победу” над фашистом сегодня. Хотя победа и не наша, но она всё же спасла нас. Откровенно говоря, я думал, что мы сегодня окажемся в ином мире. У меня есть банка тушёнки, старшина где-то раздобыл, да и “горючего” немного есть, вот и будем отмечать мы с тобой день не нашей победы. Заодно отметим и двадцать шестую годовщину Октябрьской революции.

При упоминании о тушёнке, у лейтенанта потекли обильные слюнки. Родин достал нож, вспорол довольно объёмную банку говяжьей тушёнки, достал фляжку со спиртом и две кружки. От тушёнки пошёл такой запах, что лейтенант еле сдерживал себя, чтобы не наброситься на неё. От этого запаха он даже как-то захмелел, ведь он уже давно не брал в рот мяса. Родин разлил спирт по кружкам и предложил тост за сегодняшнюю, и вообще, за победу, выпил и запил водой из другой фляжки. Лейтенант попробовал глоточек, и его чуть не вывернуло наизнанку.

- Дай, Николай, немного перекусить, не могу я пить такую гадость, может потом смогу.

Молодые люди набросились на банку с тушёнкой и быстро её ополовинили.

- Стой, стой Жора, - остановил Родин, - так ты всю тушёнку слопаешь, и нечем будет закусить остатки твоего спирта. Ну, ладно, я облегчу твою участь.

Он отлил часть спирта из Жориной кружки в свою, а Жоре долил воды и сказал:

- Ну, теперь-то тебе не так будет страшно. Давай выпьем за наших родных и близких, чтобы они были живы и здоровы.

Офицеры чокнулись и Жора, закрыв глаза от страха, выпил содержимое кружки. Немного закусив, он сказал:

- Смотри, Николай, а разведённый спирт пить не так страшно.

Однако уже минут через десять лейтенанта сильно развезло, несмотря на такую царскую закуску. Мысли его стали путаться, он лёг на лавку в каморке Родин и уснул. Сквозь надвигающийся сон он услышал слова Родин, обращённые к кому-то:

- Молодой ещё наш лейтенант и не привычный к спиртному. Но ничего, скоро научится, нужда его заставит, вот только морозы посильнее завернут и научится.

Лейтенант проснулся от того, что кто-то его будил.

- Проснитесь, товарищ лейтенант, - услышал он певучий голос старшины Кузнецова.

Лейтенант с трудом поднял голову и увидел старшину, который принёс ему обед. Кушать не хотелось, во рту как будто кошки нагадили, голова трещала. Пересилив себя, лейтенант сел на лавку.

- Ты что, старшина, опять принёс мне боевые сто грамм? Это страшное зелье, которое сшибает с ног, как взрывная волна от снаряда? - спросил лейтенант.

- Так точно, товарищ лейтенант. Это Ваш фронтовой паёк, я его буду приносить теперь каждый вечер, - ответил старшина.

- Вот новое испытание, навалившееся на наши головы, - пробурчал лейтенант и сел хлебать варево, принесённое старшиной.

- А мои боевые налей лучше Николаю, он человек привычный и вынесет это испытание с честью, даже больше того, с удовольствием, добавил лейтенант.

После ужина лейтенант обошёл оборону, проверил свои пулемёты. Остановившись у расчёта Караваева, он спросил:

- Ну, как, Караваев, слышишь ты своих соседей, покрикивают они или нет?

- Тишина, товарищ лейтенант, как будто там никого нет, даже стрелять перестали, - ответил он.

- Ну, посматривай Караваев, полностью успокаиваться нельзя, - сказал лейтенант и направился к своей закопушке.

Погода стала портиться, стал накрапывать холодный мелкий дождь, иногда пролетали снежинки.

- Слава Богу, вот и дожили до белых мух, - подумал лейтенант, - что-то долго идут сапёры до передовой, пора бы и зимнее жильё иметь.

Лейтенант улёгся в своё ложе, немного покрутился и заснул.

Дни и ночи на плацдарме потянулись однообразно, противник по своему обыкновению вёл дежурный артиллерийско-миномётный обстрел, снайперы не пропускали ни малейшей возможности продырявить зазевавшегося защитнику голову. В военном отношении всё шло по нормальной схеме.

Но на защитников плацдарма навалилось новое тяжелейшее испытание. Осень дождливая и холодная переходила в зиму. Вначале шёл дождь днём и ночью, люди промокали, но это уже было привычное состояние. Но вот мяг-

кая украинская зима начала входить в свою пору – днём шёл дождь, а ночью всё замерзало. Вода покрылась коркой льда, хлеб тоже замерзал, если солдат забудет сунуть пайку за пазуху. Но фляжку с водой за пазуху не сунешь. Хуже того, вода в пулемёте тоже начала замерзать, её приходилось прогревать постоянной, через каждый час, стрельбой. Хотя стрельба велась средними очередями, но это добавило расчётам работы по набивке лент. Ленты тоже промокли, и их набивка превратилась в сущий ад. Солдаты вновь набили кровавые не заживающие мозоли на ладонях.

Лейтенант приказал старшине разыскать антифриз – не замерзающую жидкость, чтобы залить его в пулемёт вместо воды. Но старшина не смог достать его нигде. Но это были всё ещё цветочки, ягодки же были совсем в другом, самом тяжёлом испытании на плацдарме. Каждый солдат должен был в течение суток отстоять на посту от четырёх до шести часов. За это время полностью намокала плащ-палатка и почти полностью шинель. Когда наступал вечер и дождь переходил в снег, а температура опускалась ниже нуля, солдат превращался в глыбу льда. Шинель и плащ-палатка, замерзая, становилась как колокол, стоящий на солдате, как на коле. Проходя по траншее, солдат задевал замёрзшей шинелью обледенелые стены окопов, и создавалось впечатление, как будто танки надвигаются на окопы.

Фашисты бдительно смотрели, чтобы в нашем расположении не зажигали костров ни днём, ни ночью. Как только, какой-нибудь отчаявшийся солдат пытался зажечь хотя бы досточку от патронного ящика и чуть-чуть погреть свои скованные льдом члены, фашисты начинали закидывать это место гранатами из гранатомётов, да так густо, что без огня становилось жарко и приходилось срочно тушить огонь и разбегаться с этого места в разные стороны. Днём обстреливался дым, а ночью огонь, и замерзшему солдату оставалось греться лишь своим внутренним теплом.

Лейтенант не был исключением. Он целыми днями передвигался по передовой, наблюдая за противником, проверял и инструктировал свои боевые расчёты, связывался с командиром стрелковой роты и тоже намокал, как и все. Вот здесь-то и была сломлена стойкость лейтенанта, которую предсказывал старшина и Родин.

Как правило, к приходу старшины с обедом, уже начинало подмерзать и, после дождливого дня, у всех не сходился зуб на зуб. Когда появлялся старшина с заветным бидончиком, все ликовали, предвкушая возможность согреться спиртом и горячей похлёбкой. Ритуал, при этом, уже выработался постоянный. Каждый солдат, держа наготове котелок и кружку, усаживался на своё постоянное место на огневой позиции, образуя круг. Старшина священнодействовал со своей меркой и бидоном. Рядом стоял повар с за-

плечным термосом пустой не калорийной баланды и большим чайником. И вот трапеза начиналась, всем разливалась его порция спирта, затем похлёбки. Когда это уничтожалось, в кружки наливали горячий чай. Солдаты от такой трапезы становились красными и чувствовалось, что холод от них отступает.

Лейтенант вначале старался не присутствовать на этом пиршестве, чтобы быть подальше от искушения, но потом не выдержал, сильный холод заставил его взяться за кружку. Правда, он обязательно разводил спирт и выпивал вначале не всё, но потом почувствовал, что переносить холодные ночи в закопушке легче со спиртом, чем без него. Правда, всё равно после такой трапезы он полностью отключался от действительности, но, по его мнению, это было лучше, чем созерцать её с дрожью во всех клетках тела. Калорий, получаемых за таким обедом, хватало до половины ночи. Вторая половина ночи была ещё более холодной, чем первая и лейтенант вскакивал и ходил по траншее, скрежеща своей замёрзшей шинелью, не давая заснуть стоящим на посту и будя спящих, которые со сна не могут понять, что происходит. Некоторые хватались за гранаты, думая, что наступают фашистские танки.

Постоянный, ежедневный мороз, сковывающий льдом одежду и холод, сковывающий солдатские души, был изнуряющим испытанием для всех. Но даже в такой, невероятной обстановке, ни один солдат из взвода лейтенанта не заболел, да и в стрелковой роте тоже не было слышно о болезнях. Лейтенант не переставал удивляться этому явлению. Да и сам лейтенант в детстве сильно страдал ревматизмом, но странное дело, ревматизм не выдержал таких сильных испытаний и куда-то исчез.

Так проходили дни. Постепенно зима вступала в свои права и иные дни были уже морозными. Лейтенанта вызвал к себе командир батальона Громов. Выйдя из хода сообщения на склон оврага, где помещался штаб батальона, лейтенант увидел сапёров, заканчивающих сооружение землянки, располагающейся в одиночестве, посередине между штабом батальона и траншеей, по которой он пришёл.

- Вот уже ближе к нам подвигаются сапёры, может быть и до нас, в конце концов, дойдут, - подумал лейтенант.

Прибыв на КП батальона, лейтенант доложил:

- Товарищ капитан, лейтенант Шумилин по вашему приказанию прибыл.

- Садись лейтенант, - сказал Громов.

Рядом с Громовым был какой-то незнакомый старший лейтенант, лет тридцати пяти, высокого роста, оценивающе рассматривающий лейтенанта.

Знакомьтесь лейтенант, вот к Вам из резерва прислали командира пулемётной роты старшего лейтенанта Левченко. Это твоё начальство, люби его и жалуй, - сказал Громов.

- Товарищ капитан, а пулемётов с расчётами и пополнение в наши теперешние расчёты не собираются прислать? Вот теперь есть командир роты, старшина с хозяйством, а рота-то состоит из двух пулемётов с половинным составом расчётов к ним, из этой роты даже взвода не поучится, - сказал с горечью лейтенант.

- Всё будет, лейтенант, когда это потребует, - сказал Громов.

Лейтенант заметил недобрую гримасу на лице Левченко.

- Вот для командира роты сапёры заканчивают землянку, - сказал Громов, - ты проходил мимо её.

- Да, я видел, - ответил лейтенант, а нам, товарищ капитан, сапёры не будут делать землянок? Солдаты уже все до такой степени проморожены, что фашист скоро сможет их взять голыми руками.

- Всеми своё время, - ответил Громов неопределённо.

- Мы бы сами вырыли, но у нас нет леса, перекрыть землянку, да и народу еле хватает на караульную службу, - не унимался лейтенант.

Посмотрев в сторону командира роты, он опять увидел на его лице недобрую усмешку.

- Вы свободны! Старший лейтенант, подробно обстановку тебе расскажет лейтенант, - отпустил их комбат.

Пулемётчики вышли из землянки КП батальона и пошли в сторону землянки Левченко. По дороге лейтенант, со свойственной ему эмоциональностью, пытался рассказать командиру роты о всех проблемах, имеющихся на передовой, но его это, по всей видимости, мало интересовало, так как он был рассеян и невнимателен. Подойдя к землянке, старший лейтенант оживился и стал делать указания сапёрам по поводу оборудования землянки. Лейтенант попросил разрешения возвратиться во взвод и командир роты разрешил.

Возвращаясь в расположение взвода, лейтенант думал:

- Вот и пулемётная рота появилась в полном соответствии с уставом. Что-то мне не очень понравился старший лейтенант, какие-то недовольные гримасы строил, а землянку ему соорудили славную, по всем правилам военного искусства, в четыре наката. Вот такую бы землянку нам, солдаты погреблись бы в ней.

Не знал лейтенант, что эта землянка была предназначена для его взвода, но старший лейтенант забрал её себе. Не мог также знать лейтенант, какую зловещую роль сыграет этот командир роты в судьбе его взвода.

После прихода командира роты, старшина перестал появляться на передовой. Он перешёл на обслуживание старшего лейтенанта. Очередные обеды приносили повар Степан с ездовым Егором. Солдатам стало казаться, что баланда стала хуже, а спирт жиже. Они говорили об этом во всеуслышание.

Может быть, это так и было, а может быть, солдаты что-то замечали, так как по приказанию комроты ежедневно на ночь лейтенант высылал одного солдата стоять в карауле у землянки старшего лейтенанта. Выделение солдата ежедневно ложилось тяжким бременем на остальных, которым приходилось стоять в карауле у пулемёта по восемь часов под дождём и снегом. На передовой комроты практически не бывал, лишь однажды за неделю обошёл окопы в течение пяти минут.

Наконец-то на улице, а вернее, в траншее пулемётного взвода пришёл праздник. Сапёры появились на передовой и начали рыть котлован под большой дзот и землянку рядом с ним. На передовой они работали ночами и очень быстро, видимо, фашистские пули, и снаряды им были в тягость и они хотели от них быстро избавиться. В течение нескольких дней, вернее, ночей, был готов дзот, в который был переведён расчёт Караваяева, и готова землянка в три наката для всего взвода. Во время переселения пулемёта Караваяева, произошёл курьёзный случай, показывающий лицо комроты не с лучшей стороны. Повар принёс обед, и весь взвод расположился в землянке и при свете мигалки получал свои порции. Вдруг в землянку ворвался комроты с пистолетом в руке и с перекошенным от гнева лицом. Лейтенанту показалось, что он выпил две или три порции боевых сто грамм.

- Застрелю! – Орал старший лейтенант, размахивая пистолетом перед лицом лейтенанта.

- Почему пулемёт стоит без дежурного? – Продолжал комроты, - застрелю!

Лейтенант спокойно встал, отвёл от своего лица пистолет и сказал спокойным голосом:

- Сейчас расчёт получит обед и займёт свою новую огневую позицию в дзоте.

Старший лейтенант нехорошо выругался и ушёл с передовой. Больше, в течение всего периода обороны, его на передовой не было. Да и надобности в нём не было.

В роту прибыл ещё один командир взвода, младший лейтенант Плотников. Молодой, щуплый паренёк, только что окончивший военное училище. Так как пулемётов не было, то он осел в землянке комроты и нёс караульную службу наравне с солдатами. Вскоре в роту прибыл ещё один командир расчёта, возвратившийся из госпиталя, также оставленный у себя командиром роты и нёсший караульную службу. Было неясно, для чего создана эта не боевая единица, но значительная по численности. Нахлебники, так окрестили их солдаты.

На передовой жизнь шла своим чередом. С появлением землянки бойцы стали жить нормально, ходили на посты, там изрядно замерзали, так как наступила уже не сиротская, а настоящая зима. Возвращались в землянку, где по ночам была нормальная температура. Днём же было холодновато. Фашисты не давали топить печку в землянке днём. Солдаты несколько раз разводили огонь в печурке и каждый раз сотни гранат из гранатомётов рвались вокруг землянки и дзота, находившегося рядом. Если дым не переставал идти, то начинала бить артиллерия среднего калибра, а если и это не помогало, то рвались снаряды тяжёлых орудий, разворачивая окопы вокруг. Все при этом боялись за дверь, которая была сколочена из тонких досок. Даже граната, разорвись она около двери, продырявила бы её своими осколками, которые достали бы сидящих бойцов в землянке. Огонь сразу гасили и фашисты успокаивались.

Одной из проблем было топливо. Дров нигде не было. Всё, что было на плацдарме, сожгли тыловые подразделения. Солдаты уже начали горевать, вот построили землянку с печкой, а погреться негде. Какой-то шустрый солдат предложил:

- Давайте ребята топить печку толлом.

Солдаты даже испугались этого предложения:

- Взлетим на воздух вместе с землянкой и накатами над ней.

- Не бойтесь, это проверено, - отвечал шустрый солдат, - я берусь это испробовать.

И вот поздно вечером все вышли из землянки, оставив в ней солдата с одной шашкой тола. Солдат распалил печку и сунул в неё тол. Пошёл черный дым, и шашка тола стала гореть как смола.

- Смотрите, ребята, горит-то как, - воскликнул солдат, первым вошедший в землянку.

Проблема с топливом была решена за несколько минут. Недалеко от передовой наши сапёры навалили целый штабель противотанковых мин в деревянных ящиках, то ли сняли их с передовой, то ли собирались поставить. Солдаты каждый вечер приносили по две – три мины, располагая их в разных концах траншеи, чтобы какой-нибудь шальной снаряд разрывная пуля не попали сразу во все мины. Лейтенант понимал всю опасность этого эксперимента, но смирился – солдаты в тепле и даже сыты. Он сам следил, чтобы в mine случайно не оказался взрыватель или в печку не попал патрон.

Сыты солдаты были потому, что во время сооружения дзота и землянки, сапёры подвозили всё на лошадях, и одна лошадь была убита шальным снарядом напротив землянки с нашей стороны. Опять как-то шустрые солдаты сообразили, что тело лошади замёрзло и лежит как будто в леднике. Попро-

бовали отрубить кусок ляжки, оттаяли его, мясо ничем не пахло. Попробовали варить, варится плохо. Но потом сообразили, что лошадь старая и мясо нужно варить дольше. Попробовали варить часа четыре, мясо уже можно было есть, правда, оно больше походило на резину, но, если долго жевать, то можно было и проглотить. Так появился другой источник питания, необходимый изголодавшимся бойцам. Кто-то недалеко от землянки отыскал поле не убранных сахарных буряков. С помощью немецкого штыка и топора, выковыривали буряки, варили их и с удовольствием ели.

Снайперы продолжали свирепствовать. Теперь, когда кругом лежал снег и ночи не были такими тёмными как ранее, активность снайперов по ночам сильно возросла. Один из типичных случаев работы снайпера ночью произошёл рядом с огневой позицией Курочкина в одну из ночей, когда лейтенант был на этой огневой точке. Снайпер, видимо, долго следил за нашим стрелком, стоявшем в дозоре. Даже, когда он высовывался, он не стрелял, зная, что тот может в любой момент убрать голову. Снайпер всё же дождался момента, когда можно было стрелять наверняка. Солдат взял лопатку и решил очистить от снега свою амбразуру. Для этого он высунулся из ячейки и лопаткой стал отбрасывать снег. Прозвучал выстрел, и разрывная пуля попала солдату в руку, почти у самого плеча. Солдат заорал благим матом на всю округу. Лейтенант одним прыжком оказался возле него. Увидев раздробленную кость, он сразу понял, что произошло. Достав индивидуальный пакет, он затянул не руке жгут ниже плечевого сустава, забинтовал руку и приказал Курочкину отыскать какие-нибудь палки. Рука висела как плеть, держалась на полосках кожи. Солдат кричал, плакал, причитал:

- Ой моя рученька, чего ж я без тебя робить буду, я же плотник, а як плотник может робить без руцы.

Он качал свою руку, как больного, обреченного на смерть ребёнка.

- Як же я приду у село без рученьки?

- Успокойся солдат, - уговаривал его лейтенант, - хорошо, что фашист попал тебе в руку, а не в голову. Лежал бы ты в сырой земле, а теперь ты отвоевался, приедешь к жинке в село, найдёшь себе работу.

- Та ведь у мени жинка молода, як я до ней возвернусь, - плакал навзрыд солдат.

- Не волнуйся же ты, солдат, - внушал ему лейтенант, - у тебя всё остальное цело, а обнять сможешь и одной рукой, знаешь, как она будет рада. Народите вы с ней с десяток ребятишек, вот тебе ещё двадцать рук, и твоей руки не понадобится. Сиди и командуй только.

Но солдат никак не мог видеть себя инвалидом и всё причитал. Курочкин принёс две дощечки. Лейтенант прибинтовал к ним безжизненную руку,

и подошедшие санитары увели солдата в тыл. Случаи ночных действий снайперов с тяжёлыми исходами стали повторяться чаще. Старший лейтенант Родин провёл с командирами взводов инструктаж по правилам поведения солдат в период несения дежурства.

- Товарищи, вам необходимо обратить особое внимание на безопасность солдат от снайперов. Ряды наши тают, а пополнения нет, и не предвидится.

Но пополнение в пулемётный взвод лейтенанта всё же пришло. Он пополнил четырёх человек – пулемётчиков, вернувшихся из госпиталя, и распределил их по два в каждый расчёт.

- Ну, у меня теперь почти полностью укомплектованы расчёты, воевать можно, - радовался лейтенант, в разговоре с Родиным.

Прошло ещё несколько недель. На передовой всё было без изменений. Солдаты и лейтенант согревались ночью в тёплой землянке, днём в ней была температура такая же, как и снаружи. Обмундирование было сухое, правда, полностью вытравить вшей из него не удавалось. Старшина ещё один раз устраивал фронтную баню, но всё равно, у кого-то они оставались и спокойно переползали к любому из солдат, так как все спали вместе вповалку на земляных нарах.

В один из морозных дней в землянку к лейтенанту явился ординарец командира роты, у него и такой солдат появился, и пригласил лейтенанта к комроты. Сборы у лейтенанта заняли одну минуту, и они вместе с ординарцем отправились в ближайший тыл. Войдя в землянку комроты, лейтенант был поражён тем уютом, который создал старший лейтенант. Пол в землянке был выстлан досками, у одной стены стоял деревянный топчан, являющийся постелью комроты. На топчане лежал матрас, набитый соломой и закрытый сверху тёплым ватным одеялом и подушка с довольно чистой наволочкой. Посредине стоял стол, около него две табуретки и скамья. В другом углу землянки леже всех остальных обитателей землянки. На стенах были повешены даже какие-то картины.

Лейтенант очень давно не был у командира роты и при виде такого шикарного помещения даже ахнул.

- Что, понравилось, лейтенант? – с довольной ухмылкой произнёс комроты.

В землянке был также старшина Кузнецов и командир взвода младший лейтенант Плотников. Все сидели в одних гимнастёрках с расстёгнутыми воротами. В землянке было жарко. Лейтенант тоже разделся и сел на табурет. Старший лейтенант начал говорить:

- Я собрал всех, чтобы сообщить вам, - начал комроты словами городничего из гоголевского “Ревизора”, - что в ближайшее время кончается наше

пассивное сидение в обороне. Нам приказано подготовиться и начать наступление. Наступать мы будем с высоты 226.5. Да, да, с той самой, с которой мы ушли некоторое время тому назад. Передислокация намечается на послезавтра.

- Для передислокации пулемётов, - продолжил комроты, - старшина должен изготовить две волокуши на лыжах. Наши окопы займёт соседний батальон левофлангового полка.

- Вопросы есть? – спросил комроты.

- Вопрос такого плана, будет ли нам пополнение? – спросил лейтенант.

- Комбат не обещал, - ответил командир роты.

Лейтенант вернулся в расположение своего взвода. Обошёл оба рчёта и распорядился готовиться к передислокации.

У лейтенанта было двойственное чувство. С одной стороны хотелось радоваться, что будет наступление, а с другой, было очень странно, с кем же будет наступление, где же люди, с которыми можно будет прорвать такую сложившуюся несколько месяцами оборону. С этим недоумённым вопросом он пошёл на КП к Родину.

- Здравствуй, Николай, - приветствовал он Родина.

- Здравствуй, Жора, - ответил тот, я примерно догадываюсь, с каким вопросом ты пожаловал ко мне. С кем мы будем наступать? Верно?

- Точно, Николай, сказал лейтенант, - вот мы с тобой недавно были свидетелями, как нас гитлеровцы хотели уничтожить. Они нагнали уйму пехоты, подтянули громадное количество артиллерии и пригнали десятков танков. Они прекрасно знали, что в наших траншеях находится горстка бойцов. А какой огонь они организовали, выпускали по несколько сот снарядов на ствол.

- Что же мы имеем сегодня у нас? – Продолжал лейтенант, - та же горстка солдат, несколько орудий и миномётов и по 8 – 10 снарядов на ствол. Где пополнение в людях, в артиллерии, в танках? Нет и не видно на горизонте, - лейтенант театрально приложил ладонь ко лбу, как бы разглядывая горизонт, - фашисты не дураки, они создали оборону в несколько эшелонов. Если предположить, что мы сможем прорвать с нашей горсткой солдат оборону первой линии, то развить наступление, даже удержать её, будет нечем и нечем.

Родин слушал горячую речь лейтенанта, не прерывая его, хотя сам знал не хуже, а может быть и значительно лучше все эти прописные истины.

- Вот ты недавно говорил, Николай, - не унимался лейтенант, - что ты со своей ротой может быть и смог достать окопов противника на левом фланге. Так на высоте 226.5 расстояние уже не 80 метров до гитлеровцев, а 200 метров только до начала их окопов, а потом они идут перпендикулярно нашим

позициям. Я надеюсь, что ты хорошо помнишь, как сосед драпанул и позволил фашистам подобраться к нам близко. Вот мы, преодолевая, эти уже укрепленные и заминированные 200 метров потеряем всех, до последнего солдата.

- Успокойся Жора, - остановил поток речи лейтенанта Родин, - я полностью присоединяюсь к твоим опасениям, но поживём и увидим. Может быть не всё будет, так как ты мрачно описал сейчас. Иди, лучше готовься к передислокации. Дорогу ты туда отлично знаешь, а позиции на высоте 226.5 наверно знаешь с закрытыми глазами.

Лейтенант ушёл со своими не разрешёнными сомнениями и противоречивыми мыслями. К вечеру следующего дня Егор, пыхтя и отдуваясь, притащил две волокуши. Пулемётные расчёты погрузили на них пулемёты, укрепили коробки с лентами и пулемётный взвод был готов к передислокации обратно на высоту 226.5. Если осенью пулемёты тащили на себе, то теперь по санному пути перевезти их было значительно легче.

Лейтенант с какой-то долей сожаления покидал обжитые ими позиции. Вроде бы только-только высохли шинели, спать стали защитники в тепле, правда, утром все были в копоти и саже, так как тол горел как смола, и чёрную копоть в больших количествах забрасывало в землянку. Днём же землянка выстывала, и к вечеру зуб на зуб не сходилась, но это были мелочи жизни. Кроме этого, солдатская мясная кладовая, убитая лошадь, была ещё не полностью съедена и поле сахарных буряков не полностью убрано. Лейтенант, как и всякий нормальный человек, привыкающий к той обстановке, в которой он долго находится, привык и к этой, хотя и суровой, обстановке. Это был его дом на какой-то, хотя и небольшой, отрезок времени. Завтра он покинет эти привычные места и Бог знает, что с ним будет в предстоящей мясорубке. У него появилось желание пообщаться с Родиным.

На КП роты шла подготовка к передислокации. Приходили командиры взводов с различными вопросами, представители подразделения, сменяющего роту. Лейтенант немного посидел, встал и хотел уйти. Его остановил Родин:

- Слушай Жора, у меня сейчас запарка, а вот принесут ужин, и мы с тобой вместе посидим, выпьем наши боевые и поговорим. Кто знает, что нам день грядущий готовит и сможем ли мы с тобой ещё посидеть вот так вдвоём и побеседовать.

Родин к сожалению был прав, больше молодым людям не сужено было посидеть в такой интимной и спокойной обстановке и поговорить по душам. Когда принесли ужин, к лейтенанту пришёл ординарец Родина и позвал к нему. Лейтенант захватил свою еду и порцию спирта и пришёл к Родину. К

него на столе было два котелка с баландой и тарелка квашеной капусты, такой аппетитной, жёлтой с тёртой морковью и луком, нарезанным кружочками. Лейтенант проглотил слюнки.

- Старшина где-то достал, - сказал Родин, заметив жадный взгляд лейтенанта.

- Молодец у тебя старшина, Николай, - ответил лейтенант.

Для того, чтобы сразу не захмелеть и можно было по душам поговорить, как любили это делать лейтенант и Родин, лейтенант развёл небольшую долю спирта водой. Он никак не мог привыкнуть к этому зелью и всегда пил без удовольствия, а ради того, чтобы согреться и не заболеть от холода. Офицеры чокнулись, выпили и с остервенением набросились на капусту. Немного заправившись, у них потекла задушевная беседа, в которой они с поразительной лёгкостью перебрасывались с одной темы на другую. Лейтенант заметил в разговоре Родина какую-то новую, не свойственную ему грустную нотку. Он спросил его:

- Николай! У тебя появилась какая-то новая нотка, то ли неуверенность, то ли грусть какая-то, то ли ещё что. Это не к лицу такому боевому офицеру, как ты. Сам же так говорил, что солдат всегда должен быть жизнерадостным и никогда не должен унывать, тогда его не убьют.

- Правильно Жора, но я сам с собой ничего не могу поделывать, стал скулить по девушке, по родителям, и какая-то грусть появляется, когда я о них думаю. Вот, когда фашисты хотели нас раздавить здесь, у меня этой грусти и в помине не было, а ведь мы с тобой понимали, что через 15 минут после их наступления, от нас ничего бы не осталось.

- Крепись Николай, выкини из головы эту грусть и держи хвост морковкой, как говорят наши солдаты, обойдётся, и мы с тобой ещё посидим, порадуемся нашей победе.

Уже была глубокая ночь, когда лейтенант вернулся в свою землянку и лёг рядом со своими храпевшими на разные лады солдатами.

Глава VII. НАСТУПЛЕНИЕ

Перед рассветом все были уже на ногах. Пулемётчики готовили волокуши, снимали пулемёты с огневых позиций и переносили их в ближайший тыл в зону, куда не достигал ружейно-пулемётный огонь. К рассвету взвод лейтенанта распрощался с привычными уже позициями и цепочкой отправился вдоль нашей обороны на высоту 226.5. Впереди шагал лейтенант, за ним расчёты везли на лыжных санях - волокушах пулемёты с лентами и по ящику патронов, на всякий случай.

Часа через два взвод был уже у штаба батальона в овраге под высотой. Здесь уже был командир батальона и командир роты Родин. Здесь же был старшина Кузнецов с подводой, на которой было нагружено что-то, закрытое брезентом.

- Лейтенант, - сказал командир батальона, - занимай позиции, те же, которые ты занимал перед уходом отсюда.

- Слушаюсь, товарищ капитан, - ответил лейтенант и дал команду снимать пулемёты с волокуш и разбирать их.

Взвалив пулемёты на плечи, расчёты за лейтенантом двинулись в гору. Дойдя почти до верха горы, они вошли в ход сообщения, и пришли на свои прежние позиции. Лейтенант распределил расчёты несколько по иному, чем они стояли раньше. В центре, на перекрёстке буквы Т, он поставил расчёт Караваева, так как здесь было основное направление наступления, а расчёт Курочкина на правый фланг, где кончалась оборона роты и, вообще, кончались траншеи. Между Курочкиным и правым соседом окопов не было. Эту зону необходимо было держать под обстрелом.

- Так и не соединили траншею с соседом, - подумал лейтенант.

Он отослал расчёты за остальными частями пулемётов, коробками лент и боеприпасами, а сам осторожно стал обследовать вражескую оборону. Он отметил, что противник построил ограждение из колючей проволоки на козлах. В остальном изменений он не увидел. По прибытии расчётов он прошёл по линии обороны, заглянул в ответвление от основной траншеи. Там он увидел навесы, накрытые досками и засыпанные сверху землёй. Под ними была настелена солома.

- Не густо вы здесь настроили, вот, наверное, намёрзлись за время обороны здесь. Хотя бы какие-нибудь перегородки сделали.

- А впрочем, - думал лейтенант, - может быть, они завешивали навесы плащ-палатками.

Возвращаясь к расчётам, лейтенант встретил связного Родина, который сообщил, что его вызывает комбат.

Придя на КП батальона, он увидел там всех командиров рот, в том числе и своего старшего лейтенанта Левченко.

Комбат начал:

- Товарищи офицеры, мной получен приказ командира полка о наступлении на нашем участке фронта завтра в восемь ноль-ноль. Нашему батальону приказано выбить врага с его позиций и к пятнадцати ноль-ноль подойти к восточной окраине села Михайловка и с ходу взять село. Далее, продвигаясь на запад, подойти к восточной окраине села Ходоровского. Дальнейшее продвижение будет уточнено после выхода батальона к окраинам села Ходоровского. Нас поддерживают дивизионная, полковая и батальонная артиллерийская и миномётная батареи. Действия танков на нашем участке не предполагается. Артподготовка начинается в восемь ноль-ноль, а начало атаки, по красной ракете.

- Какие будут вопросы, - закончил комбат.

Вопросов оказалось достаточно много. Офицеры интересовались количеством и качеством наполнения, наличием снарядов и мин, вопросами обмундирования и целым рядом других вопросов. По ответам комбата лейтенант сделал заключение, что наступление будет трудным и оно практически не подготовлено.

Лейтенант вернулся в свои траншеи. Начало понемногу смеркаться. Он приказал расчётам подправить огневые позиции, просмотреть все ленты и выровнять в них патроны. Недалеко от огневой точки лейтенант облюбовал навес и после проверки лент и ремонта основных позиций, забрал расчёты, оставив по одному дежурному на пулемёт.

Вечером повар принёс ужин, наваристый суп и боевые сто грамм. Измотанные за день солдаты поели и улеглись вповалку под навесом. Лейтенант, может быть, впервые за период пребывания на плацдарме, не мог сразу уснуть. Во-первых, это была не тёплая землянка, к которой он уже успел привыкнуть, а навес, продуваемый всеми холодными ветрами. Но не это мешало лейтенанту уснуть. Он ждал, что это наступление начнётся с таким же грохотом, как и то, недавнее, которое было на севере, и от чего гитлеровцев, за многие километры от эпицентра наступления, повергло в шок.

- Да, здесь по всей видимости шока не будет, - подумал лейтенант и заснул.

Он не слышал, как смеялись дежурные у пулемётов и проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

- Проснитесь, товарищ лейтенант, - услышал он голос старшины Кузнецова.

- Сколько времени, старшина? – спросил лейтенант, садясь на соломе.

- Около шести часов, товарищ лейтенант, ответил старшина, - мы привезли Вам завтрак и тёплое обмундирование. Неизвестно, сможете ли Вы сегодня чего-нибудь взять в рот, и сколько Вам придётся лежать на снегу под огнём врага.

- А многим, может быть, не придётся встать после этого наступления, - подумал лейтенант, но вслух похвалил старшину за заботу.

Лейтенант под шинель надел тёплый ватный бушлат, вместо старых стоптанных сапог надел новенькие тёплые валенки, новые байковые рукавицы с двумя пальцами, большим и указательным для стрельбы. Лейтенант поднял воротник шинели, надел шапку с опущенными ушами, завязав её на подбородке, и сверху всего этого надел белый маскировочный халат.

- Вот в такой одежде можно воевать всю зиму без землянок, - заметил он.

Все солдаты также надели тёплые вещи и сверху маскировочные халаты. Не мог знать лейтенант, что по этим маскхалатам он будет находить трупы своих солдат, с которыми бок об бок провёл четыре тяжелейших месяца боёв на плацдарме.

Принесённый старшиной завтрак был вне всякой критики. Густой наваристый кулеш, наполовину заправленный тушёнкой, был бесподобного вкуса. Все пулемётчики не могли оторваться от котелков и просили добавки.

- Я знал ребята, что вам понравится наш завтрак и дал задание Степану наварить двойную норму, ешьте на здоровье, вам пригодится запас в желудке, - подбадривал их старшина.

Переодевшись и насытившись, бойцы сели в кружок, закурили и около получаса разговаривали о том, о сём. Почти все солдаты передавали старшине треугольнички – письма родным и близким. Лейтенант совершенно неправильно подумал:

- Получат родные последние весточки о своих близких, вслед за которыми придут похоронки и родные, рыдая, будут говорить: “Неправда, он жив, он только что написал нам письмо. Это в штабе перепутали”.

И пойдут письма родных в штаб дивизии с надеждой на ошибку. Себя лейтенант не хоронил. Он был уверен, что смерть за ним ещё не пришла. А может быть и все его ребята тоже в этом уверены, лейтенант старался отогнать тревожные мысли от себя.

- Ну, посидели, покурили, пора и делом заняться. Пётр Евграфович, нам пора, пожелай ни пуха, не пера, и чтобы мы с тобой ещё увиделись. А сейчас подожди дежурных, одень их и накорми.

Старшина и повар пожали руки всем пулемётчикам и старшина произнёс:

- Ни пуха вам братцы, ни пера.

- К чёрту, - ответили все хором и цепочкой, следуя за лейтенантом, пошли на свои огневые точки.

За Днепром брезжил рассвет. У лейтенанта опять навернулся афоризм:

- Последний рассвет перед сплошной тьмой.

Лёжа в ячейке, рядом с огневой позицией Караваева, услышал голос Родина:

- Здравствуй, Жора. Готовы твои пулемёты? Ну и хорошо. Да вас узнать трудно, вы как приведения все в белом. Слушай, Жора, вот видишь, на правом и левом флангах роты на нейтральной полосе стоят колышки. Это проходы в минных полях. Поставь в известность свои расчёты. Вот смотри, Жора. – продолжал Родин, - пополнение к нам подходит. Только ты не удивляйся.

По ходу сообщения шли вроде бы солдаты с винтовками, но они были одеты в какую-то странную форму. На головах шапки-капелюхи одного фасона, кепки и вязаные шапочки. Вместо шинелей на них были пальто из домотканого материала, драные зипуны и ещё какие-то непонятные одежды. Брюки были, в большинстве своём, из домотканой материи, а на ногах, что было надето, понять было нельзя. За спиной у каждого была здоровенная котомка, “сидор”, как их называли обычно солдаты.

- Что это, Николай, какое же это войско? Оно больше похоже на какую-то банду времён Гражданской войны, - удивился лейтенант.

- Это маршевая рота, которую не успели ещё обмундировать. Это призывники с левобережной Украины, призванные после её освобождения.

- Но, наверное, их и обучить хоть и немного тоже не успели, - поинтересовался лейтенант.

- К сожалению, тоже не успели, - ответил Родин.

- Так они же идут на верную смерть, они не знают здешних условий, ты им уже не успеешь даже частичку о них рассказать, через пятнадцать минут наступление. Покажи им хотя бы проходы в минных полях, - только и успел сказать лейтенант.

Это “войско” заполнило всю оборонительную линию, и Родин поспешил на свой командный пункт.

В оставшиеся до атаки минуты, лейтенант всё думал о пришедшем пополнении. Они пришли необстрелянные, не одетые, не наученные владеть оружием. Только что их оторвали от своих жён и матерей и сразу бросили в эту страшную бойню. Здесь можно выжить, если знаешь все повадки гитлеровцев, знаешь все типы их заградительных огней и можно сразу же погибнуть, не зная их. Сознание у этих парней ещё дома, они никак не могут ещё

смириться, что их оторвали от молодых женок, от любимых родителей. Неужели у нас так плохо с людьми, что нельзя дать хотя бы неделю, две, новобранцам на приспособление к военной службе и особенно к фронтовой обстановке. У лейтенанта сжалось сердце от жалости к этим молодым ребятам, которые сейчас сидели около него и смотрели на него удивлёнными, доверчивыми глазами, не представляя, что через несколько минут они своими телами создадут возможность кому-то другому ворваться во вражеские окопы. Справа и слева от него сидели красивые молодые ребята, с испуганными глазами. Лейтенант подумал:

- Бедные парни, они даже не представляют той опасности, которая им грозит.

Кругом раздавалась украинская певучая речь. Лейтенанту она очень нравилась, Особое умиление у него всегда вызывала речь девушек, такая мелодичная и приятная. Лейтенант успел сказать ребятам новобранцам, находящимся рядом с ним:

- Ребята, смотрите внимательно, вон там за колючей проволокой, фашисты могут поставить заградогонь, поэтому лучше, если вы перебежите сразу вперёд, ближе к фашистским окопам, там вам будет безопасней.

Лейтенанту не было ясно, поняли ли его молодые солдаты, или нет. Да и как они могли сориентироваться в этой непонятной им обстановке.

В утренней тишине раздались оружейные выстрелы и над нашими окопами с воем пронеслись снаряды и мины.

- Началось, - подумал лейтенант.

Снаряды и мины через слишком большие промежутки времени пролетали над окопами и рвались в расположении врага. Лейтенант невольно вспомнил артподготовки гитлеровцев осенью здесь на высоте. Шквал огня был такой, что невозможно было поднять голову и дышать было нечем. А как утюжили наши окопы "Фоккеры". Даже такая обработка не давала врагу ожидаемого эффекта, не сломила воли наших солдат. Что же можно было ожидать от такой жидкой стрельбы наших пушек и миномётов.

Ещё не появилась красная ракета, а лейтенант понял, что это не наступление, а какой-то камуфляж. Разве можно сломить врага несколькими снарядами и минами. А вот как бы в подтверждение его мыслей в воздух взвилась красная ракета.

- Вперёд, в атаку, - раздалась команда и стрелки, выскакивая из окопов, устремились на вражеские траншеи.

Гитлеровцы открыли бешеный огонь из пулемётов и автоматов. Как нашим пулемётам невозможно было вести эффективный огонь по вражеским позициям, также и гитлеровцам неудобно было стрелять по наступающим,

потому что наши и вражеские окопы располагались перпендикулярно друг другу, а наши подразделения атаковали фашистов во фланги. Все солдаты, прошедшие школу войны на плацдарме, сиганули из окопов первыми и стремглав бросились ближе к окопам врага. Так их проинструктировали офицеры, изучившие систему заградительного огня. Находясь здесь в обороне, все офицеры наблюдали за пристрелочным огнём фашистов и постепенно выявили зону их подвижного и неподвижного заградительных огней. Эти сведения оченьгодились сейчас, в период наступления.

Была разработана следующая тактика наступления. Фашисты не будут открывать заградительного огня по малочисленным группам солдат, а откроют огонь по основной массе наступающих. Поэтому, группа солдат, хорошо знающих местность и расположение огней, должна быстро проскочить зону заграждения и залечь вблизи фашистских окопов. Основная масса наступающих достигнет эту зону и по ней противник откроет заградительный огонь. Те из солдат, которые смогут прорваться через эту зону, присоединятся к ранее проскочившим её и штурмом овладеют вражескими позициями. Этот план удался, но какой ценой. Основная масса наступающих из-за автоматного-пулемётного огня несколько замешкалась и затем всем скопом двинулась на врага.

- Что же новобранцы не скинули свои сидоры в своих окопах? – Подумал лейтенант, - они же им могут больше не понадобиться.

И вот эта масса в домотканых зипунах, с огромными сидорами почти вся одновременно вступила в зону фашистского заграждения. Лейтенант ещё долго не мог опомниться от той страшной трагедии, которая произошла в следующий момент. Сотни снарядов, падающих один, поде другого, накрыли эту толпу. В воздух летели изуродованные тела и части их. Укрыться было негде, упавшие, стоявшие и бежавшие одинаково попадали под этот губительный огонь. В чёрном дыму от разрывов металась обезумевшие люди, ища спасения, но всё было напрасно. Они, конечно, не могли сообразить, что отбежав назад метров на 20 – 30 можно было выйти из этого ураганного огня. Новобранцы гибли, и поле покрыло их изуродованными телами. В воздух летели самодельные армяки отдельно от их хозяев. Сидоры взрывались как снаряды и из них летели буханки хлеба, шматки сала и ещё что-то, чем снабдили их родные и близкие. За каких-нибудь пять минут от маршевой роты ничего не осталось, ни живых, ни раненных, был один массив изуродованных трупов.

- Вот какой дорогой ценой мы платим за отсутствие у нас снарядов. Были бы снаряды, сколько можно было спасти молодых здоровых жизней на

радость близким и родным, на пользу Родине, - с величайшей горечью в очередной раз подумал лейтенант.

Лейтенант не мог видеть: смог ли кто-нибудь проскочить зону этого огня. Как выяснилось после, в окопах противника новобранцев не было.

Не успела ещё отгреметь канонада фашистского заградотряда, как в траншее появился командир пулемётной роты старший лейтенант Левченко. Он размахивал пистолетом и что-то кричал. Вид был, как у сумасшедшего. Он подскочил к расчёту Караваева и заорал диким голосом:

- Вперёд!

- Куда же вперёд, товарищ старший лейтенант, - стараясь перекричать шум боя, - возразил лейтенант, - пехота ещё не ворвалась на позиции противника. Мы же должны её поддерживать огнём, а не колёсами.

- Вперёд! Убью! – Не обращая внимания на возражения лейтенанта орал комроты.

Караваев вскочил, вылез на бруствер и протянул руки, чтобы принять пулемёт, но взять его не удалось. Вражеская пуля разорвала ему кисть руки. Он кувырком скатился обратно в окоп, кровь хлестала из раны. Рядом оказался санитар, который перевязал Караваева и тот направился в тыл.

- Жалко Караваева, хороший был командир расчёта. Хорошо хоть жив остался, не судьба ему погибнуть, теория Родина об обречённости подтверждается, - подумал лейтенант.

- Вперёд! – Не унимался комроты.

Лейтенанту показалось, что старший лейтенант окончательно лишился рассудка. Выхода другого не было, и лейтенант скомандовал расчёту выдвинуть на бруствер пулемёт и под прикрытием щита по-пластунски передвигаться вперёд, двигая перед собой пулемёт. Расчёт, вместо того, чтобы вести огонь по противнику, подавляя его огневые точки, и, помогая пехоте в захвате позиций врага, стал передвигаться по полю под бешеным артиллерийским и пулемётно-автоматным огнём. Лейтенант, наблюдая за расчётом, заметил, что ещё один пулемётчик застыл. На месте, раскинув руки, как бы стараясь обнять это дымное, в сполохах взрывов небо. Все солдаты расчёта Караваева были примерно одного роста, все были в маскхалатах и поэтому лейтенант не мог определить, кто же явился очередной жертвой безрассудства комроты. Теперь пулемёт двигали только три пулемётчика.

- Доползут ли они с пулемётом до вражеских позиций или все лягут на этом огненном поле, - подумал лейтенант и направился к расчёту Курочкина.

За ним следовал комроты. Лейтенант подумал:

- Сейчас опять натворит неблаговидных дел наш взбалмошный командир, - вот караваевский расчёт движется под смертельным огнём навстречу

вражеским траншеям, а не ведёт огонь по фашистским позициям и что, если окопы врага не будут захвачены нашими пехотинцами, тогда расчёт вместе с пулемётом приползёт прямо в руки фашистов. Прежде, чем снимать пулемёт с огневой точки в наших окопах, необходимо было убедиться, что траншеи врага будут захвачены. А что, если будет контратака? Чем тогда будем отбиваться?

Так размышлял на ходу лейтенант, пока шёл на огневую позицию Курочкина, сзади слышались шаги комроты. Вдруг между ними на бруствере, ближе к комроты, разорвался тяжёлый снаряд. Лейтенанта толкнуло в спину взрывная волна, и он упал на дно окопа, но сразу же вскочил на ноги и обернулся назад. В облаке пыли и огня он увидел комроты, лежавшего навзничь в траншее. Лейтенант подбежал и наклонился к нему, комроты не подавал признаков жизни.

- Неужели убит, - подумал лейтенант, - недолго же смог выдержать на передовой наш славный командир.

Следов крови на его теле лейтенант не обнаружил. Пока он осматривал тело, комроты открыл глаза и чего-то пытался произнести. Лейтенант понял, что разорвавшийся вблизи снаряд сильно контузил комроты.

- Будешь жить, и здравствовать, - резюмировал лейтенант.

Окликнув санитаря, лейтенант поручил ему заняться комроты, а сам, моментально забыв о нём и его делах, побежал к расчёту Курочкина, работу которого, в грохоте боя, лейтенант перестал улавливать.

- Как дела, Курочкин, почему молчит твой пулемёт? – Запыхавшись, спросил лейтенант.

- Не вижу целей, товарищ лейтенант, - ответил Курочкин, посмотрите, как заволокло вражеские окопы дымом и пылью. А их арт-огонь заметно ослаб, наверное, наши ребята захватили-таки вражеские окопы.

Лейтенант внимательно осмотрел позиции врага и, действительно, пока ничего не было видно.

Через несколько минут заградогонь прекратился и лейтенант отчётливо услышал ружейно-автоматную стрельбу и взрывы гранат в окопах противника.

- Ну, теперь пора Курочкин и нам ввязаться в эту кашу, - сказал лейтенант, а сам про себя подумал:

- Как же мы будем вести огонь из наших станковых пулемётов в траншеях врага? Лучше бы оставить расчёт Курочкина здесь в окопах, но, думаю, что меня не поймёт командование.

Как бы услышав его мысли, в траншее появился комбат Громов и крикнул лейтенанту:

- Что отсиживаешься лейтенант, там идёт бой, а ты тут бездействуешь.

- Сейчас выступаем, товарищ капитан, - ответил лейтенант.

Он не стал доказывать капитану, что один расчёт было бы целесообразно оставить здесь, зная, что комбат не будет вникать во всё это в пылу боя, а лейтенант будет выглядеть в его глазах трусом. Он не был трусом и больше всего боялся, что ему это припишут. Дав команду снять пулемёт с огневой точки и двигаться за ним, лейтенант вскочил на бруствер и побежал вперёд. Бежать ему долго не дали, вокруг начали рваться разрывные пули, видимо противник внимательно наблюдал за нашими позициями. Лейтенант с размаху шлёпнулся в снег и оглянулся.

Расчёт Курочкина выкатил пулемёт и тоже пытался бегом преодолеть хотя бы часть пути, но град автоматного-пулемётного огня уложил их недалеко от передней огневой позиции. Лейтенант с беспокойством наблюдал за ними – все ли живы?

Но вот расчёт пришёл в движение и, толкая пулемёт впереди себя под прикрытием щита, стал передвигаться по направлению к лейтенанту. Он снова попытался сделать рывок вперёд, вскочил и зигзагами побежал к вражеским окопам. Но зигзаги не помогали, кругом так сильно свистели и разрывались пули, что ему пришлось снова плюхнуться на землю. Когда он осмотрелся, то увидел страшную картину, он находился в зоне заградочного огня. Кругом был чёрный от копоти и красный от крови снег. Создавая как бы траурный фон для лежащих в различных позах изуродованные до неузнаваемости тела и частей тел убитых наших наступающих солдат. Противник не прекращал огонь из пулемётов по лейтенанту. Кругом было ровное чистое поле и ему пришлось забраться в груды трупов, чтобы как-то спастись от этого губительного огня.

- Хорошо, что ещё не открыли заградительного огня, Наверное, снарядов жалеют на одного человека.

Шум боя был уже близко и лейтенант понял, что находится недалеко от вражеских траншей. Пулемётного расчёта Караваева нигде не было видно, да и его работы не слышно. Наверное, добрался до вражеских позиций, а стрелять вдоль окопов невозможно. Курочкин со своим расчётом медленно, но верно продвигался вперёд. Поравнявшись с лейтенантом, расчёт остановился. Сплошной град пулемётно-автоматного огня не давал возможности двигаться дальше, но останавливаться было нельзя. Остановка означала смерть, на чистом заснеженном поле расчёт был отличной мишенью и их не мог спасти от гибели никакой пулемётный щит.

- Вперёд! – Крикнул лейтенант, - за мной, - и, вскочив, пробежал несколько метров.

Огонь противника снова уложил его между трупами. Белый маскировочный халат лейтенанта на груди и животе стал чёрно-красным от копоти и крови. Курочкин со своим расчётом тоже попытался подняться и сделать рывок вперёд, но пулемётная очередь буквально прошла его, поднявшегося первым, и он с размаху опрокинулся назад. Из многочисленных ран хлынула кровь. Он ещё попытался приподняться, но рухнул замертво на заснеженное поле. Расчёт был обезглавлен и солдаты подавлено смотрели на своего командира, не в силах сдвинуться с места.

Лейтенант также был ошеломлён смертью Курочкина. За время боёв на плацдарме, он сжился с ним и даже полюбил этого щуплого паренька, неплохо знающего своё дело. Но останавливаться, и переживать утрату, не было времени и возможности. Каждая секунда промедления могла стоить жизни остальным, и он крикнул:

- Вперёд!

Но расчёт не двигался, слишком большое впечатление произвела на них гибель Курочкина.

- Вперёд! – Снова скомандовал лейтенант, - приказываю двигаться вперёд, иначе сам открою по вам огонь, - с остервенением крикнул лейтенант.

Угроза возымела действие, и расчёт пополз вперёд под прикрытием пулемёта. Лейтенант только хотел вскочить, как прямо на него полетел огненный шар. Он непроизвольно вдавился в снег. Огненный шар в нескольких сантиметрах от его головы вдруг начал снижаться и с шипением ударился в снег прямо перед его лицом.

- Проклятый фашист, пытается меня сжечь фаустпатроном, - подумал лейтенант.

Он резко вскочил и, перепрыгивая через трупы солдат, одним махом преодолел расстояние до вражеских траншей. Кубарем, скатившись в окопы, лейтенант оглянулся на свой расчёт. Метрах в пятидесяти от него четверо оставшихся в живых пулемётчиков двигали “Максим” по заснеженному, изрытому снарядами полю. Вдруг вокруг пулемётчиков взметнулись брызги снега от пулемётной очереди фашистов. Ползущий справа от пулемёта второй номер Клименко как-то странно взмахнул руками и уткнулся носом в снег. К нему подполз Саша Луканичев и хотел помочь, пытаясь перевернуть Клименко. Наконец это ему удалось сделать, но помощь Клименко уже была ненужна. Пуля прошла тело Клименко от головы до ног.

- Одинаково погибли командир и его правая рука, - с горечью подумал лейтенант.

Расчёт медленно, уже втроем, продолжал двигаться вперёд. Теперь самым “старым” был Саша Луканичев, двое других, правда, были из обстре-

лянного, но недавнего пополнения. Переведя дух и осмотревшись, лейтенант попытался уяснить обстановку. Метрах в пятидесяти от него слышалась ружейно-автоматическая стрельба, и раздавались взрывы гранат. По всей видимости, там шла ожесточённая рукопашная схватка.

- Значит, не все наступающие погибли в огне заградогня, часть успела проскочить это злополучное место до начала круговерти, - подумал лейтенант.

Как выяснилось позже, успели проскочить “старые”, обстрелянные солдаты, хорошо изучившие местность и повадки фашистов здесь на высоте. Маршевая же рота в домашних армяках с большими сидорами послужила лишь мишенью, отвлекающих на себя огонь. Она воевала по принципу “не умением, а числом”. Вся её жизнь на фронте продолжалась 15 – 20 минут. Она выполнила свою функцию и целиком ушла из жизни, предоставив возможность “старичкам”, закалённым в боях продолжать ожесточённую борьбу с врагом. Эта жертва была чрезвычайно дорогой. Лейтенант собственными руками буквально прощупывал остывающие на снегу тела этих молодых украинских парней, безвременно ушедших из жизни, чтобы внести свой посильный вклад в нашу Победу. Однако, в душе лейтенант считал это, так называемое, “наступление” или полнейшей авантюрой, или ошибкой командования. Идти фактически с голыми руками, необученными и необстрелянными солдатами, даже не солдатами, а сугубо штатскими людьми, не переодетыми даже в военную форму, на такие глубоко эшелонированные позиции врага, это было безумие. Он не знал стратегического замысла командования, да и не мог его знать из своих холодных и голодных окопов, но то, что он видел наяву, не укладывалось ни в какие рамки здравого смысла.

По его мнению, всё было рассчитано на абсолютную бездарность противника. Вот противник увидит, что русские начали наступать и побежит. Но, если даже лейтенант и его окружение сразу же поняли, что три снаряда и пять мин, это смехотворная артподготовка и она не приносит никакого урона, ни один фашист от неё не пострадает, то противник, умный и расчётливый, тем более понял всю бессмысленность наших действий. Да и фашистская “рама” чаще прежнего появлялась над нашей передовой и ближними тылами наверняка сфотографировала все заснеженные поля, на которых можно было увидеть даже кошку, а пересчитать по головам сколько солдат передвигается к передовой, не составляло никакого труда. Укрыться от объектива “рамы” на плацдарме было негде, населённые пункты были полностью разрушены, а лесных массивов не было.

Только теперь лейтенант начал понимать замысел противника. Он пропустил в свои окопы небольшую группу наших наступающих подразделений,

не опасаясь, что они могут развить успех, а основную массу наступающих накрыл этим губительным заградительным огнём.

- Вот тебе и наступление с выходом к такой-то деревне по такой-то дороге, - думал лейтенант, - фашист умно и расчётливо поставил точки в этом нашем наступлении. По всей видимости, он знал или догадывался о готовящемся нашем наступлении и, как хороший шахматист, рассчитал его на много ходов вперёд.

- Бессмысленные жертвы, бессмысленное наступление, - резюмировал лейтенант, - если это ошибка, то, сколько горя и слез, она принесла нашим людям. А если не ошибка, так что же это?

Думая так, лейтенант интуитивно огляделся по сторонам, как бы боясь, что кто-то может подслушивать его “крамольные” мысли. Если бы он осмелился высказывать их вслух, то не миновать бы штрафбата.

Тем временем расчёт приближался к нему. На последних метрах пулемётчики решили броском преодолеть оставшееся пространство. Они вскочили, взяли пулемёт за хобот и побежали. Бегущий замыкающий из последнего пополнения солдат с двумя банками лент в руках, не добежав до окопа около пяти метров, был срезан пулемётной очередью и упал замертво. Спасительного окопа достигли двое из расчёта. Пулемёт остался на бруствере. Спускать его в окоп, и таскать по ходу сообщения было некому. Лейтенант приказал повернуть его в сторону фашистских позиций, подготовить к стрельбе и ждать команды.

Лейтенант решил осмотреться. Он прошёл по ходу сообщения всего несколько метров и увидел за бруствером свой “Максим”, однако задревший к небу ствол.

- Вот ты где спрятался, голубчик, - воскликнул лейтенант, - тащили тебя волоком напоследок, для этого и ствол подняли, а вот поставить на огневую позицию, видимо, тоже было некому.

Вблизи пулемёта никого не было, в полусотне метров шёл рукопашный бой, рвались гранаты, раздавалась автоматная стрельба. Крики солдат и стоны раненных. В нескольких шагах от себя лейтенант увидел деревянную дверь, видимо она вела в ту самую землянку, которую фашисты стали копать сразу после захвата части высоты 226.5 у соседа справа, во время осенней контратаки. Лейтенант направился к землянке и толкнул дверь ногой. Она отворилась и перед ним открылась неприглядная картина. На двухэтажных деревянных нарах, сколоченных фашистами, на соломе лежали и сидели раненные. Их было много, землянка была битком набита. Из ран, наспех забинтованных индивидуальными пакетами, из оторванных рук и ног ручьями тек-

ла кровь. Раненные бредили, стонали, кричали, кряхтели. Роль сиделок около них приняли на себя легко раненные.

- Товарищ лейтенант, - из темноты землянки раздался знакомый голос своего пулемётчика Серёгина, второго номера расчёта Караваева.

- Жив, Серёгин, - лейтенант, освоившись в полумраке землянки, шагнул в угол к нарам, где полулежал солдат.

- Так точно, товарищ лейтенант, жив я, правда, ранен в правое плечо, ключицу перебило, и ногу прошила пуля. А вот всех остальных потерял по дороге. Через каждые 50 метров убивало по человеку. Вот на последних метрах и меня задело, но я смог дотянуть пулемёт до траншеи с одной коробкой патронов, но поставит его на боевую позицию, у меня не хватило сил.

- Жалко ребят, совсем зря погибли без цели и без славы, - как-то философски с грустью заключил солдат.

- Да, героические были ребята, - подтвердил лейтенант, - и погибли как живые мишени в открытом поле без пользы. Ну, что же поделаешь, такова судьба. Вот в расчёте Курочкина тоже большие потери. Сам Курочкин и один солдат убиты, двое притащили пулемёт в эти траншеи, но стрелять нельзя, вдоль изгибающейся траншеи бесполезно. Ну, ладно, Серёгин, лежи и жди помощи, а я пойду дальше воевать. Слышишь, рвутся гранаты, это наши ребята – стрелки сошлись в рукопашную с фрицами. Пойду я, немного им подмогу.

Несмотря на полутьму землянки, лейтенант заметил грустный, какой-то обречённый взгляд Серёгина, видимо предчувствующее что-то роковое в своей судьбе. Лейтенант вышел из землянки и направился в сторону близкого боя. Пройдя не более десятка метра, лейтенант почувствовал, что около его головы что-то пролетело и шлёпнулось рядом. Оглянувшись, он увидел длинную фашистскую гранату с деревянной ручкой. Граната шипела, и из неё шёл дымок. Недолго думая, лейтенант бросился в ячейку, вырытую в стенке окопа, которая, на его счастье, оказалась рядом. Только-только успел лейтенант втиснуть своё тело в ячейку, как прозвучал взрыв гранаты, и его обдало гарью и теплом разрыва. Стенку окопа вокруг ячейки процарапало множество осколков.

- Так всё тело может продырявить эта деревянная фрицевская палка, далеко же они её швыряют, - подумал лейтенант.

Теперь он шёл с опаской, каждую секунду готовый броситься в спасительную ячейку от коварных фашистских палок. На протяжении 30, оставшихся до фашистов, метров, ему пришлось три раза прятаться в ячейки. На линии соприкосновения сторон гранаты падали почти без перерыва. Лейтенант выбрал себе ячейку рядом с десятком стрелков, ведущих гранатный бой

с врагом. Он бросил три гранаты, с которыми пришёл из своих окопов. Больше у него гранат не было, да и у стрелков тоже, видимо, они были на исходе. Лейтенант чувствовал, что положение становится критическим. В наиболее вместительных ячейках лежали груды раненных вперемежку с убитыми. Раненные, в основном, были безнадежными.

В процессе гранатного боя нужно быть очень внимательным и иметь моментальную реакцию, чтобы укрыться вовремя от упавшей рядом гранаты. Не успевшие отреагировать на гранату, становились растерзанными её взрывом. Вот такими ранеными с оторванными конечностями, растерзанными телами, разорванными животами с вывалившимися кишками, но ещё с признаками жизни были наполнены ячейки. Раненные хрипели, кто-то истошно кричал, кто-то просил санитаров, но сражающиеся не обращали на них внимания. Никто их не перевязывал, да и невозможно это было сделать горстке солдат, ведущих ближний бой с врагом.

Не имея гранат, лейтенант почувствовал бесполезность своего пребывания здесь. Он решил попытаться подтянуть пулемёт поближе к месту боя и поддержать пехотинцев в случае контратаки врага. Он направился к оставленному пулемёту, но не успел пробежать и десяток метров, как на окопы, отбитые у врага, обрушился шквал артиллерийского огня. Фашисты, видимо, решили отбить обратно свои позиции. Лейтенант, не обращая внимания на разрывы вражеских снарядов и мин, уже приближался к пулемёту, когда услышал гортанные крики фашистов, видимо, организовавших контратаку. Он услышал топот и, оглянувшись назад, увидел бегущих в панике наших стрелков.

- Стой, - закричал лейтенант, - назад!

Но его крик потонул в грохоте разрывов и криках солдат. Толпа солдат оттолкнула лейтенанта в ячейку, стремглав пробежала до конца окопа, выпрыгнула на нейтральную полосу и устремила к нашим окопам, оставив лейтенанта одного лицом к лицу с толпой озверевших фашистов. Лейтенант подскочил к пулемёту. Пулемётчики уже повернули пулемёт стволом в сторону фашистов.

- Можете вести стрельбу по траншее? – крикнул лейтенант.

- Никак нет, товарищ лейтенант, - ответил Саша Луконин, - ничего не видно.

В это время недалеко от них послышались крики фашистов и автоматная стрельба. Из-за поворота траншеи показались первые фашистские солдаты.

- Ну, ребята, придётся и нам с вами драпать, - крикнул лейтенант и в сопровождении двух пулемётчиков пустился во весь дух к своим траншеям, оставив во вражеских окопах свои выдавшие виды “Максимы”.

Пробегая мимо землянки с ранеными, лейтенант увидел в дверях легко-раненого солдата и крикнул ему:

- Драпайте, кто может, немцы рядом.

Как проскочили беглецы нейтральную полосу, обстреливаемую снарядами, минами и ружейно-пулемётным огнём, лейтенант не заметил. Он кубарем скатился в свой спасительный окоп и прямо лицом к лицу столкнулся с комбатом Громовым, наблюдавшим их позорное бегство. Фашисты не преследовали отступающих. Видимо, их цель была лишь выдворить из своих окопов наступающих.

- Лейтенант, где твои пулемёты? – Строго крикнул комбат.

- Остались в окопах фашистов, - ответил он.

- Почему не притащили их обратно?

- Все расчёты побиты, тащить пулемёты некому.

Лейтенант и комбат посмотрели через бруствер окопа на вражеские позиции. Там одиноко, задрав ствол к небу, сиротливо стоял один из “Максимов”, брошенный своими хозяевами. Лейтенанту стало не по себе за такое отношение к своему верному другу, не раз спасавшему его и защитников плацдарма от атак врага. Этот, задравший ствол, на фоне уже темнеющего неба, действовал удручающе, как будто лейтенант предал кого-то.

По ходу сообщения от КП батальона, находящегося внизу в овраге, во весь дух бежал какой-то солдат. Остановившись около комбата, запыхавшись и еле переводя дыхание, крикнул:

- Товарищ капитан, Вас вызывает первый.

- Хорошо, я иду, - ответил капитан и, повернувшись к лейтенанту, сказал:

- Отдыхай пока, лейтенант, постарайся поесть, ночь, как и прошедший день, будет очень тяжёлая.

Расположившись недалеко от офицеров, два чудом уцелевших пулемётчика, внимательно вслушивались в разговор командиров. После того, как комбат ушёл со связным, лейтенант решил отдохнуть. Прошло несколько минут, и он услышал до боли знакомый певучий голос старшины Кузнецова.

- Пулемётчики, есть кто-нибудь в живых? – Кричал он.

Оба пулемётчика сорвались с места и закричали:

- Мы здесь, старшина.

Из темноты окопа вынырнул старшина с езовым, у которого за плечами и в руках были бачок с едой, чайник с горячим чаем и рюкзак с хлебом. На поясе обоих тяжёлые фляжки, вероятно со спиртом. Лицо старшины светилось непередаваемой радостью, когда он увидел лейтенанта:

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! – Воскликнул он.

По его позе было видно, что старшина с трудом сдерживает желание крепко обнять лейтенанта.

- Ну, зовите всех остальных, мы приготовили хороший ужин, с мясом, - сказал старшина, укладывая свои деликатесы на ящик с гранатами.

- Смотри, старшина. Не взлетим ли мы на воздух вместе с твоей похлёбкой? – Пошутил Саша Луконин.

- Давненько вы не были дома, посмотрите, сколько ящиков с гранатами и патронами навезено за ваше отсутствие, - в тон ему ответил старшина.

Действительно, взглянув внимательно вправо от себя, на место бывшей огневой позиции расчёта Караваева, лейтенант увидел большое количество ящиков, почти полностью заваливших ход сообщения и окопы огневой позиции Караваева.

- Видимо, действительно, будет горячая ночь, - подумал лейтенант, - но кто же будет швырять эти гранаты в фашистов?

- Ну, зови Саша всех остальных к ужину, - нетерпеливо настаивал старшина.

Саша Луконин молчал. Лейтенант не выдержал этого диалога:

- Пётр Евграфович! Нас постигло глубокое горе, все остальные – это мы трое, а все основные лежат сейчас за бруствером наших окопов на нейтральной полосе и во вражеских окопах.

У старшины полезли глаза на лоб. Он привстал, заглядывая за бруствер окопа, стараясь в полумраке попытаться разглядеть своих подопечных.

- Товарищ лейтенант, неужели все погибли? – Со слезами в голосе воскликнул Кузнецов, - какие же это были геройские ребята. Мне трудно поверить, что их больше нет на свете.

Старшина как-то сник, бормоча себе под нос:

- Мы старались, приготовили вкусный ужин, принесли две фляжки спирта. Кому же всё это?

- Ну, пока дай нам хорошенько заправиться, пока суд да дело. Наливай нам свою жирную похлёбку, а спирт пока немного наливай, наверное, будет ещё заварушка, а мы заснём пьяные.

Пока пулемётчики заправлялись, старшина всё охал да ахал, разглядывая их в полумраке окопа. Картину они представляли невесёлую: в порванных маскхалатах, замазанных кровью и землёй, измученные до измождения. Им было не так-то просто провоевать от рассвета до сумерек, тысячи раз подвергаясь смертельной опасности. Но горячая пища и глоток спирта всё же немного успокоил их. Наступило какое-то умиротворение. Тем более, что старшина принёс несколько пачек “Беломора”. Все закурили, развалившись на дне окопа на мёрзлой земле. Появилось желание расслабиться и подре-

мать. Старшина в расстроенных чувствах стал собирать свой нехитрый скарб. Распрощался со своими немногочисленными подопечными и отправился на свои тыловые позиции.

Только старшина с ездовым скрылись за поворотом траншеи, как из хода сообщения показался комбат, а за ним двигались какие-то тени в чёрном обмундировании и размещались в ходах сообщения и ячейках. Капитан подошёл к пулемётчикам и сказал:

- Вот, ребята, подошла штрафная рота, она будет атаковать позиции фашистов.

Штрафников было много. Лиц их лейтенант в темноте не видел. Эта тёмная масса молчаливых людей вызывала какое-то странное чувство. Все эти штрафники, осуждённые судом военного трибунала за различные преступления, сейчас собирались кровью искупить свою вину и, или вернуться к нормальной жизни, или умереть. Даже небольшая царапина с несколькими каплями крови может быть искуплением их вины. Они с какой-то надеждой всматривались в темноту нейтральной полосы и на фашистские окопы, откуда иногда раздавалась пулемётная стрельба, и взмывали в небо осветительные ракеты.

Лейтенанту эта картина была привычна и не вызывала никаких эмоций. Но человеку, не привыкшему к такой обстановке, брошенному судьбой в этот чёрный мешок окопа, должно быть, было нелегко побороть жутковатый холодок, а может быть и чувство обречённости и страха. Штрафники не могли знать, как им действовать в бою, что их ждёт за пределами спасительного окопа, в котором они накапливались. Их никто не посвящал в детали предстоящей атаки. Лейтенант понял это с первых же минут начала атаки. Штрафникам, видимо, никто не рассказал о минных полях, заложенных нами и фашистами сразу же за бруствером окопов, и о расположении проходов в них, проделанных нашими сапёрами.

Зловещее молчание и чувство неизвестности закончилось командой

- Вперёд, в атаку!

Чёрная масса дрогнула и стала карабкаться по стенкам траншеи, выбираясь на бруствер. Некоторые штрафники взбирались по ящикам с гранатами и патронами, чтобы было удобнее выбраться из окопа. Но здесь произошёл трагический инцидент. Вперёд выбрался офицер с гранатой в руках и громко закричал:

- Вперёд. Убью!

Как выяснил потом лейтенант, это был капитан, командир штрафной роты. Он был смертельно пьян. Капитан орал истошным голосом, шатаясь и падая, выражаясь самой отборной бранью. Штрафники волновались и никак

не могли быстро выбраться из окопов. Капитан, окончательно распаясь, вырвал чеку из гранаты и бросил её в группу штрафников, карабкающихся по ящикам с гранатами. Лейтенант втиснулся в ячейку, ожидая страшного взрыва десятков ящиков с гранатами. Но взрыва ящиков не произошло, видимо, взрыв гранаты был в какой-то степени блокирован телами штрафников. В этой неразберихе капитан куда-то исчез, раненных штрафников оттащили в сторону, а остальные продолжали быстро выпрыгивать из окопов.

Вскоре вся эта масса расплзлась по нейтральной полосе, пренебрегая проходами в минных полях, и чётко отпечатывались своей тёмной одеждой на снегу. Буквально через несколько минут началось то, что предвидел лейтенант. То тут, то там раздавались взрывы зеленоватого цвета и слышались вопли и стоны искалеченных штрафников.

- Вот и началось бездарное уничтожение штрафников нашими же минами. Далее, ближе к окопам фашистов, начнётся уничтожение их немецкими минами. Если бы штрафники были предупреждены о проходах в минных полях, этих громадных потерь можно было бы избежать. Ну, как мог такой пьяный капитан правильно организовать атаку? – Так думал лейтенант, наблюдая за развёртыванием штрафной роты.

Несмотря на взрывы мин, штрафники продолжали ползти в сторону фашистских окопов.

- Вот сейчас они, достигнут рубежа заградогня, и на их головы посыплется град снаряд и мин, - так думал лейтенант, наблюдая за движением штрафников, с горечью отмечая продолжающиеся зелёные всполохи противопехотных мин.

- Пора, лейтенант! – Скомандовал подошедший командир батальона, - веди штрафников на окопы фашистов.

Лейтенант не заставил себя долго ждать, выпрыгнул из окопа, позвал своих оставшихся в живых двух пулемётчиков и побежал по проходу вперёд, ближе к фашистским окопам, чтобы быстрее миновать зону заградогня. Только он миновал эту зону, раздались взрывы снарядов в полосе заградогня. Но такого мощного урагана огня, как днём, не последовало. Может у фашистов кончились снаряды, или они не желали прерывать свой сон. Стрельба затихла. Лейтенант вскочил и закричал:

- Вперёд, за Родину, за Сталина.

Штрафники поднялись и побежали, но кинжальный пулемётный огонь опять уложил их на землю. Пулемёты замолчали, но лейтенант успел заметить, что самым опасным из пулемётов, уничтожившим штрафников, является пулемёт, расположенный недалеко от него, на развилке траншей. Он подполз совсем близко к тому месту и заметил двух фашистов, пригнувшихся к

пулемёту, видимо, ожидая новой атаки. Во мраке ночи фашисты не могли видеть лейтенанта на снегу, так как он был в белом маскхалате, они ожидали тёмных фигур. Достав гранату, лейтенант вытащил предохранительную чеку и, как его учили в военном училище, поджал до отказа левую ногу под себя, резко вскинулся во весь рост, швырнул гранату в падении. Раздался взрыв, и фашистов больше не было видно.

- Вперёд, в атаку, - крикнул лейтенант.

Штрафники явно не могли видеть лейтенанта, но, услышав его команду, вскочили и с криком

- Ура! – Единым духом достигли вражеских окопов.

Лейтенант был первым в окопах и видел спины убегающих фашистов. Он осмотрел свои оставшиеся у врага пулемёты. Они были в порядке, но его пулемётчиков не было среди наступающих. Тащить пулемёты обратно не было необходимости. Лейтенант заглянул в землянку, в которой оставались раненные. Дверь землянки была распахнута. Лейтенант зажёл спичку, и перед ним открылась ужасающая картина. Наши раненные, но теперь уже расстрелянные фашистами, лежали в различных неестественных позах, прошитые автоматными очередями. Видимо, они пытались как-то спастись, но их настигли автоматные очереди.

Лейтенант расположил штрафников в обороне. Один из штрафников был знаком с пулемётом и ему лейтенант приказал поставить один из “Максимов” на позицию для стрельбы. Для второго “Максима” нужно было искать расчёт. Лейтенант решил вернуться на свои исходные позиции, попытаться поискать расчёт и получить дальнейшие указания к действию. Пробежав половину пути к своим окопам, лейтенант увидел двух своих пулемётчиков. Они лежали рядышком, голова к голове. Их, видимо, скосил тот пулемёт, в который лейтенант бросил гранату. Добежав до своих окопов, он встретил там офицеров артиллеристов и миномётчиков, поддержавших их атаку. Приятной была встреча с командиром стрелковой роты Родиным.

- Жив, Жора! – воскликнул Родин и обнял лейтенанта.

Все офицеры собрались в кружок и стали обсуждать обстановку. На передовой воцарилась полная тишина. В этой тишине лейтенант услышал выстрел миномёта и почему-то обратил на него внимание. Через несколько секунд после выстрела послышался свист летящей мины. Через несколько мгновений он перешёл в шипение, значит, полёт мины был на исходе. Не успел лейтенант броситься на землю, как в середине круга сидящих офицеров, раздался взрыв. Людей разбросало в разные стороны. В последний миг лейтенант увидел окровавленное тело Родина, отброшенное силой взрыва.

Он нашёл в себе силы встать, но тут же упал, обливаясь кровью, и потерял сознание.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I.	Переправа	3
Глава II.	Плацдарм	17
Глава III.	Контратака	25
Глава IV.	Испытания нарастают	50
Глава V.	Туманное утро	77
Глава VI.	Передислокация	89
Глава VII.	Наступление	116

- Авторская стилистика и орфография сохранены (*прим. редактора сайта*).